

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции

**Слово и текст в свете современных
исследований филологических наук**

30 апреля 2016 г.

Нижний Новгород
www.scipro.ru

УДК 8
ББК 80/83

С 48

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Слово и текст в свете современных исследований филологических наук: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 30 апреля 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 170 с.

ISBN: 978-5-00-005762-7

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемные вопросы по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Слово и текст в свете современных исследований филологических наук» (30 апреля 2016 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайтах <http://www.scipro.ru>.

УДК 8
ББК 80/83

ISBN: 978-5-00-005762-7

Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016
Коллектив авторов, 2016
Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	5
Клочан А. Н. Заголовок современного медиатекста: прецедентный аспект	5
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	9
Кулишкина О.Н. Новалис в истории русского афоризма.....	9
Леонтьева А.Ю. «Кот учёный» Н.С. Гумилёва и И.В. Одоевцевой в интертекстуальном аспекте	14
Нарожняя С.М. Об аксиологическом потенциале древнерусской публицистики (на материале «Послания к митрополиту Даниилу» Ф. Карпова, XVI в.).....	22
Новожилова А.М. Литературный портрет как жанровая разновидность автодокументальной прозы	24
Петренко Н.А., Рыбалко А.А. Образ главной героини в повести Л. М. Леонова «Evgenia Ivanovna»	31
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	35
Ганиева-Гиниятуллина А.Ф. Ф.Хәснинең «Жир тыңлы» романы турында	35
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ.....	37
Блинова М. П., Клямкова Ю.Г. Художественная реализация романтической иронии в новеллах Людвиг Тика.....	37
Бочко М.М, Татарина Л.Н. Литературные реминисценции и музыкальные мотивы в рассказе У.Фолкнера «Каркассонн».....	43
Ветошкина Г.А., Ярмиш М.А. Личность и смерть: современное решение вечной проблемы (на материале романа Д. Делилло «Белый шум»).....	49
Даниленко И.А. Понятие любви как сенсемный компонент в концептосфере романа Ф. С. Фитцджеральда “The Great Gatsby”	55
Петренко Н.А., Плетнева С.В. Отражение философии дзен-буддизма в цикле Дж. Д. Сэлинджера «Девять рассказов».....	59
Саракаева А.А., Саракаева Э.А., Лебедева И.В. Хаген из Тронье: происхождение легенды	65
ЯЗЫКОЗНАНИЕ.....	78
Гайдаш А. А. Структура фразеологических единиц в романе У. Голдинга «Повелитель мух» как отражение национально-культурной маркированности языка.....	78
Denisova I. V., Telesheva I. V. The adequacy of translation of morbial metaphors in mass-media	82
Деревенец П.В., Татарникова И.В., Шереметьева Е.В. К вопросу о специфике формирования внутригородских топонимов Монреалья.....	85
Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Портрет исторической языковой личности купца И.С. Щеголихина (на материале эпистолярных текстов начала XX века)	94
Чуйкова Е.С. Особенности языка прозы А.С. Пушкина (на материале цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»).....	102
РУССКИЙ ЯЗЫК.....	108
Коновалова И.Е. Просторечные языковые единицы как элементы речевого портрета женщин в произведениях А.П. Чехова.....	108

Коновалова И.Е. К речевому портрету представительниц интеллигенции (на материале прозы А.П. Чехова)	111
Плесканюк Т.Н. Однокорневые словообразовательные последовательности как средство формирования текстовой связности.....	119
Сечнев С.А. Сужение значений заимствованных слов в русском языке.....	129
Твердохлеб О.Г. Личные имена собственные в русских пословицах (принадлежность к типу склонения и рифмовка)	132
Чеботарева И.М. Семантика персонифицированных качественных прилагательных в детской речи	137
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	141
Бажайкин Н.Е. Некоторые проблемы двуязычной социолектной лексикографии.....	141
Куртнизирова З.Р., Татарникова И.В., Шереметьева Е.В. Структурные особенности англоязычных авиационных терминологических сокращений.....	146
Смирнова Ю.И. Социолект студенческого сообщества в Соединенных Штатах Америки	151
Теория языка	155
Андреянова Л.Н., Шарова И.Н. Homo ludens и его терминологическое поле.....	155
Долженков В.Н. Знаковая координация и когнитивная оценка речевого поведения партнёра.....	162
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	165
Гайипова Г.А. Коммуникативтүү фразеологизмдердин жана макал-лакаптардын структуралык жана семантикалык өзгөчөлүгү («Абай жолу» роман-эпопеясынын материалында).....	165

УДК 82-92

Клочан А. Н. Заголовок современного медиатекста: прецедентный аспект

Title of modern media text: precedential aspect

Клочан Анастасия Николаевна

Кубанский Государственный университет, г. Краснодар

klo4an.nastya@yandex.ru

Klochan Anastasia Nikolaevna

Kuban State University, Krasnodar

Аннотация: В данной статье предпринята попытка классифицировать заголовки современных медиатекстов по источнику прецедентности. Было выявлено шесть источников прецедентности: фольклор, фразеологизмы, литература, кинематограф, эстрадные песни, жизненные реалии. Наиболее используемый и узнаваемый источник – фразеологизмы. Самый редкий источник прецедентности – тексты эстрадных песен.

Abstract: The aim of this paper is to classify a headlines modern media text of case source. It is argued that there are six sources precedent. They are: folklore, idioms, literature, movies, pop songs, the realities of life.

Ключевые слова: прецедентность, медиатекст, заголовок, интертекстуальность.

Keywords: precedential, mediatext, title, intertextuality, headlines modern media.

В контексте современного мира автору очень трудно создать что-либо принципиально новое. В этой ситуации на смену линейным текстам приходят нелинейные, заключающие в одной форме множество смыслов. Это явление широко используется в средствах массовой информации, а наиболее заметно в заголовке, как сильной позиции текста. Поэтому именно прецедентный аспект заголовка медиатекста стал объектом нашего изучения.

В данной статье представлены результаты нашей попытки классификации прецедентных заголовков по типу источника на материале статей газеты «Аргументы и Факты» (далее – «АиФ») за февраль-март 2014 года.

В современном мире СМИ формирует сознание человека, поэтому важно уметь определять механизм воздействия на читателя, этим обуславливается актуальность выбранной темы.

Газетный заголовок - эффективное средство привлечения читательского внимания, посредством которого автор сознательно выражает свое отношение к тексту. В современной лингвистике заголовок считается доминантой текста, обеспечивающей выдвижение на первый план важнейших смыслов текста, усиление эмоциональности и эстетического эффекта. Он в сжатой форме передает основную тему произведения, осознание ее приходит к читателю ретроспективно, после прочтения текста. В большинстве случаев полное

осмысление заголовка возможно только в мировом контексте.

Характерными особенностями современной литературы и публицистики является введение в ткань повествования «вкраплений» из чужих текстов, так называемого интертекста и отсылок к прецедентным ситуациям. [Караулов, с.106]

Заголовки исследуемого нами материала можно распределить на шесть групп в соответствии с источником прецедентности:

Первая группа объединяет в себе заголовки, источниками которых является **фольклор**. В статье АиФ № 11 (12/03/2014) под названием ««Не буди лихо!» Александр Адабашьян - о расколе и запретах» известный актер и режиссер поразмышлял о революции на Украине и расколе российского общества. В заголовке присутствует часть фразеологизма «Не буди Лихо, пока оно тихо». Чтобы понять его истинный смысл, необходимо обратиться к славянской мифологии, в которой Лихо – дух зла, олицетворение горя, беды. Таким образом, автор статьи иносказательно выражает свое отношение к политическим событиям, опираясь на фольклорные ассоциации читателей.

Ко второй группе относятся интертекстуальные заголовки, имеющие в своей основе **литературные источники**. Журналист Вячеслав Костиков в статье АиФ № 11 (12/03/2014), которая носит название «Трудно быть Путиным. Какие вызовы стоят перед президентом?» апеллирует к литературным ассоциациям читателей: заголовок статьи вызывает явную аналогию с названием научно-фантастической повести Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть Богом». Сопоставление человека, пусть даже и правителя государства, с Богом создает ироничный эффект.

Статья от 26/02/2014 имеет заголовок «А спонсор кто? Зачем Запад поддерживает оппозиционеров на Украине», первая часть которого частично воспроизводит слова из монолога Чацкого «А судьи кто?» Отсылая нас к «Горю от ума» А.С. Грибоедова, авторы этой статьи усиливают сатирический пафос заголовка.

В целом можно сказать, что литературные источники прецедентности потенциально весьма ёмки, однако не всегда узнаваемы, так как требуют достаточного культурного уровня читателей. Так заголовок «Дом на обочине Лазурного Берега. Как чиновники решают свои жилищные вопросы» может отослать читателя к роману братьев Стругацких «Пикник на обочине», но чаще возникают ассоциации с названием фильма Антона Сиверса «Дом на обочине», читатель проще опознает интертекст из общеизвестных, классических произведений. Так заголовок «Хапнуть и сбежать. Как Янукович оставил Украину у разбитого корыта» понятен подавляющему числу читателей.

К третьей группе прецедентных источников относятся **фразеологизмы**, это самая обширная категория, узнаваемая подавляющей массой читателей.

Так, в статье под названием «Свой в доску. муж и жена - три награды!» рассказывается о том, как сноубордисты Виктор Уайлд и Алёна Заварзина подарили России три медали. Заголовок статьи весьма богат на прецедентные связи. Так, например, первая его часть «свой в доску» представляет собой фразеологизм, пришедший из уголовной среды, но утративший свою ярко

выраженную жаргонную окраску, сейчас его применяют относительно к надежным, преданным людям. Автор статьи с помощью этого фразеологизма дает положительную оценку деятельности Виктора Уайлда и дает понять, что спортсмен не просто формально выступает за нашу страну. Данный фразеологизм содержит слово доска, что еще больше сближает это устойчивое выражение со спортсменом, ведь Виктор Уайлд сноубордист, а в просторечии сноуборд как раз и называют доской. Вторая часть заголовка напоминает русскую народную поговорку «Муж и жена – одна сатана», что означает единение семьи, родственность душ. К семье олимпийских чемпионов это образное определение более чем подходит.

Фразеологизм в названии «Нашла коса на камень. Что грозит России в случае вмешательства в дела Крыма» означает столкновение противоположных сторон, интересов, он сразу настраивает читателя на нужный лад, выстраивая в его сознании ряд необходимых ассоциаций.

Зачастую авторы статей деформируют всеми известные фразеологизмы для создания нужных им смыслов: «Раскол - и девичья фамилия. Как могут развиваться события на Украине?». Автор этой статьи уподобляет политику семейным отношениям, отсылая нас к выражению « развод и девичья фамилия».

Интересны заголовки, содержащие деформированные фразеологизмы, созвучные с оригиналом. Например, название статьи «Боб с ним!» и выражение «Бог с ним».

В названиях эффективно используются как фразеологизмы русской культуры, так и кальки иностранных фразеологизмов: «По закону джунглей: украинская революция развязала руки радикалам», «Дикий-дикий запад. И на что он собирается жить?».

В названиях «Аргументов и фактов» содержится достаточно много фразеологизмов, так, например, «Землю буду грызть, а чемпионом стану». история паралимпийца Ирека Зарипова», «Фигурист как яблоко раздора. «За» и «против» Евгения Плющенко», «Хамить изволите!».

Эстрадные песни составляют третью группу прецедентных источников заголовков. Так в статье «Гуд-бай, сало?» Дмитрий Янин рассказывает о возможном запрете на ввоз украинских продуктов на территорию России. Заголовок статьи построен по аналогии с названием песни « Гуд-бай, Америка» исполнителя Наутилуса Помпилиуса. В композиции поется о прощании автора с Америкой, а автор данного заголовка прощается с салом, но это расставание аллегорично. Ведь сало традиционно ассоциируется у всех иностранцев именно с украинской едой, а, следовательно, и с украинской культурой, а значит и со страной. Сало – на Украине это больше, чем просто национальное блюдо. Украинцы шутят, что вся философия и государственное устройство их страны построены на этом продукте. Однако не зря для заголовка была выбрана в качестве высказывания именно эта песня, в которой говорится о разрыве с Америкой, ведь США так или иначе связаны с обострением отношений между Россией и Украиной, пусть даже данная проблема никак не связана с вмешательством США, но в сознании многих

россиян крепнет стереотип о том, что Америка и есть та черная кошка, пробежавшая между родственными странами.

Пятая группа включает в себя названия, в которых источником прецедентности является **кинематограф**. В последнее время наряду с эстрадными песнями этот источник прецедентности становится более популярным за счет телевидения и интернета.

Статья «Грязные игры. Кто «подставил» Евгения Плющенко?» рассказывает о том, как отказ олимпийского чемпиона от продолжения борьбы на Играх в Сочи вскрыл темную и неприглядную сторону российского фигурного катания. В первой части заголовка причудливо сплетены различные дополнительные смыслы в одной только фразе «грязные игры». С одной стороны это и намёк на культовую американскую мелодраму, с другой стороны полное совпадение фразы с названием триллера «Грязные игры», хотя, по моему мнению, связь с этими названиями условна, направлена лишь на то, чтобы привлечь внимание читателя. Думаю, что употребление слова «грязные» создает имплицитную оценку фразы, добавляя отрицательную коннотацию, ощущение, что честь фигурного катания опорочена, «облита грязью». Вторая часть заголовка построена по принципу названия романа Гэри Вульфа «Кто подставил кролика Роджера», а так же одноименного комедийного фильма, снятого в стиле детектива. Таким образом, автор данной статьи даже уже при помощи заголовков показывает свое отношение к данной проблеме, его тон, если не презрительный, то насмешливый, однако это умело передается напрямую читателю без использования прямого текста.

Также примером заголовка, где кинематограф является источником прецедентности можно считать «Дикий-дикий запад. И на что он собирается жить?», отсылающий читателя к американскому фильму режиссера Барри Зонненфельда «Дикий, дикий Запад». А название «Та самая Россия» - к фильму «Тот самый Мюнхгаузен» режиссера Марка Захарова.

В основном авторы используют в заголовках названия фильмов для экспрессии, не отсылая к содержанию.

Последняя группа содержит в себе названия, опирающиеся на **жизненные реалии и прецедентные ситуации**.

Так статья АиФ №10 (05/03/2014) с названием «Клизма-убийца» повествует о страшной трагедии в Екатеринбурге, где из-за чудовищной халатности медиков в больнице погиб 4-летний мальчик, его убила клизма, в которую влили отраву вместо физраствора. Несмотря на весь трагизм ситуации, заголовок несет в себе скрытый ироничный подтекст, но он относится не к самой ситуации, а направлен на цинизм врачей, которые утверждают, будто во всем виновата клизма. Даже сам по себе заголовок «Клизма-убийца» является собой полный абсурд, ведь клизма – неодушевленный предмет, следовательно, необходимо, чтобы кто-то или что-то совершало над ней или с ее помощью действия, а в этом заголовке образ деятеля сознательно опущен. Вторая часть сложного слова, а именно часть «убийца», несет в себе главную смысловую нагрузку. По форме оно образованно по аналогии со словом маньяк-убийца, что намекает на оценку автора.

В заголовке «На примерку шагом марш! Корреспондент «АиФ» опробовал новую военную форму», автор использует военную формулу «шагом марш», вызывая у читателей необходимые ассоциации.

Для той же цели автор использует медицинскую формулу в названии «Опасные симптомы. Как понять, что губернатору грозит отставка».

Авторы, посредством апелляции к жизненному опыту читателей, в том числе и профессиональному, облегчают понимание статьи и усиливают интерес.

Из порядка трехсот статей газеты «АиФ» за февраль-март 2014 года около трети содержат в своих названиях элемент прецедентности, это говорит о высоком качестве материала и о необходимости читателя владеть хотя бы минимальным культурным уровнем, чтобы без труда улавливать и распознавать скрытые смыслы, заложенные автором.

Библиографический список

1. Караулов, 1986 - Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М.: Русский язык, 1986. С. 105 - 126.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82.091.82-84

Кулишкина О.Н. Новалис в истории русского афоризма

Novalis in the history of the russian aphorism

Кулишкина Ольга Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург
olgakulichkina@mail.ru

Kulichkina Olga Nikolajevna

Saint-Petersburg State University of Industrial
Technology and Design, Saint-Petersburg

Аннотация: В статье рассматривается влияние традиции немецкого романтического фрагмента на афористическое творчество А.И.Кронеберга и В.Ф.Одоевского.

Ключевые слова: афоризм, Новалис, русская литература, немецкий романтизм

Abstract: The article deals with the influence of the tradition of the German romantic fragment at the aphoristic works of A.I.Kroneberg and V.F.Odojevsky.

Keywords: aphorism, Novalis, Russian literature, German romanticism

Первая четверть XIX века в истории русской культуры отмечена, как

известно, постепенной сменой эстетических ориентиров. Недавнее господство эстетики «разумных пределов» ослабевает под воздействием новейших романтических идей; отечественное «пристрастие к французским теоретикам» [1, с.233], как отмечал с удовлетворением в 1824 году на страницах своего альманаха «Мнемозина» (1824-1825) Владимир Одоевский, уступает место восторженному вниманию «новым мыслям, блеснувшим в Германии» [1, с.232]. Это расширение актуального для России европейского культурного пространства обусловило своеобразие литературной ситуации начала прошлого века, которая возникает как сложное сочетание старых традиций и новых влияний, определяющее нередко направление дальнейшего литературного развития. Достаточно показательной в этой связи оказывается судьба впервые появившегося в начале XIX века на русской литературной почве известного западноевропейского жанра краткой прозы - афоризма.

«В это время, - читаем в автобиографии И.И.Лажечникова о начале его литературной деятельности, пришедшемся на 1806-1807 годы, - ...я возымел сильную охоту к сочинительству... Шестнадцати лет написал “Мысли в подражание Лабрюйера” и послал статью эту в “Вестник Европы”» [4, с.ХХI]. Это позднейшее свидетельство известного русского беллетриста о литературном «первоисточнике» его юношеского вдохновения, каковым явились «Характеры, или Нравы нынешнего века» Жана де Лабрюйера, весьма знаменательно. «Мысли» Лажечникова – один из первых образцов оригинального (т.е. – не переводного) русского афористического творчества, и упомянутое здесь имя выдающегося французского моралиста конца XVII века определенно обозначает ту жанровую традицию, которая оказалась актуальной для всего первоначального периода истории отечественной афористики.

Именно французская афористическая моралистика XVII-XVIII веков, традиция «максим и размышлений» преломляется на русской литературной почве начала XIX века, определяя также и предпочтительное для отечественной словесности этого времени обозначение нового жанра: не «афоризм», но – «мысли». Как известно, именно во французском языке, в отличие от немецкого и русского, слово «афоризм» соотносится исключительно с особой – тезисной - формой *научного* изложения (ср. например, «Афоризмы» Гиппократ), в то время как интересующий нас *литературный* жанр определяется на родине Шамфора и Ларошфуко терминами «максима» либо – «мысли». К числу воспринявших эту традицию первых русских афористов относятся, помимо Лажечникова, например, Федор Глинка, Василий Пушкин, Александр Маздорф, Николай Иванчин-Писарев, Семен Нечаев и ряд других авторов.

Чувствительно-моралистические «мысли» русских писателей, своеобразно преломляющие французскую афористическую традицию XVII-XVIII веков, не исчерпывают, однако, отечественную афористическую литературу начала XIX века. В 1825 году в Харькове Иван Яковлевич Кронеберг, публикует на страницах "Амалтеи", первого сборника своих ученых трудов, "Афоризмы" – сочинение, которое впервые обнаруживает на русской литературной почве традицию немецкого романтического фрагмента.

Родившийся в Москве, немец по происхождению, И.Я.Кронеберг (Johan Christian Kroneberg, 1788-1838) вошел в историю отечественной культуры как эстетик, литературный критик, переводчик («впервые оценивший у нас Шекспира»), как заметил в 1865 году М.И.Сухомлинов [10, с.107]), наконец - профессор, а позднее ректор Харьковского университета, где в 20-30-х годах 19 века он «преподавал историю латинской словесности, римские древности, филологическую энциклопедию и историю немецкой литературы» [10, с.107].

Горячая приверженность новейшей германской философии и литературе, отличавшая Кронеберга на протяжении всей его жизни, зарождается, по-видимому, еще во время его обучения в «педагогическом заведении в Галле [...] под руководством профессора Нимейера» (Белинский) (1800-1805) и Йенском университете (1805-1807). В Йене Кронеберг начинает изучать юриспруденцию, но вскоре, как запишет он позднее в своем дневнике, «утомившись сухостию сего предмета, взялся за философию и литературу» [3, с.34].

Будучи, таким образом, почти современником знаменитого Йенского романтического кружка, увлеченный поэзией и философией йенский студент Кронеберг не мог так или иначе не приобщиться основному комплексу идей Новалиса и братьев Шлегелей, позднейшим свидетельством чему и стали его упомянутые выше «Афоризмы».

Примечательно здесь уже само заглавие произведения Кронеберга, отсылающее к характерному для немецкого (и русского) языков двойному значению слова «афоризм». (В двух позднейших, значительно расширенных публикациях данного сочинения, 1831-го и 1835-го года, Кронеберг дает ему еще более характерное заглавие – «Отрывки» [8; 9].)

Чрезвычайно показательна также сугубо философско-эстетическая тематика «Афоризмов», где, как не раз отмечали исследователи [5; 11], отражены все важнейшие положения новейшей романтической теории (сущность поэзии, теория гения, соотношение природы и искусства etc), а также в заметной смысловой усложненности афористических текстов Кронеберга (например: «Поэзия есть живая сила, созидающая высший мир, нежели в котором мы живем, пронцающая материю духом и облакающая дух в материю» [6, с.84]).

Кроме того, Кронебергу присуще здесь то самое «в необыкновенной степени широкое понимание проблемы формы и объема» [12, с.358], каковое обычно отмечают в качестве одной из характерных черт афористического творчества издателей «Атенеума». Фрагменты русского автора могут быть длиною лишь в одну строку, а могут распространяться на целую страницу; парадоксальные эстетические суждения «в стиле Ларошфуко» («Есть поэзия без тропов, составляющая один только троп» [6, с.86]) соседствуют с философско-ироничным диалогом («А. Все в свете имеет свое начало. Скажи, пожалуй, когда началась поэзия? Б. Когда начался мир?» [6, с.86]), с патетически-полемическим восклицанием («Подражай природе! – Разве природа вне художника? Природа в художнике!» [6, с.87]), с развернутым «планом-конспектом» эстетической статьи («Несогласие критиков о

достоинстве какого-нибудь поэтического произведения происходит от разной точки зрения, с которой оно рассматривают. Рассматривание поэтического творения бывает: 1) критическое, основанное на правилах и началах, отвлеченных от лучших произведений, признанных образцами. Критика Французская; но она не говорит, на каком она основании оного произведения признает лучшими образцами, и следовательно сама не имеет основания. 2) Историческое, когда мы поэтическое произведение не в самом себе рассматриваем, но относительно века и положения поэта, и, судя по тому, сколько он по тогдашним обстоятельствам успел или успеть мог, достоинство произведений его определяем. Критика Российская с присовокуплением гиперболических похвал, воздаваемых отечественным писателям, и с отголоском Французской критики на счет иностранных писателей. 3) Абсолютное, если мы не обращая внимания на внешние обстоятельства рассматриваем, поколику удовлетворены требования искусства и выражена идея изящного. Критика Германская. 4) Эмпирическое, ежели мы не вникая во внутренний мир поэта разбираем произведения его каждое порознь и вне связи, в которой оно между собою находиться могут. Критика Дилетантов [...] - К сим можно еще присовокупить Идеальное, когда мы стараемся постигнуть поэтический дух в его целостности. Ибо поелику поэзия изображает внутренний человека мир в его целостности, то разные явления оного должны иметь между собою связь; и произведения поэта в отношении к нему то же, что планеты в отношении к солнцу. Восстанет когда-нибудь поэтический Коперник и укажет нам движения сих планет около своего солнца. Критика будущая» [6, с.93-94]).

Наконец, в Кронеберговском тексте возможно обнаружить скрытые и явные «цитаты» из «фрагментарного» наследия Фр. Шлегеля и Новалиса.

Неявную цитацию одного из фрагментов «Цветочной пыльцы» Новалиса найдем на первой же странице «Афоризмов» Кронеберга, третий сегмент которых разворачивает и обыгрывает новалисовское сравнение человека с книгой: «Иной человек походит на книгу, иная книга на человека. Истинное чтение книги есть борьба. Иного человека не прежде полюбишь, как крепко с ним поссорившись; то же делается и с книгою» [6, с.81] (ср. у Новалиса: «Возможно, что величайшая книга похожа на букварь. Вообще книги и все остальное подобны людям. Человек есть источник аналогий для вселенной» [9, с.124]).

Или ниже, рассуждение о природе творческого жеста: «Восхищение есть момент творения. Поэт в момент творения находится, подобно магнетизированному, в состоянии ясновидения» [6, с.87] (ср. у Новалиса: «Чувство поэзии имеет много общего с чувством мистического. [...] Поэт воистину творит в беспомыслии [...] Чувство поэзии в близком родстве с чувством пророческим и с религиозным чувством провидения вообще» [9, с.122]).

Две точные цитаты из «Цветочной пыльцы», без отсылки к источнику, посвящены важнейшим для Кронеберга темам – сущность поэзии и поэтического перевода:

1) Кронеберг: «Есть в нас особенное чувство поэзии, поэтическое

расположение духа. Поэзия совершенно лична, а по сему не можно ее не описать, ни определить. Кто не знает и не чувствует непосредственно, что такое поэзия, тому нельзя дать понятие об ней. Поэзия есть поэзия» [6, с.84-85];

ср. у Новалиса: «Существует особое чувство поэзии, поэтическая настроенность в нас. Поэзия чрезвычайно личностна и потому неопишима и неопределима. Кто непосредственно не знает и не чувствует, что есть поэзия, тому нельзя дать понятие об этом. Поэзия есть поэзия» [9, с.135-136];

2) Кронеберг: «Переводы бывают троякого рода. Первый род знакомит нас с иностранным в собственном нашем смысле. К сему служит всего лучше простой прозаический перевод. [...] Второй род переводов старается переселить нас в состояния чужой страны, собственно же присвоить себе иностранное и оное по своему чувству вновь произвести. Когда такие переводы являются, то оное время можно назвать эпохою пародии. [...] Третий род переводов стремится к тождеству с оригиналом, так что не одно вместо другого, но одно поступает на место другого. Таковые переводы находят вначале множество противников; ибо переводчик, следуя во всем оригиналу, более или менее уничтожает оригинальность своей нации и производит таким образом нечто третье, к чему вкус народа еще образоваться должен» [6, с.92-93];

ср. у Новалиса: «Перевод бывает или грамматическим, или же он изменяет произведение, или же он претворяет произведение в миф. Мифотворческие переводы суть переводы в самом высоком смысле. Они передают нам не реальное произведение, но идеал его. [...] Грамматические переводы суть переводы в обыкновенном значении термина. Для них требуется большая ученость, но способности только дискурсивные. Для переводов-переделок, если они хотят быть удачными, нужен высокий поэтический талант. Иначе они легко впадают в пародийность [...]» [9, с.146].

Вместе с тем, однако, вторичность содержания кронеберговских афоризмов лишает их важнейшей черты афористических творений теоретиков йенской школы, основанных (у Новалиса) на свободном творческом полете продуцирующего поэтического духа либо (у Фр. Шлегеля) – на иронической игре философствующих ума и фантазии. А именно: в афоризмах русского автора отсутствует присущее романтическому фрагменту парадоксальное сочетание совершенной замкнутости, завершенности и - абсолютной «открытости». Подражательность содержания «утяжеляет», «замыкает» афористические тексты Кронеберга, сообщая им отчетливый оттенок категоричности, нормативности, что заставляет вспомнить о традиции французской моралистической афористики.

Именно это взаимоналожение двух европейских жанровых традиций и будет, в известной мере, определять дальнейшую судьбу русского афоризма. Пример тому мы увидим уже в «Парадоксах» В.Одоевского, публикуемых во второй части «Московского вестника» за 1827 год [2]. Это сочинение, с одной стороны, несет на себе очевидный отпечаток юношеского увлечения его автора французской моралистикой. С другой же стороны, «Парадоксы», появляющиеся на страницах журнала Любомудров и написанные одним из

центральных деятелей этого кружка, закономерно преломляют традицию романтического фрагмента, излагая – в преднамеренно усложненной (т.е. – именно парадоксальной, даже – «экспериментальной») форме целый ряд положений новейшей романтической теории.

Библиографический список

1. Б.п. [Одоевский В.Ф.] Несколько слов о «Мнемозине» самих издателей // Мнемозина. – 1825. – Ч.4. – С. 230-236.
2. Б.п. [Одоевский В.Ф.] Парадоксы // Московский вестник. – 1827. – Ч.2. - № 6. – С.165-170.
3. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М., 1959. – Т. XIII. – 826 с.
4. Венгеров С.А. И.И. Лажечников. Критико-биографический очерк // Лажечников И.И. Полн. собр. соч. Изд. М.О. Вольфа, 1883. — С. I-CZXXXVIII.
5. Каменский З.А. Московский кружок любомудров. – М.,1980. - 327 с.
6. Кронеберг И. Афоризмы // Амалтея или Собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности. Труды Ивана Кронеберга. – Харьков, 1825. – Ч.1. – С.3-102.
7. Кронеберг А.И. Отрывки // Брошюрки, издаваемые Иваном Кронебергом. – Харьков, 1831. - № 7. – С.5-98.
8. Кронеберг А.И. Отрывки // Минерва. Ивана Кронеберга. – Харьков, 1835. – Ч.1. – С.233-283.
9. Литературная теория немецкого романтизма / Пер. Т.И.Сильман и И.Я.Колубовского. – Л., 1934. – 333 с.
10. Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. – 1865. – Ч. СХХVIII. – Отд. II. – С.9-172.
11. Шпет Г. Очерк развития русской философии. – Пг, 1922. – Ч.1. – 348 с.
12. Fieguth G. Nachwort // Deutsche Aphorismen. – Stuttgart, 1978. – S. 352-392.

УДК 821.161.1

Леонтьева А.Ю. «Кот учёный» Н.С. Гумилёва и И.В. Одоевцевой в интертекстуальном аспекте

N.S Gumilyov's and I.V. Odoyevtseva's "Smart Cat" in the intertextual aspect

Леонтьева Анна Юрьевна
Северо-Казахстанский государственный университет
имени Манаша Козыбаева, г. Петропавловск
aleontieva13@mail.ru

Ann Yuriy Leontieva
Manash Kozybayev North Kazakhstan State University,
Petropavlovsk
aleontieva13@mail.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении особенностей репрезентации интертекстемы «кот учёный» в поэзии Н.С. Гумилёва и И.В. Одоевцевой. При разборе стихотворений использовались историко-генетический и метод сопоставительного анализа. С помощью этих методов были выявлены интертекстуальные связи и прецедентные тексты. Углубленное прочтение позволяет полнее охарактеризовать художественные миры поэтов.

Ключевые слова: акмеизм, интертекстуальность, интертекстема, прецедентное имя, прецедентный текст.

Abstract. The purpose of the article is to consider the characteristics of the representation of the intertextema's of the "Smart Cat" in poetry of N.S. Gumilev and I.V. Odoyevtseva. When analyzing poems the genetic and historical-comparative analysis were used. Intertextual connections and precedent texts were identified using these methods. In-depth reading allows to better characterize the artistic worlds of poets

Keywords: Acmeism, intertextuality, intertextema, precedent name, precedent text.

Коты - друзья наук и сладостных забав,
Для них ни тишина, ни мрак ночной не тяжки,
Эреб избрал бы их для траурной упряжки,
Когда б они могли смирить свой непокорный нрав.

Шарль Пьер Бодлер

Интертекстуальность – типологическая основа художественной системы акмеизма. В манифесте «Наследие символизма и акмеизм» Н.С. Гумилёв обосновывает принцип поэтического диалога, во-первых, признанием творческой преемственности: «...чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо, чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом» [1, с. 147]. Во-вторых, он называет основные прецедентные имена: «Шекспир показал нам внутренний мир человека; Рабле - тело и его радости, мудрую физиологичность; Виллон поведал нам о жизни, нимало не сомневающейся в самой себе, хотя знающей всё, - и Бога, и порок, и смерть, и бессмертие; Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соединить в себе эти четыре момента - вот та мечта, которая объединяет сейчас между собою людей, так смело назвавших себя акмеистами» [1, с. 150]. В 1914 году («Я не слышал рассказов Оссиана...») О.Э. Мандельштам признаётся: «Я получил блаженное наследство / Чужих певцов блуждающие сны...» [2, с. 77].

Мы оперируем понятием «интертекстуальность» в традициях Ю. Кристевой. Исследовательница отмечает, опираясь на открытие М.М. Бахтина: «...любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встаёт понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум *двойному* прочтению (здесь и далее: курсив автора. – А.Л.)» [3, с. 429]. Поэтическую формулу интертекстуальности освоения «чужого слова» создаёт О.Э. Мандельштам в стихотворении «Я не слышал рассказов Оссиана...»: «И не одно сокровище, быть может, / Минуя внуков, к правнукам уйдёт; / И снова скальд чужую песню сложит / И как свою её произнесёт» [2, с. 77]. Интертекстему мы

понимаем как форму упоминания в тексте прецедентных или «предшествующих феноменов» [4, с. 56].

Цель нашей статьи заключается в рассмотрении особенностей репрезентации интертекстемы «кот учёный» в стихотворении Н.С. Гумилёва «Маркиз де Карабас» (1910) и микроцикле 1975-го года И.В. Одоевцевой: «Парапсихологическое ощущение...», «Снег – серебряный порошок».

Общим прецедентным текстом для И.В. Одоевцевой и Н.С. Гумилёва является поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820): «У лукоморья дуб зелёный; / Златая цепь на дубе том: / И днём и ночью кот учёный / Всё ходит по цепи кругом; / Идет направо - песнь заводит, / Налево - сказку говорит» [5, с. 403]. А.С. Пушкин актуализирует национальное восприятие кота: «В различных мифопоэтических традициях распространены мотивы учёного Кота. Ср. пушкинскую рецепцию этого образа кота, научающего добывать огонь (Афанасьев, I, № 45), чудовищного Кота-баюна, сидящего на столбе, побивающего весь люд, напускающего неодолимый сон и сказывающего сказки (Афанасьев, II, № 215, 284), кошки как награды герою за службу (Афанасьев, III, № 566)» [6, с. 11].

Как видим, образ кота многогранен. В сказках кот (кошка) наделяется самыми разными функциями, часто контрастными. Он может выполнять функцию героя, помощника, антагониста (противника). В народном сознании кот амбивалентен: «В ряде мифологических традиций образ Кота выступает как воплощение божественных персонажей высшего уровня» [6, с. 11]. Параллельно «в низшей мифологии Кот выступает как воплощение (или помощник, член свиты) чёрта, нечистой силы» [6, с. 11]. В стихотворении А.С. Пушкина «Гусар» (1833) кот сопровождает ведьму – «кумушке» героя, вслед за ней и утварью прыгает в печь: «Гляжу: под лавкой дремлет кот; / И на него я брызнул склянкой - / Как фыркнет он! Я: брысь!.. И вот / И он туда же за лоханкой» [5, с. 337-338].

Пушкинский «кот учёный» напоминает доброго сказочника-баюна и получает позитивную коннотативную окраску. Он не проявляет агрессии, охраняет «дуб зелёный», символизирующий мировое древо. Его мир – идеальное пространство Лукоморья: «Там чудеса: там леший бродит, / Русалка на ветвях сидит; / Там на неведомых дорожках / Следы невиданных зверей; / Избушка там на курьих ножках / Стоит без окон, без дверей; / Там лес и дол видений полны...» [5, с. 403-404]. Кот определяет границу чудесного пространства и вступает в непосредственную коммуникацию с автором: «И я там был, и мёд я пил; / У моря видел дуб зелёный; / Под ним сидел, и кот учёный / Свои мне сказки говорил...» [5, с. 404].

Особенности литературной интертекстемы «кот учёный», заданные пушкинской поэмой, включают: устойчивый порядок слов (объект + характеристика), ум, знание сказок или песен, идеальное пространство, время вечности, доброжелательность рассказчика, коммуникацию кота и лирического героя. Время вечности раскрывается в картине кругового движения кота по золотой цепи.

Поэты Серебряного века осваивают интертекстему «кот учёный» в

пушкинских традициях. В 1910 году Н.С. Гумилёв пишет идиллию «Маркиз де Карабас». Определение «кот учёный» появляется в стихотворении только один раз: «Мой добрый кот, мой кот учёный...» [7, с. 263]. В дальнейшем раскрывается ум кота и его отношения с лирическим героем в окружении контекста, близкого к пушкинскому, ведь особенность художественной словесности Серебряного века постигается «с учётом её осознанной проекции на «золотой век» русской литературы, её пушкинскую эпоху» [8, с. 40].

Идеальным пространством становится природа, в целокупном единстве с которой раскрывается гармоническое мироощущение лирического героя: «Весенний лес певуч и светел, / Черны и радостны поля. / Сегодня я впервые встретил / За старой ригой журавля» [7, с. 262]. Подобное свежее восприятие мира имманентно стихотворению «Детство» (1916): «Я ребёнком любил большие, / Мёдом пахнущие луга, / Перелески, травы сухие / И меж трав бычачьи рога» [9, с. 102]. Аллюзия детства в стихотворении усиливается характеристикой «всегда причудливый ребёнок» [7, с. 263]. Так умный кот называет хозяина. Эта характеристика перекликается с самооценкой автопсихологического лирического героя стихотворения Н.С. Гумилёва «Память» (1921): «Самый первый: некрасив и тонок, / Полюбивший только сумрак рощ, / Лист опавший, колдовской ребёнок, / Словом останавливавший дождь» [10, с. 90]. Мотив детства корреспондирует выводу в манифесте «Наследие символизма и акмеизм»: «Детски-мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания, - вот то, что даёт нам неведомое» [1, с. 149].

«Детски-мудрое» ощущение гармонизирует внутреннее состояние лирического героя стихотворения «Маркиз де Карабас» и обеспечивает не только идеальное пространство, но и время вечности. Панхронизм, имманентный поэтике грядущего акмеизма, представлен не круговым хождением кота, а постоянным бытием лирического героя на лоне природы, по модели «естественного человека»: «Наутро снова я под ивой / (В её корнях такой уют) / Рукой рассеянно-ленивой / Бросаю камни в дымный пруд. // Как тяжелы они, как метки, / Как по воде они скользят!» [7, с. 263].

Основной прецедентный текст стихотворения - сказка Шарля Перро «Кот в сапогах». Однако Н.С. Гумилёв отказывается от привычных сюжетных ситуаций, даже меняет название на «Маркиз де Карабас», акцентируя внимание на лирическом герое: «Заглавие содержит в себе программу литературного произведения и ключ к его пониманию» [8, с. 138]. Интертекстемы «кот учёный» и «маркиз де Карабас» «содержат в себе *отсылку к прецедентному имени*» [4, с. 57]. Отметим, что у поэта Серебряного века лирический герой носит своё родовое имя: «Мне сладко вам служить. За вас / Я смело миру брошу вызов. / Ведь вы маркиз де Карабас, / Потомок самых древних рас, / Средь всех отличенный маркизов» [7, с. 262]. Он изначально отмечен особенным происхождением: «И дичь в лесу, и сосны гор, / Богатых золотом и медью, / И нив желтеющих простор, / И рыба в глубине озёр / Принадлежат вам по наследью» [7, с. 263]. Французский герой – победивший самозванец, имя которому придумал «дядюшка-кот»: «Государь, вот кролик из лесов маркиза де Карабаса (такое имя он выдумал для своего хозяина). Мой господин приказал

мне преподнести вам этот скромный подарок» [11, с. 31-32].

Н.С. Гумилёв использует европейские детали – имя героя и обозначение наследственного владения маркизов – маркизат, хотя его пространство воспринимается вненационально, как имманентный будущему акмеизму пантопизм. Включая русский образ в стихотворение по французским мотивам, Н.С. Гумилёв стремится к сопряжению восточной и западной культур. По словам О.Э. Манделъштама о «серебряной трубе Катулла» как «чужом слове»: «Этого нет по-русски. Но это *должно быть* по-русски» [12, с. 51].

Сопряжение интертекстом обеспечивает особое художественное пространство репрезентации героя. У А.С. Пушкина и Ш. Перро фигурирует традиционное чудесное пространство волшебной сказки – Лукоморье и традиционное сказочное разделение пространства на «своё» - с говорящим Котом в сапогах и «чужой» локус богатых владений великана: «И вот наконец кот прибежал к воротам прекрасного замка. Тут жил один очень богатый великан людоед. Никто на свете никогда не видал великана богаче этого. Все земли, по которым проехала королевская карета, были в его владении» [11, с. 35]. В идиллическом стихотворении «Маркиз де Карабас» идеальным является земное естественное пространство природы: «Смотрю на тающую глыбу, / На отблеск розовых зарниц...» [7, с. 262].

У Н.С. Гумилёва, как и у Ш. Перро, кот является вторым самостоятельным героем: «А умный кот мой ловит рыбу / И в сеть заманивает птиц» [7, с. 262]. Кошачий ум показан детально и раскрывается в бытовых умениях: «Он знает след хорька и зайца, / Лазейки сквозь камыш к реке, / И так вкусны сорочки яйца, / Им испечённые в песке» [7, с. 262]. Н.С. Гумилёв акцентирует ум, а Ш. Перро – хитрость и предприимчивость: «Хозяин кота <...> хорошо помнил, на какие хитрости пускался кот, когда охотился на крыс и мышей, как ловко он прикидывался мёртвым, то повиснув на задних лапах, то зарывшись чуть ли не с головой в муку» [11, с. 31]. Французский помощник от имени хозяина дарит добычу королю, обеспечивая маркизу благосклонность владыки: «Так прошло два или три месяца. Кот то и дело приносил королю дичь, будто бы убитую на охоте его хозяином, маркизом де Карабасом» [11, с. 32]. В идиллии Н.С. Гумилёва кот обеспечивает пищу своего хозяина, иначе как бы последний узнал о вкусе запечённых яиц. Оба кота общаются с героями, но не рассказывая им сказки, как в Лукоморье, а наставляя и помогая: «не печальтесь, хозяин. Дайте-ка мне мешок да закажите пару сапог, чтобы легче было бродить по лесу, и вы сами увидите, что вас не так уж обделили, как вам это сейчас кажется» [11, с. 31]. Лирический герой Н.С. Гумилёва и его кот общаются весьма близко: «Когда же роща тьму призовет, / Туман уронит капли рос / И задремлю я, он мурлычет, / Уткнув мне в руку влажный нос» [7, с. 262]. Кот упрекает лирического героя, побуждая его к активным действиям: «Зачем же спите вы в норе, / Всегда причудливый ребёнок, / Зачем не жить вам при дворе, / Не есть и пить на серебре / Среди попугаев и болонок?!» [7, с. 263].

У Н.С. Гумилёва кот без сапог, у лирического героя нет братьев, его социализация не совпадает со сказочной – он изначально «потомок самых древних рас» и владыка богатых угодий. Жить на природе и спать в норе – его

осознанный выбор. В сказке Перро кот обеспечивает младшему сыну мельника повышение в социальной иерархии, побеждает чудесного противника и подготавливает хозяину брак с принцессой и сам «стал знатным вельможей и с тех пор охотится на мышей только изредка – для собственного удовольствия» [11, с. 37]. На первый взгляд, «Маркиз де Карабас» строится на дискуссии «делателя»-кота и «созерцателя»-маркиза. Кот призывает маркиза вернуться к аристократическому образу жизни и выражает свои эмоции словом (упрёками, призывами) и делом: «Мой добрый кот, мой кот учёный / Печальный подавляет вздох / И лапкой белой и точёной, / Сердась, вычесывает блох» [7, с. 263]. Но пассивность маркиза кажущаяся. Во-первых, он противостоит напору кота. Во-вторых, создаёт свой мир силой творческого воображения: «...И в каждой травке, в каждой ветке / Я мой встречаю маркизат» [7, с. 263]. Как видим, спор «делателя» и созерцателя», обыденного и поэтического сознания раскрывается как оппозиция «делателя» и «творца». Активный «делатель» стремится к социальному росту, а «творцу» достаточно пересоздать мир силой воображения.

И.В. Одоевцева включает интертекстему «кот учёный» в микроцикл 1975 года. Два стихотворения - «Парапсихологическое ощущение...» и «Снег – серебряный порошок...» объединяются образом кота. Интертекстема в лирике И.В. Одоевцевой свидетельствует о двойном прецедентном тексте – пушкинском и гумилёвском. И.В. Одоевцева вспоминает о лидере акмеистов: «Я никогда не забывала, что он мой учитель, и он сам никогда не забывал об этом. Говоря обо мне, он всегда называл меня «Одоевцева – моя ученица»» [13, с. 44].

Эпиграфом к «Парапсихологическому ощущению...» выбираются пушкинские строки: «И днём и ночью кот учёный / Всё ходит по цепи кругом». Н.А. Фатеева отмечает: «Через эпиграфы автор открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых веяний разных направлений и эпох, тем самым наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста» [8, с. 141]. И.В. Одоевцева атрибутирует эпиграф прецедентным именем поэта. Её «кот учёный» – свидетель творческого вдохновения: «Парапсихологическое ощущение / Реальной нереальности. И вот, / Предчувствуя стихотворенье, / Ко мне слетает вдохновенье / И ямбами мурлычет кот» [14]. Ямбы актуализируют общую традицию русской классической поэзии и напоминают уроки Н.С. Гумилёва: «Мы будем вместе переделывать ямбы на амфибрахии» [13, с. 31]. Метафорическое наполнение интертекстемы реализует образованность кота: «Мой мудрый кот, мой кот учёный, / Суть политических интриг / И стихотворные законы / Мой мудрый кот вполне постиг / И в парапсихику проник - / Она не для его персоны» [14]. Постижению поэтических законов уделяется значительное внимание в воспоминаниях И.В. Одоевцевой о Н.С. Гумилёве. Акмеист и наставник утверждает: «Я не обещаю вам, что вы станете поэтами, я не могу в вас вдохнуть талант, если его у вас нет. Но вы станете прекрасными читателями. А это уже очень много. <...> Без изучения поэзии нельзя писать стихи. Надо учиться писать стихи. Так же долго и усердно, как играть на рояле» [13, с. 33].

В статье «Читатель» Н.С. Гумилёв размышляет: «Делакруа говорил: «Надо неустанно изучать технику своего искусства, чтобы не думать о ней в минуты творчества». Действительно, надо или совсем ничего не знать о технике, или знать её хорошо» [1, с. 239].

Лирическая героиня не говорит о результатах поэтического вдохновения – её «парапсихологическое ощущение» сменяется наблюдением за котом. Подобная ситуация ассоциируется с пушкинской поэмой «Граф Нулин». Наталья Павловна, читательница «сентиментального романа <...> без романтических затей» отвлекается на драку «козла с дворовою собакой» [5, с. 544]. «Ученица Н.С. Гумилёва», усиливает интертекстуальные связи с наследием А.С. Пушкина цитатой-эпиграфом, сюжетной ситуацией и направлением кошачьей прогулки. Кот И.В. Одоевцевой выбирает чудесное пушкинское пространство: «Он потянулся, полусонный,/ Взмахнул хвостом, в окошко прыг!/ И побежал на Лукоморье» [14]. Г.В. Адамович называет «имя Ирины Одоевцевой» одним «из виднейших в нашей поэзии» и отмечает особенности её художественного мира: «Она – мастер приблизительности, произвольности, лёгкости, неокончательной точности» [15, с. 342].

В основе второго произведения – оппозиция молодости, счастья и старости, заката. Начинается стихотворение жизнеутверждающе, оптимистично: «Снег – серебряный порошок – / Щедро сыпят добрые тучи, / До чего же мне хорошо, / Никогда не бывало лучше!..» [14]. Но вторая строфа настораживает картиной времени, «всемирного заката»: «Твёрдо помню - теперь девятьсот / Семьдесят пятый год - / Год всемирного заката, - / До которого я когда-то / И не думала, что доживу» [14]. Оптимизм и долгая жизнь – предмет беседы ученицы и учителя, зафиксированной в мемуарах «На берегу Невы». Оба мечтают дожить «до самой глубокой старости», «до ста с хвостиком». Н.С. Гумилёв размышляет: «Ведь чем дольше живёшь, тем интереснее. И, я уверен, самое лучшее время – старость. Только в старости и в детстве можно быть совсем, абсолютно счастливым» [13, с. 71]. Эти размышления корреспондируют состоянию и возрасту лирической героини. Она живёт наперекор времени: «Но со мной - не во сне – наяву / Очень странное что-то творится, / Будто время идет для меня / Час от часу, день ото дня / Не вперед, а назад, / Будто я становлюсь моложе, / А не старше, чем прежде была» [14].

И.В. Одоевцева прибегает к приёму автоинтертекстуальности: «Вот, слетев на обрубок ствола, / Вдруг запела Синяя Птица, / Круглоглазая, как сова, - / Птица счастья из сказочной зоны: / «Жизнь прошла. Безвозвратно прошла. / Жизнь прошла, а молодость длится» [14]. Синяя Птица – интертекстема пьесы М. Метерлинка, а её песня – прецедентный феномен более ранней лирики И.В. Одоевцевой (кн. «Десять лет», 1961). В посвящении другу юности и эмиграции Г.В. Адамовичу «Верной дружбе глубокий поклон...» та же ситуация времени, идущего назад: «Значит правда – времени нет, / И уводит девический след / Башмачков остроносых назад, / Прямо в прошлое - в Летний сад». Однако в действительности вместо Летнего сада – «тютчевский склон»: «Мы не ив Летнем саду. Мы в Тулоне, / Мы стоим на тютчевском склоне, / Мы на

тютчевской очереди / Роковой – никого впереди» [14]. Но вечная молодость объединяет последних поэтов Серебряного века перед лицом смерти: «Жизнь прошла. Безвозвратно прошла. / Жизнь прошла. А молодость длится. / Ваша молодость. / И моя» [14]. В стихотворении «Всё было, было, бы... Лото под лампой» (цикл «Разностопные ямбы») кризис лирической героини выплёскивается в отказ от молодости: «...Не то, что молодость спешит, летит стрелой / И падает стремглав подстреленною птицей, / А то, что молодость так бесконечно длится, / Когда она давно мне больше не нужна» [14]. Г.В. Адамович отмечает нарастание трагизма в творчестве И.В. Одоевцевой: «В глубине почти всего Одоевцевой написанного лежит, с каждым годом усиливаясь и будто приближаясь, какой-то «древний ужас», самому поэту непонятный, но и неотвратимый» [15, с. 343]. В завершающем стихотворении автор обретает «второе дыхание», а с позицией лирической героини соглашается кот: «И в ответ ей мой кот учёный, / Мудрый кот лукоморный мой, / Замурлыкал: – Постой, постой. / Дай подумать... Эти слова / Ты когда-то давно написала, / Но теперь лишь мне ясно стало / До чего ты была права» [14]. Тема жизни, смерти и молодости обеспечивает аллюзию претекста Н.С. Гумилёва, а эпитет «мудрый кот лукоморный» не только связывает стихотворения в условный цикл, но и актуализирует интертекстуальную связь с пушкинской «молодой» поэмой.

«Кот учёный» - динамичный знак литературы и поэтики культуры XX-XXI вв. Интертекстема зарождается в мифологии и сказках, в литературе осваивается А.С. Пушкиным. Пушкинский прецедентный текст объединяет стихотворения Н.С. Гумилёва и И.В. Одоевцевой, которая вступает в опосредованный диалог со своим учителем. Лидер акмеистов использует интертекстему для воссоздания гармоничной идиллии, И.В. Одоевцева – для философских размышлений о творчестве и времени. Поэты Серебряного века обогащают интертекстуальные связи западной и русской традициями, когда «поэты говорят на языке всех времён, всех культур», а слово «стало не семиствольной, а тысячествольной цевницей, оживляемой сразу дыханьем всех веков» [12, с. 54].

Библиографический список

1. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. – М.: Воскресенье, 2006. – 552 с.
2. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. – Том первый. Стихотворения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – 808 с.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. И вступ. Ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «прогресс», 2000. – С. 427-457.
4. Великоредчанина Л.С. Фразеологизм как интертекстема в современном англоязычном художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2016. – 219 с.
5. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. Сказки / Вступ. ст. и прим. Д. Благого. – М.: Издательство «Художественная литература», 1977. – 784 с. – (Библиотека всемирной литературы. Т. 103).

6. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. К - Я. – 719 с.
7. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902-1910). – М.: Воскресенье, 1998. – 502 с.
8. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
9. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914-1918). – М.: Воскресенье, 1999. – 464 с.
10. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918-1921). – М.: Воскресенье, 2001. – 394 с.
11. Как петушок попал на крышу: Сказки французских писателей / Сост. и обраб. Т. Габбе и А. Любарская. – М.: Издательство «Детская литература», 1970. – 130 с.
12. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. В трёх томах. – Том второй. Проза. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. – 760 с.
13. Одоевцева И.В. На берегах Невы: Литературные мемуары / Вступ. статья К. Кедрова; Послесл. А. Сабова. – М.: Худож. лит., 1988. – 334 с.
14. Одоевцева И.В. Стихотворения. – М.: Эллис Лак, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://readli.net/sobranie-stihotvoreniy-4/> (дата обращения: 27.04.2016).
15. Адамович Г.В. Одиночество и свобода / Сост., авт. предисл. и прим. В. Крейд. – М.: Республика, 1996. – 447 с. – («Прошлое и настоящее).

УДК 82-65

Нарожняя С.М. Об аксиологическом потенциале древнерусской публицистики (на материале «Послания к митрополиту Даниилу» Ф. Карпова, XVI в.)

Axiological capacity of Old Russian publicism (XVI century)

Нарожняя Светлана Михайловна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г.
Белгород

narozhnyaya@bsu.edu.ru

Narozhnyaya Svetlana Mihaylovna

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University», Belgorod

Аннотация: публикация представляет результаты изучения и анализа произведения одного из авторов древнерусской публицистики с точки зрения отражения в тексте ценностных ориентиров, сохраняющих свою актуальность и сегодня

Ключевые слова: древнерусская публицистика, ценностные ориентиры, ключевые понятия

Abstract: This article represents the analysis of the Old Russian text in order to research the values which it contains. These values are of current importance nowadays

Keywords: Old Russian publicism, value, key notions

Внимание современных исследователей в области теории и практической журналистики неизменно привлекает вопрос об участии СМИ в формировании, сохранении и репрезентации ценностей общества [см., например, 1]. Считаем, что тексты древнерусской (прото)публицистики относятся к числу тех источников, которые позволяют установить систему вневременных ценностей и антиценностей. Отсюда и сами тексты древнерусских авторов можно и, на наш взгляд, должно рассматривать как ценность не только для культуры в целом, но и для журналистики и современной публицистики, формирующих ценностные ориентиры современного общества.

Так, публицист Федор Карпов (XVI в.) в «Послании к митрополиту Даниилу» [2, с. 346-359] формулирует «ключевые» положения, касающиеся жизни государства, весьма актуальные и сегодня: «...*правда* (здесь – ‘справедливость’ – С. Н.) *необходима во всяком государственном деле и царстве к укреплению царства, согласно которой каждому человеку причитается заслуженное им, свято и праведно живется*» [2, с. 353].

Полемизируя с адресатом, публицист уделяет специальное внимание понятию «терпение»: «*Когда говорится «терпением вашим спасайте души ваши», ... нужно знать, что духовные лица судятся так, а живущие в мире иначе. Ибо всем христианам должно быть присуще терпение и по мирскому правилу, и по евангельскому учению* (выделено нами. – С. Н.) ...» [2, с. 353]. Однако, противопоставляя «терпению» «правду» (‘общечеловеческую мораль’) и «закон», Ф. Карпов настаивает: «...*долготерпение среди людей без правды и закона общество достойное разрушает и дело народное сводит на нет, дурные нравы в царствах вводит и делает людей непослушными государям из-за нищеты*» [2, с. 353].

Рассуждая о властимущих, Ф. Карпов обозначает требования к ним, при этом публицист ссылается на Аристотеля, апостола Павла и другие авторитеты: «...*всякий город и всякое царство, по Аристотелю, управляться должно начальниками по правде и определенными законами справедливыми, а не терпением*» [2, с. 353]. По мнению Федора Карпова, «...*мы, люди, ...нуждаемся во власти царей, которые нас в царствах и городах своих по достоинству каждого справедливо пасут, невинных защищают, страдающих освобождают, вредящих и угнетающих наказывают, а совершенно неизлечимых людей из общества хороших удаляют*» [2, с. 353].

Для Ф. Карпова важно «расставить акценты», поэтому он снова и снова поясняет: «... *я терпения не отверг, но показал только, насколько необходимы во всяком государстве правда и законы для исправления бесчинных*» (выделено нами. – С. Н.) [2, с. 355]. И далее – очередной пассаж, в котором концентрируется представление автора об идеальном отношении властителей и граждан государства: «*И это все делается правдой, и милостью, и истиной. Из-за милости ведь предводитель и князь подданными*

весьма любим, а из-за истины его боятся. Ибо милость без правды есть малодушество, а правда без милости есть мучительство, и оба они разрушают царство и всякое общежитие. Но милость, правдой поддерживаемая, а правда, милостью укрощаемая, сохраняют царю царство на многие дни» [2, с. 355].

Примечательно, что автор не только формулирует требования к власти, но и проводит анализ современной ему ситуации: *«...уже в нынешние времена многие начальники о своих подданных и сиротах не пекутся, но допускают их угнетение лживыми наместниками, об охране должной порученного им стада не заботясь, под тяжким бременем терпения жить своих подданных оставляют и не учитывают, что человеческий род немощен и скорее поддается влечению чувственному, нежели правому суду разума» [2, с. 355].* Заметим, что Ф. Карпов анализирует как отношения «по вертикали», так и в обществе в целом: *«Много сейчас в мире в наши времена лести и лукавства; сейчас кто навредил одному, хочет суметь навредить и другому; сейчас ум строптивый злых не научается пользу приносить, но зато не боится забыть о полученном им добре; отплатить старается человек лукавый за мед ядом, за плод штрафом, за благо обманом. Сейчас брани везде...» [2, с. 357].*

Выводы Ф. Карпова афористичны: *«...должны быть люди во все времена под властью закона жить... Для того даны законы, чтобы не было так, что кто сильный – все может. ...терпение – добродетель евангельская и совершенных и святых людей ... терпением проверяются избранные, как золото в горниле, очищенное семь раз, прежде чем радости небесной удостоятся» [2, с. 355].*

Конечно, эти размышления автора XVI века нельзя воспринимать сегодня как программу или инструкцию. Но эти рассуждения, на наш взгляд, позволяют увидеть многие современные проблемы иначе – и в своего рода исторической ретроспективе, и сквозь призму аксиологического потенциала посвященного им текста.

Библиографический список

1. Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и СМИ. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. – 524 с.
2. Памятники литературы Древней Руси, т. 6. Конец XV - перв. пол. XVI вв. – М., Художественная литература, 1984. – С. 346-359.

УДК 1751

Новожилова А.М. Литературный портрет как жанровая разновидность автодокументальной прозы

The literary portrait as a genre kind of autodocumentary prose

Новожилова Алина Михайловна

Аннотация: Жанр портрета - есть компонент сложной художественной структуры, воспринимаемый во всей образной структуре, а не сам по себе. Однако, литературный портрет как одна из модификаций мемуаристики представляет собой самостоятельное произведение, в котором все внимание сосредоточено на характеристике конкретной личности.

Abstract: The genre of the portrait - is the component complex artistic structure that is perceived in the whole image structure, not by itself. However, the literary portrait as one of the modifications of memoirs represents an independent work in which all attention is focused on the specific characteristics of the individual.

Ключевые слова: литературный портрет, мемуары, жанр, биография, художественность, документализм, сюжет, композиция, личность в истории, деталь, факт/

Key words: literary portrait, memoirs, genre, biography, artistry, fiction, story, song, person in history, detail, fact.

Сегодня мы наблюдаем стремительное развитие мемуарной и документальной прозы. Исследователи объясняют данное явление прежде всего стремлением осмыслить прошлое, а также интерес к мемуарам объясняется еще и тем, что восстановлено доверие к человеку и осознана значительность жизненного опыта, мыслей и чувств отдельной личности.

Исследователи отмечают, что в русской, советской, а теперь уже и в новейшей русской литературе моменты интенсивного развития прозы данного вида непосредственно связаны с поворотными этапами жизни общества. Так, классические образцы художественной биографии и автобиографии преимущественно создавались во времена, богатые общественным содержанием, отмеченные острыми идейными конфликтами. Именно во времена поиска новых форм в искусстве и жизни, которое чаще всего наблюдается на рубеже веков, в литературе появляется много отдельных произведений и целых серий книг, посвященных жизни и творчеству отдельной выдающейся личности.

Жанр литературного портрета дает возможность изобразить человека в его неповторимости и одновременно типичности. Как известно, понятие «портрет» имеет значения: словесное изображение физического облика человека, его внешности и всестороннее изображение конкретного лица, когда воссоздается главное в характере. Французское «portrait» («изображение черта в черту») восходит к латинскому «protrahere» - «извлекать наружу», в русском языке соответствовало слову «подобень» и изначально принадлежал изобразительному искусству и в нем предполагалось не только изображение внешнего облика, но и внутреннего мира.

Дж.Голсуорси секрет подлинного портрета видел «в воскрешении внешнего и внутреннего, сущности человека» [5, с.459]. Высказывание относится в равной степени и к портрету как средству характеристики и к

портрету как жанру, раскрывающему человеческую личность, характер, психологизм, художественно изображая реальное лицо, возводя его в степень образа и сохраняя при этом черты индивидуальности.

В русском литературоведении имеются различные определения литературного портрета. «Документальный очерк о писателе, художнике, выдающемся деятеле, - пишет Б.Галанов, - созданный на основе собеседования с героем, или краткий мемуарный очерк о герое».[6, с.895] Такое определение нуждается в уточнении, т.к. литературный портрет может быть создан не только на основе личных воспоминаний, но путем изучения документов, и тогда литературный портрет вводится в «круг историко-литературных жанров» (термин А.Моруа).

Андроникова М.И. считает портрет своего рода «художественной моделью реального конкретного человека, который воспроизводит – прямо или косвенно – среду реального человека, его фон, его индивидуально-неповторимые связи с окружающим миром» [1, с.5]. Своеобразие литературного портрета как жанра раскрыто в монографии В.С.Барахова: «Литературный портрет обозначает особый способ эстетического познания человека и характеризует специфику этого познания» [4, с.9].

Литературный портрет как одна из модификаций мемуаристики отличается от портрета как одного из средств создания образа. Первый представляет собой самостоятельное произведение, в котором все внимание сосредоточено на характеристике конкретной личности. Второй – это компонент сложной художественной структуры, который воспринимается во всей образной системе произведения, а не сам по себе.

Литературный портрет так же отличается от биографии, где представлена жизнь рисуемой личности, начиная с детства, в словесном портрете сформировавшейся личности. Сюда же могут входить портретные этюды ряда второстепенных героев, в портрете все внимание сосредоточено на изображаемом лице, на его индивидуальности, упоминаемые другие лица служат лишь более яркому раскрытию характера портретируемого. В биографии ослаблена оценочность автора, в словесном портрете отношение автора, его взгляд на портретируемого выражены открыто, непосредственно. Писатель-портретист не просто констатирует факты биографии, а выбирает то острохарактерное, малоизвестное, что отличает данного конкретного человека.

Однако, при всем отличии словесного портрета от биографии мы вправе рассматривать его как одну из жанровых разновидностей биографии, в которой осуществляется художественное познание человека. Грань между словесным портретом и биографией зыбка, в обоих жанрах обнаруживает стремление запечатлеть того или иного деятеля прошлого, его образ мыслей, характер, творческую деятельность и окружение, создать художественную целостную характеристику реального человека. Литературный портрет формируется в недрах биографии.

Литературный портрет создается художником, который познает мир через себя. Поэтому портрет отнюдь не тождественен реальному миру. Он создан писателем, который воспроизводит другого человека со своей точки

зрения, у которого своим видением, представлением. Герой портрета входит в духовный мир автора-повествователя, лично заинтересованного в характере своего современника, что и придает в словесный портрет интимный колорит и исповедальность. Создавая портрет, писатель всматривается и в свою душу, и в свои собственные переживания, что и насыщает жанр психологизмом.

Личность модели и индивидуальная характеристика синтезируются. Объект и субъект, - пишет В.С.Барахов, - в литературном портрете всегда взаимосвязаны, и эта связь в значительной степени определяет объем портрета, его состав, расположение материала, стиль. Сама память писателя предугадывает и намечает форму воспоминания». [3, с.13]

Сказанное дает право утверждать, что важной специфической особенностью данной жанровой разновидности является ее субъективность.

К.Симонов признавал большое значение автора в осмыслении и организации материала в мемуарных произведениях: «... всякие мемуары дают нам двойной круг знаний представлений... во-первых, мы через автора мемуаров воспринимаем то, что он видел о чем написал, люди и время. Второй круг знаний – это круг наших знаний и представлений о самом авторе мемуаров: как сам автор выглядел в собственных глазах и какими глазами он видит других людей». [7, с. 353]

Литературный портрет – это произведение, претендующее на достоверность, основанное на фактах, которые открыто декларируют, тем не менее оно вызывает художественный эффект. Чем же это обусловлено? Отметим, что документальная сторона в портрете не только несет информацию, а становится компонентом сложного целого. Писатель отбирает материал, перерабатывает его в соответствии со своими представлениями и создает художественный образ, который несет в себе обобщение. Путь, по которому идет автор при создании литературного портрета, тот же, что и в любом жанре беллетристики: от наблюдения к творческой трансформации, а от осознанного – к художественному образу. Сохраняя неповторимую характерность изображаемых исторических личностей, писатель-портретист создает образ человека, воплотивший в себе черты своего народа, типизированные образы. Реальный человек возводится в ранг образа. Этот процесс происходит, когда автор улавливает в личности и судьбе отдельного человека особенности времени. Свои воспоминания или иной личности портретист делает фактом художественно-обобщенного значения и создает целостный характер.

Однако, следует помнить, что обобщение в словесном портрете проявляется в определенных границах, диктуемых законами жанра. Писатель более свободен в раскрытии внутреннего мира своего героя, он успешно пользуется такими способами, как внутренний монолог, выявляя течение мыслей и чувств героя. Между тем глубокий психологический анализ портретируемого невозможен в рамках литературного портрета.

Необходимым условием возникновения художественности литературного портрета является право художника на вымысел, на преувеличение.

Писатель-портретист прибегает к вымыслу, благодаря которому правда выступает в ее полноте и объективности, выявляются скрытые стороны

человека. Однако характер вымысла в сюжетных жанрах и в словесном портрете иной. Фантазия портретиста ограничена правдой факта. Вымысел и факт в портрете живут по законам взаимопроникновения, соединения того, что мемуарист запомнил и что вообразил. Художественность выступает в форме жизненного явления и возникает в результате отбора, организации материала и преобразении его словом.

Барахов говорил, что писатель, создавая портрет «не копирует живой оригинал, а творит его в соответствии со своими идеалами» [4, с.86]. Вымысел нужен не для украшения, либо улучшения портретируемого, а для того, чтобы дополнить недостающие звенья.

Литературный портрет обладает своей специфической художественной структурой, обобщение в нем осуществляется иными средствами в сравнении с такими жанрами, как роман, повесть, рассказ. Е.Б.Тагер выделял такие основные структурные особенности портрета: «бессюжетность», «предпочтение жеста-поступку, высказывания-диалогу и, если воспользоваться кинематографическими терминами, крупного плана- общему». [8, с. 50]

Сюжет в словесном портрете отличается своей спецификой. Если в романе, повести, рассказе важную роль играет ситуация, в которой определенным образом ведет себя герой, то в литературном портрете такой вымышленной ситуации нет, т.к. портретист связан с фактами. А отсутствие вымышленных обстоятельств, в которых герой вынужден действовать, лишает литературный портрет фабульности, его, по существу, невозможно пересказать. В отличие от сюжетных жанров, в которых равное внимание уделено и герою, и обстоятельствам, в словесном портрете главенствует реальный человек, к нему приковано авторское внимание, и он изображается «крупным планом». Все второстепенные персонажи подчинены задаче его характеристики. Раскрывается же изображаемая в портрете личность при помощи прямых авторских обобщающих характеристик, в которых заостряются ее устойчивые черты, обрисовывается определенный тип жизненного поведения. Много внимания уделено выразительным жестам персонажа. В сюжетных жанрах герой раскрывается в спорах, диалоге, а в литературном портрете в высказываниях. Авторский голос дает лишь повод для суждений героя, выражения его мыслей. В литературном портрете нет конфликта. Таким образом, для жанра литературного портрета характерны свои структурные особенности, способствующие углубленному познанию изображения собеседника.

В создании литературного портрета важную роль играет композиция, которую исследователи называют «свободной» и в которой соединены различные компоненты не по принципу взаимной обусловленности причинно-следственной связи, а особой внутренней связью, благодаря которой достигается полнота образа, его пластичность, динамизм. Автор легко переходит от одного эпизода к другому, от одного воспоминания к другому, сопоставляя, оценивая, сталкивая героя с действительностью и таким образом освещает его характер, его жизненную позицию, психологию, определяет общее социальное значение изображаемой личности, его творческой

деятельности для нашего времени.

В литературном портрете используется так называемая «мозаичная» или «фрагментарная» композиция, которая кажется хаотичной, но на самом деле она дает возможность соединить в портрете разнородные компоненты: повествование о событиях, в которых участвует портретируемый, его мысли, переданные в форме прямой или косвенной речи, портретные зарисовки, изображающие различные психологические состояния, ссылки на высказывания других о герое портрета, интерьер, прямые авторские характеристики, его размышления.

Портретист посвящает читателя в свои взаимоотношения с изображаемым лицом, в таком случае рамки портрета раздвигаются за счет автобиографических фактов из жизни самого автора. Литературный портрет может синтезировать в себе компоненты различных жанровых форм: письмо, текст публичного выступления, дневник изображаемой личности, либо самого автора. Повествование движется при помощи ассоциаций.

Создавая литературный портрет, перед писателем стоит задача не только раскрыть образ изображаемой личности, но и передать подлинность ее речи, своеобразие языка героя. К тому же автор связан с требованиями мемуарной достоверности, точности, поэтому он должен найти соответствие между стилем живой разговорной речи и духовным миром своего героя, передать ритм его речи, манеру выражения мысли. Портретист должен уметь отказаться от риторичности, от однозначности оценки своего героя: либо положительной, либо отрицательной.

Жанр литературного портрета имеет свою длительную историю. Современный литературный портрет, продолжая традиции классиков, создает образ исторической личности, воспроизводит сложное и динамическое время, постигает процесс мышления своего героя: писатель пытается понять духовную атмосферу, в которой живет и трудится изображаемая личность.

Мастером литературного портрета в русской классической литературе считается А.И.Герцен, в портретах которого деталь становится поводом для размышления, позволяя соединять в портрете самые различные компоненты: портрет, авторский комментарий, автобиографический материал, отступления, публицистическую характеристику идей портретируемого. Расширяется круг средств художественной выразительности: используется принцип свободной композиции, типологической соотнесенности характеров (т.е. прием сопоставления или противопоставления), ассоциативный принцип, средства сатиры, иронии.

Писатели портретов литературы нового времени, следуя традициям, главное внимание сосредотачивают на том, как герои мыслят. Они стремятся создать художественно-обобщенный портрет личности, постичь течение ее мыслей. Зачастую современных писателей прельщают те герои, в деятельности которых обнаруживаются тенденции общего развития эпохи.

Специфической особенностью литературного портрета XX века является возросшая роль автора, что сказывается на структуре произведения. Автор – действующее лицо, которое также становится объектом характеристики.

Нередко взгляды автора и портретируемого совпадают, что создает атмосферу родства героя и автора.

Очень часто встречаются литературные портеты, где писатель не столько излагает запомнившееся в определенной хронологической последовательности, сколько припоминает и мыслит. Создается, таким образом, портрет-монолог, в центре которого сам мемуарист его герой.

Отличительной чертой мемуарных портретов является и то, что авторы их умеют рассматривать индивидуальную судьбу изображаемого. Писатели-мемуаристы стремятся показать не только созданное рисуемой личностью, но и то, как она прожила свою жизнь. В современных литературных портретах авторы зачастую подробно останавливаются на интимных подробностях жизни своих героев, показывает их не как исключительных личностей, а как заурядных людей. Многие писатели в литературных портретах касаются только самых драматических моментов в судьбах героев.

Кроме портрета-монолога существуют портреты-характеристики, к ним обычно отсутствуют диалоги, монологи героев, собственно портрет, а писатель выступает в роли публициста, дающего оценку портретируемому. Часто для описания своего героя автор прибегает к такому приему как раскрытие личности во мнениях других героев (людей, которые окружают портретируемого). Еще одна разновидность литературного портрета-эскиз раскрывает отдельные мгновения в характере портретируемого.

Автор словесного портрета всегда связан с фактами, он не может воспользоваться выдуманным сюжетом, он использует прямые и непосредственные характеристики своего героя, отсюда фрагментарность композиции книг, состоящей из описания поведения героя в той или иной ситуации, его высказывания, выдержки из писем и авторские размышления. Художественный лаконизм, точность и колоритность деталей - вот то, что присуще литературному портрету на современном этапе. Портретисты изображают суровую правду жизни, трудности творческого пути своего героя, его достижения и ошибки.

Библиографический список

1. Андроникова М.И. От прототипа к образу. К проблеме портрета в литературе и кино. М., 1985.
2. Барахов В.С. Литературный портрет. Л., 1985.
3. Барахов В.С. Искусство литературного портрета. М., 1976.
4. Барахов В.С. Литературный портрет. Л., 1985.
5. Голсуорси Дж. СС в 16-ти т. Т.16., М., 1962.
6. Краткая литературная энциклопедия. Т.5., М. 1968.
7. Симонов К. Сегодня и давно... 1-е изд. М., 1980.
8. Тагер Е.Б. Жанр литературного портрета в творчестве Горького // Избранные работы. М., 1988.

**Петренко Н.А., Рыбалко А.А. Образ главной героини в повести
Л. М. Леонова «Evgenia Ivanovna»**

**The image of the main character in the story by L. M. Leonova «Evgenia
Ivanovna»**

Петренко Наталья Анатольевна

Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального
государственного автономного образовательного учреждения высшего
образования «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Евпатория
nata.petrenko@meta.ua

Petrenko Natalya Anatolyevna

Evpatoria Institute of Social Sciences
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Рыбалко Артём Александрович

Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального
государственного автономного образовательного учреждения высшего
образования «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Евпатория
artyom.rybchick@yandex.ua

Rybalko Artyom Alexandrovich

Evpatoria Institute of Social Sciences
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматриваются особенности создания образа главной героини в повести Л. М. Леонова «Evgenia Ivanovna». Автор изображает простую женщину, которая пытается найти своё место в жизни, стремится к семейному счастью. Содержанием произведения Л. Леонова является описание психологического состояния героини, находящейся на грани нервного срыва и потрясения. Сильная тоска по родной земле, невозможность быть счастливой с мужем-англичанином становятся причиной физической смерти Евгении Ивановны.

Ключевые слова: экзистенциализм, повесть, женский образ, главная героиня, психологизм.

Abstract. In the article considered artistic features of creation image of the main character in the story by L. M. Leonova «Evgenia Ivanovna». The author represented a simple woman who is trying to find her place in life, seek to family happiness. The content of the work of L. Leonov is a description of the psychological state of the main character, on the verge of a nervous breakdown and upheaval. A strong homesickness, the inability to be happy with her Englishman husband, all of this facts became a cause of physical death of Evgenia Ivanovna.

Keywords: existentialism, story, female image, the main character, psychology.

Литературное творчество Л. М. Леонова – известного русского советского писателя, литературного критика и публициста, представляет для нас интерес, т.к. в своих произведениях он отразил все этапы сложного и противоречивого развития советского государства. Автор, обладая чуткостью

художника, осознавал трагизм общественного развития, катастрофичность разрыва между личностью и жизненной стихией.

В советском и современном литературоведении мы находим огромное количество работ, посвящённых изучению творческого наследия Л. Леонова, характеристике основных образов и мотивов, специфике сюжета и композиции, жанрового своеобразия (например, труды Ф.Х. Власова, В.А. Ковалёва, К. Т. Крук, Ю.Б. Лукина, О.Н. Михайлова, В. П. Крылова, А. М. Любомудрова, В.И. Хрулёва, С.Г. Семеновой, Т.М. Вахитовой, В.А. Осинского и др.). На современном этапе развития науки актуальным остаётся вопрос изучения поэтики женских образов в произведениях Л. Леонова, т.к. роль женщины в семье, воспитании детей, общественной жизни постоянно возрастает. Часто героини его произведений нравственно, духовно и интеллектуально выше героев-мужчин.

Цель нашей статьи – изучить специфику образа главной героини в повести писателя «Evgenia Ivanovna».

Молодого автора, начавшего свою творческую деятельность в 1920-е годы литературных исканий и экспериментов, интересует «человек с червоточиной» [2]. Предметом писателя-исследователя стало постижение глубин жизни. Понимая духовные внутренние противоречия, Л. Леонов утверждал в своих произведениях, что именно через страдания человек становится личностью, очищается и находит спасение («в кострах страдания лучше всего очищается душа» [3, с. 43]). В художественных текстах писателя отражаются основные экзистенциалистские проблемы: человек перед лицом смерти, человек во враждебном мире, отчаяние и безнадежность в равнодушном обществе. Всё это нашло отражение в повести «Evgenia Ivanovna», к которой автор вернулся в 1960 году после длительного перерыва. «Сейчас переделывая то, что было написано раньше, стараюсь «углубить» ценность, валютную стоимость слов и образов» [3, с. 20] – писал Л. М. Леонов.

В этом произведении писатель отмечает, что каждый человек несёт ответственность за свой выбор. Главная героиня повести «Evgenia Ivanovna» выходит замуж за известного американского учёного-археолога и становится миссис Пикеринг. Она хотела стать англичанкой, но при этом остаться русской. Подтверждением тому является название произведения, написанное латинскими буквами. В этом и заключается основная трагедия героини. Причина её смерти кроется в том, что далёкая Англия для неё оказалась не просто чужой, но чуждой, как для русского имени-отчества Евгения Ивановна – латинские буквы. Абсурдность ситуации выражается самим фактом помещения русского человека в чуждые ему условия. Евгения Ивановна пыталась эмигрировать не только телом, но и душой, что стало для неё невозможным. Таким образом, в тексте происходит внутренняя душевная борьба Евгении Ивановны и миссис Пикеринг, их противопоставление.

Думается, что Леонову важно было донести до читателя, тот факт, что главное в повести не просто смерть героини от ностальгии за родной землёй, а сама смена Родины, своеобразное предательство. Евгения Ивановна не смогла обрести в Англии новую родину.

Отметим, что сюжет и фабула повести не совпадают. Вся художественная структура произведения подчинена раскрытию образа главной героини. Второстепенные персонажи сгруппированы вокруг неё не только сюжетно-композиционно, но и психологически, помогают выявить все грани внутреннего мира Евгении Ивановны. Советский исследователь Ю.Б. Лукин в своей статье «Леночка, Поля и Evqenia Ivanovna», посвящённой анализу женских образов в творчестве Л. Леонова, относит героиню одноимённой повести к типу женщины с трудной судьбой, которая «... убегает от преследующих её смятенную душу призраков и ищет защиты под крылом любви человека сильного духом, твердо знающего свою дорогу в жизни, цель своих стремлений. Этот сюжетный мотив, как будто побочный, как будто не такой значительный, мастерски используется автором для художественного решения больших философских проблем» [4, с. 74]. Похожую мысль высказывает и современная исследовательница Т.М. Вахитова. В своей статье «Интертекстуальный флер роковых красавиц в прозе Леонида Леонова» она пишет: «Тип этот связан с образами молодых женщин с трудной судьбой, которые через страх и унижение выходят к пониманию своего предназначения» [1, с. 98].

Приезд в Цинандали и отъезд с Алазани обыгрываются дважды. Очевидно, писатель подсказывает нам, что главное в тексте – это не история жизни Евгении Ивановны, а то, что происходит с ней в тот период, когда она отчаянно сопротивляется всему русскому в себе. Возможно, поэтому героиня так и не доехала до своего родного дома. Она хотела побывать на родине, чтобы обрести душевный покой, чтобы родная земля отпустила её и не мучила. Родина на самом деле ничего не дала Евгении Ивановне, кроме гибели матери из-за закопанных на огороде серебряных подстаканников, дальнейшее изгнание. И встреча с живым Стратоновым, бывшим мужем, кажется ей отпущением, выстраданным правом на новую родину. Поэтому «в самую минуту отъезда с Алазани миссис Пикеринг чувствовала себя на редкость легко, вплоть до ощущения полной невесомости порою, хотя со щемящей болью падения в сердце, какою, впрочем, и должна сопровождаться смена родины» [3, с. 180]. Слово «интурист» [3, с. 155], выделенное автором, подчёркивает, что Евгения Ивановна чужая, жена иностранца, которая предпочла отцовским могилам увеселительную поездку по Грузии. Теперь в России она может быть только туристкой.

Муж Евгении Ивановны, Пикеринг, не понимает, что «может привлечь его любимую женщину в этой стране» [3, с. 177]. Объясняя, что с ней происходит, Евгения Ивановна говорит Пикерингу: «Когда бурей срывает с дерева листок, дело его кончено. Он ещё порезвится на воле и окрестность облетит, даже в непривычную высоту подымет, но сгниёт всё равно раньше остальных, оставшихся в кроне» [3, с. 190]. Стремясь понять жену, Пикеринг пытается убедить Евгению Ивановну, что «противоестественно любить то, что платит вам ненавистью» [3, с. 188]. Англичанин долго подбирает слова, определяющие смысл отношения Евгении Ивановны к родной земле, к России. Для этого в тексте повести Л. Леонов использует такие глаголы-синонимы, как

«отпустило» и «сбросило» [3, с. 189], Заметим, что акцент автор делает именно на втором слове. Дерево (родина) не освободило, а именно сбросило листок (Евгению Ивановну).

Евгения Ивановна не соглашается с доводами Пикеринга. Она откровенно заявляет: «Значит, людям большого ума легче. Чем нам, маленьким, пускать корешки в чужую землю» [3, с. 186]. С точки зрения общей семантики фразы, местоимение «нам» никакой особой смысловой загрузки не несёт, усиливается только значение слова «маленький», но автору важно, чтобы мы поняли, что смысл фразы именно в этом местоимении. Если до поездки в Советский Союз в мир Евгении Ивановны, делящийся на «мы» и «они», не входит Пикеринг, символизирующий образ жизни и мышление европейца, то в конце повести смысловые значения местоимения «наш» («Наш дом далеко от университета?») [3, с. 193]) явно не совпадают с первоначальными. То, что в начале произведения было для Евгении Ивановны «их», «его», «чужое», в конце становится «наш», «моё». Она как бы переходит из стана Стратонова в стан Пикеринга.

Разницу между англичанами и русскими Л. Леонов передает путём скрытого сравнения значения слов «ностальгия» в русском и английском языках. Для англичан – это всего лишь «далеко не смертельное недомогание от изменения климатических условий, разрыв с привычной средой, обеднённого общения с людьми на чужом языке» [3, с. 194]. Для русского человека – это смертельная тоска по Родине. Поэтому Пикеринг не может понять чувства и тоску Евгении Ивановны по родной земле. Она так и не смогла стать полноценной американкой миссис Пикеринг. Все «попытки не испорченных западной цивилизацией наших беглецов вывезти с собою горстку сурового русского снежка в страны более умеренного климата завершались неудачей, – он неизменно таял...» [3, с. 190], – пишет Л. Леонов в тексте произведения.

Итак, повесть писателя повествует о невозможности русских людей прижиться на чужой земле. Главная героиня Евгения Ивановна умирает от ностальгии. Текст повести построен на контекстуальных антонимах – противопоставлении по национальному признаку. Поэтому и имя-отчество героини написано латинскими буквами. По убеждению Л. М. Леонова, русские не могут существовать без отечества, они обречены на смерть. Эта формула закодирована в названии повести, и реализуется в тексте – Евгения Ивановна умирает от непонятной для англичан ностальгии.

Библиографический список

1. Вахитова, Т.М. Интертекстуальный флер роковых красавиц в прозе Леонида Леонова // Вестник ВолГУ. – 2011. – Серия 8. – Вып. 10. – С. 28-37.
2. Ковалев, В. А. Этюды о Леонове / В. А. Ковалев. – М. : Современник, 1978. – 410 с.
3. Леонов, Л. М. Собрание сочинений в 10 т. – Т. 8 : Evgenia Ivanovna / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1983. – С. 127-198.
4. Лукин, Ю.Б. Леночка, Поля и Evgenia Ivanovna // Вопросы литературы. – 1971. – № 4. – С. 73-80.

УДК 82.31

Ганиева-Гиниятуллина А.Ф. Ф.Хөснинең «Җир тыңлый» романы турында

О романе Фатиха Хусни «Земля слышит» About the novel «the Earth hears» of Fatih Husni

Ганиева-Гиниятуллина Айгуль Фирдинатовна
Институт языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова
aygulgani@mail.ru

Ganieva-Giniyatullina Aygul Firdinatovna
Institute of Language Literature and Art. of G. Ibragimov

Аннотация. Роман Фатиха Хусни «Земля слышит» сразу после публикации подвергается резкой критике. Автора обвиняют в поддержании кулацкой идеологии. А на самом деле этот роман является одним из самых удачных произведений автора.

Ключевые слова: Фатих Хусни, писатель, герой, персонаж, роман, идеология, крестьян.

Abstract. Fatih Husni novel "the Earth hears" immediately after the publication is subjected to sharp criticism. The author is accused of maintenance of kulak ideology. And in fact this novel is one of the most successful works of the author.

Keywords: Fatih Husni, writer, hero, character, novel, ideology, peasants

Ф.Хөснинең «Җир тыңлый» исемле беренче романы 1931 ел башында дөнья күрә. Китап басылып, яртылаш таралуга, ТАПП (Татарстан пролетариат язучылары ассоциациясе) кискен тәнкыйть яудыра башлый, әсәргә сәяси яктан зарарлы, кулак идеологиясен яклап язылган дигән бәя бирелә [1, 6]. Автор романдагы «хаталар»ын танырга, үз әсәреннән баш тартырга мәҗбүр була [2, 42]. Нидән гыйбарәт соң «Җир тыңлый» романындагы «сәяси хаталар»? Ин беренче чиратта әсәренң сынфый позициядән чыгып язылмавы төп кимчелек буларак карала, авторы революцион көрәшне аңламауда гаепләнә. Әлбәттә, әсәрдә язучының тәҗрибәсе житенкерәмәгәнлеге сизелә: сәнгати эшләнеш ягыннан кимчелекләр бар: шул чорга хас күренеш – натурализмга бирелү, сурәтлеләктә яңалык эзләргә тырышып, ясалмалылыкка китү, образ-персонажларның эш-гамәлләре вакыйгаларга мөнәсәбәттә ышандырырлык дәлиләнмәү, урыны белән стиль кытыршылыклары булу һ.б. Шулай да ин мөһиме: Ф.Хөсни 30 елларның катлаулы каршылыгын тоя, аңлый ала һәм олы, талантлы гуманистларча геройларының психологик кичерешләре аша илдә барган тарихи-социаль әһәмияткә ия киеренке ситуацияне әсәрендә чагылдыруга ирешә.

Роман вакыт ягыннан бик аз (1930 елның январь ае) араны алса да, зур масштабка ия, моның сәбәбе персонажларның күплегә һәм вакыйгаларның

тыгызлыгы белән аңлатыла. Яшь Фатих заман таләбе һәм яшьлек дуамаллыгы белән кулакны никадәр явыз, астыртын, куркыныч итеп күрсәтергә тырышмасын, болар әсәрдә абстракт төшенчә булып сүздә генә калган, чынлыкта исә Шакир, Йәрхәм бай образлары тирән психологизм белән сугарылу нәтижәсендә жирнең чын хужалары, булдыклы игенчеләр буларак укучы күз алдына бастырыла.

Крестьян өчен жир һәм мал-туарның тормыш чыганагы, яшәү рәвеше булуын автор геройларының күнел тибрәнешләре аша бирә. Шакир байның жаныннан да кадерле иген басуын бирмәскә теләп үрсәләнүләре, Йәрхәм өчен жирнең күз алмасы кебек кадерле булуы, урта хәлле Гарифның атка карата мэхәббәте (бүленгән ашын ташлап, малын карарга чыгып йөрүләрен искә төшерик) – барысы да кеше һәм табигатьнең бүленмәс берлек булуын күрсәтүгә мисаллар. Колхоз исә шул берлекне, кешенең жиргә, табигатькә якынлыгын, үзенеке итеп карауны юкка чыгаручы, жимерүче факторларның берсе булып тора. Әсәрнең исеме үк Жир образына тирән фәлсәфи мәгънә салынуын аңлата. Гасырлар буге дәвам итеп килгән яшәү рәвешенең бозылуын, кан-кардәшләрнең, ут-күршеләрнең дошманлашуын, авылдашларның берсе икенчесе Себергә озатуын — Жир тыңдый. Аның өстендәге кешеләр никадәр зур эшләр башкарабыз дип кайнашсалар да, барысы да вакытлы күренеш. Кешеләр китчәк, ә Жир олы, бөек, боларга шаһит булып кала бирәчәк.

Романның иң әһәмиятле ягы шунда: автор ниндидер сынфый ноктадан чыгып язмый, ә урта казыкны табып ала белә. Байларны раскулачивать итү һәм сөргенгә озатылучылар исемлеген төзү күренешен генә алыяк: өч-дүрт коммунист, комсомол (аның да икесе читтән килгән) авыл кешеләренең гомерлек язмышын хәл итәләр. Имеш, кемдер ачлык елны сату иткән, кемнеләр өе ике һ.б. Менә авыл советы рәисе Сафи урын өстендә ятучы Йәрхәмнең килчәген хәл иткәндә ничек фикерли: «Йәрхәм баймы? Бай. Йәрхәм күкәй белән сату иткәнме? Иткән. Йон теткәли торган машинасы белән сипараторы бармы? Бар. Бетте... бетте, сөйләшеп торырга да юк. Әнә шул машиналар, шул сипараторлар, әнә шул атлар-сыерларның кайберләре колхоз кулына керсә, корсагыңны тишәр дип беләсеңме әллә? Юк, сеңелкәй, тишмәс. Бер дә тишмәс! Менә дигән булып, тегеләй».

Авторның үз прототибы каникул вакытында авылга кайтып, колхозга керергә агитацияләп йөргән Касыйм Сәлимов булса да, Ф.Хәсни үзенең рупоры итеп Сәрвәр Шамкинаны сайлый. Әлегә кыз, яшь булуына карамастан, әсәрдә бердәнбер объектив карашлы, шәһәрдән укытырга килгән «партиясез интеллигентка» буларак бирелә. Шул чорда ук ул илкүләм ясалган хаталарга үз бәясен бирә: дингә, мәчеткә кагылуны халыкның йөрәгенә кагылу дисә, раскулачивать итүне «хәерче арттыру» дип бәяли, крестьянга сак караш булырга тиешлекне аңлый, үз-үзенә һәм көрәштәшләренә дәрәс эшлибезме дигән сорау бирә.

Әсәрдә еш кына Сталинның крестьян хәлен аңламавы да әйтелә. Шулардан чыгып, «Жир тыңдый» романының совет идеологиясенә туры килмәве, рәсми тәнкыйтьнең аны ни өчен кискен кире кагуы аңлашыла.

Ф.Хәснинең беренче житди, күләмле, реалистик, демократик эчтәлекле

эсәре шундый тәнкыйтькә дучар ителү яшь язучының канатларын кисү белән бер була. Кызганычка каршы, әле яңа әдәбият дөнъясына аяк баскан яшь талантны социалистик реализм кысалары белән богаулап кую алдагы ижат эшчәнлегенә тискәре тәсирен сиздермичә калмый. С.Хафизовның «Фатих Хөснинең жорлыгы, юмористик сыйфатлары калды, башка эсәрләрендә дә дәвам ителәр алар. Ләкин «Жир тыңлый»да ачык расланган кыюлык, хөр фикерлелек, гомумкешелек гуманизмы кебек мөһим талант сыйфатлары, кире кагылган романы кебек, фажигале язмышка дучар ителделәр» [3] дигән фикере белән килешергә кирәк.

Әдәбият исемлеге

1. Матур әдәбият фронтында кулак идеологиясенә каршы // Атака. – 1931. – №5-6.- Б.6.
2. Фатих Хөсни иптәшнең белдерүе // Атака. – 1931. – №7. Б.42-43.
3. Хафизов С. Гаугалы роман // Соц. Татарстан. – 1991. – 2 август.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 82-32

Блинова М. П., Клямкова Ю.Г. Художественная реализация романтической иронии в новеллах Людвиг Тика

Блинова Марина Петровна

Клямкова Юлия Григорьевна

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Blinova Marina Petrovna

Klyamkova Julia Grigoryevna

Kuban state University, Russia, Krasnodar

Аннотация: В статье рассматривается художественная реализация концепции романтической иронии на примере анализа двух новелл Л. Тика «Белокурый Экберт» и «Бокал». За теоретическую основу берутся работы Ф. Шлегеля, где представлена специфика данного типа иронии и обозначены ее функции. У Л.Тика романтическая ирония становится способом репрезентации трагического и определяет парадоксальность, а затем и абсурдность образов, сюжета, композиции.

Ключевые слова: Тик, новелла, романтизм, романтическая ирония, парадокс, абсурд.

Abstract: The article considers the artistic realization of the concept of romantic irony the example of analysis of two short stories by L. Tieck, "Blond Eckbert" and "Glass". The theoretical basis of the work of Friedrich Schlegel, where are the specifics of this type of irony and marked with its function. L. Tieck`s romantic irony becomes a way of representing the tragic and defines the paradox and then the absurdity of the images, plot, composition.

Key words: Tieck, novel, romanticism, romantic irony, paradox, absurdity.

Одной из характерных черт литературы раннего немецкого романтизма

является философичность, внимание к вопросам этики, эстетики, а также стремление к синкретизму и разрушению четких границ между наукой и искусством. В результате многие теоретические идеи получили яркую художественную реализацию, примером чего может служить концепция романтической иронии, разработанная в трудах Ф.Шлегеля и представленная в творчестве Людвиг Тика. Именно его Серен Кьеркегор в своей магистерской диссертации «О понятии иронии» определяет как «иронизирующего поэта» [3]. Датский философ подчеркивает, что критичность Тика определяет сущность его романтического мироощущения: «Нельзя ведь отрицать, что полемика в его драмах направлена против мира, и что сами драмы для своего понимания требуют индивида, достаточно развитого именно в полемическом отношении» [3]. Но в чем же именно проявляется критичность Тика и как представлена романтическая ирония?

В новелле «Белокурый Экберт» (1796 г.) можно выделить несколько планов выражения романтической иронии. Первый – на уровне сюжета. События, происходящие в новелле, вполне характерны для романтического произведения: с главной героиней происходит удивительная история, она встречает прекрасного рыцаря и живет с ним счастливо в замке [2]. Однако поведение и поступки героев ломают представление об идеальной жизни персонажей: история Экберта и Берты имеет много общего с народной немецкой сказкой о Ганзеле и Гретель, но в новелле Тик изменяет сказочный сюжет. Он разъединяет героев, вводит тему инцеста, дает новую роль старухе (в новелле она действует не в корыстных и эгоистичных интересах) и меняет функцию домика в лесу (это не ловушка для девочки, а настоящее спасение от неминуемой гибели). События в новелле начинают постоянно сменять друг друга, новеллу заполняют действия, чувства, духовная нестабильность, что отсылает нас к «трансцендентальной буффонаде» Фридриха Шлегеля [1].

Следующий план выражения иронии – уровень образов героев. Так, жена Экберта, Берта, представляет собой пародию на романтическую героиню. Жизнь в доме родителей показывает ее неприспособленность к реальности, однако мечтательность, мешающая ей нормально существовать, отнюдь не говорит о возвышенности и романтичности – притязания героини обыденны и излишне материальны для маленькой девочки. Ее дальнейшее поведение говорит о неприятии ирреального мира (бегство от старухи), ее алчности (похищение птицы и страх ограбления), несвойственной романтическим персонажам, жестокости (убийство птицы) и стремлении скрыться в собственном внешнем, но при этом и отделенном ото всех мире с прекрасным рыцарем.

Противоречивы поступки и Экберта: его навязчивая подозрительность (считает своего друга Вальтера и Гуго неискренними), как следствие этого алогичные поступки (убийство, решение бежать в неизвестном направлении), фрагментарность изображения течения жизни после смерти Берты как неспособность жить цельной жизнью, а также соединение благородных и низменных чувств (желание найти родную душу в Гуго и страх за свое богатство). Все это подтверждает теорию Шлегеля об иронии как форме

парадоксального.

Однако наряду со всеми недостатками Экберту присущи терзания в правильности собственных поступков. Кроме того, осознание «иллюзорности» былого существования и смерть позволяют говорить о его своеобразном очищении и переходе в ирреальный мир. Поэтому в отличие от Берты, Экберта все-таки можно назвать романтическим героем, несмотря на изрядную мелочность, черствость и подозрительность. Вместе с тем ирония по отношению к данному герою присутствует и в заглавии, сильной позиции текста, которое намеренно не оправдывает ожидания читателя, так как созданный в воображении образ прекрасного белокурого рыцаря автор разрушает в самом начале: «Он был лет сорока или около того, невысокого роста, короткие светлые волосы ... обрамляли его бледное лицо со впалыми щеками. Он жил очень тихо... редко появлялся за стенами своего небольшого замка» [5]. То есть за счет переосмысления традиционных фабульных схем и их иронической интерпретации разрушаются сложившиеся стереотипы о благородном рыцаре.

Ирония Тика в то же время не разрушает впечатление присутствия иного, мистического. Ирреальный мир просто отпустить героев не может: они испытывают в глубине души чувство, что все делают неправильно: «Долгое время Экберт жил в полном уединенье; он ... бывал всегда подавлен, потому что странная история жены тревожила его и он все боялся какого-нибудь несчастья» [5]. Именно поэтому Экберт выступает инициатором рассказа Берты о своих приключениях, пытаясь внести динамизм в их обычное течение жизни. Но тем самым герой запускает колесо судьбы – Берта умирает, не выдержав осознания вторжения ирреального.

Надо сказать, что ирония Тика и основывается на несоответствиях романтическим идеалам, и выявляет противоречивость человеческой природы, тягу романтиков к изучению теневой стороны человеческой личности: Берта и Экберт совершают свои главные преступления, не обдумывая их, действуя импульсивно (Берта в один миг решается покинуть дом, задушить птицу, Экберт не планирует убийство Вальтера).

Единственный с самого начала по-настоящему ироничный, а значит, и парадоксальный герой – старуха, ведь она стоит на ступень выше остальных: ей ведомы все события их жизни, чувства, мотивы поступков. Она открывает герою историю его бедствий, причины и их последствия. Ее внешний облик как будто четко не закреплен в реальном пространстве (смена облика и передергивание лица) – она существует в двух мирах. Старуха религиозна, и в своем ирреальном, христианском мире у нее есть истинное уединение и смирение, которого лишены Берта и Экберт в материальном. Сначала старуха олицетворяет собой некое испытание, а затем наказание для героев. В конце новеллы мир старухи предстает перед Экбертом не прекрасным сказочным уголком, а местом расправы и кары, и напоминает высший суд над грешником: «Смотри, как преступление влечет за собой наказание», – говорит старуха рыцарю [5]. Необходимо отметить, что ирреальный сказочный мир и христианский сливаются в новелле Тика в единый. Точка их единения –

маленький домик старухи, что тоже представляет собой иронию.

Осознание героем своего трагического бытия возвышает его над остальным миром и даже самим собой – тем белокурый рыцарем, которого читатель видит в начале новеллы. Разница мироощущения персонажа до и после рождает трагичность образа. Именно поэтому в данной новелле романтическая ирония помогает открыть не комичность, а трагичность жизни. Так, многие исследователи говорят о неминуемом роке, преследующем Экберта и Берту. Но нам кажется уместнее сказать, что череду трагических событий «запускают» сами герои, не принимая ирреальный мир или понимая его неправильно, чисто с внешней стороны.

Таким образом, романтическая ирония, основываясь на парадоксах, играет освобождающую и возвышающую роль, так как благодаря ей якобы объективный взгляд героя на мир меняется, что позволяет рассматривать Экберта в конце новеллы как истинно романтического персонажа.

Еще одна новелла Людвиг Тика, «Бокал», была написана в 1811 году и вошла вместе с «Белокурый Экбертом» в сборник «Фантазус». Так же, как и в первой новелле, герой сталкивается с чудесным и необычным, но вторжение ирреального мира не так сильно и не так заметно. Если в «Белокурый Экберте» мир фантазии беспрестанно входит в реальность, смешивается с ней, граница между двумя мирами стирается, то в «Бокале» встреча с чудесным происходит лишь один раз. Это вмешательство стало судьбоносным для героев: Франциска и Фердинанд расстанутся, а встретятся лишь спустя 40 лет. Фердинанд не выполнит своего обещания алхимику, гадавшему ему с помощью золотого бокала: не вставать с места во время предсказания. Понимая, что, возможно, теперь он не сможет быть вместе с Франциской, Фердинанд не впадает в иступленную ярость или беспросветную печаль. Он расстроен, но при этом довольно спокойно принимает свою судьбу. Здесь можно увидеть несовпадение с романтическим образом несчастного влюбленного. Но на самом деле различает главных героев не ирреальный мир, а их собственное покорное принятие хода события. Если в «Белокурый Экберте» несчастье героев заключается в их противостоянии своей судьбе, то здесь все, казалось бы, с точностью наоборот. Фердинанд принимает как должное будущее расставание с Франциской и не пытается ничего изменить, а ирреальный мир с помощью все того же бокала связывает их вновь.

В новелле чередуются динамизм и замедленность событий. Так начинается все с описания шумной итальянской площади, затем следует загадочное гадание в глубине особняка алхимика, расставание с Франциской и тут же картина подготовки к свадьбе молодой девушки (дочери главной героини).

В отличие от «Белокурого Экберта» развязка новеллы не таит в себе ничего ужасного, герои, примирившись со своей судьбой, все равно оказываются вместе. Здесь нет такого острого противостояния двоемирия, но ирония здесь выражена достаточно ярко. Так, не совсем романтична встреча главных героев: Франциска спотыкается и падает перед восхищенным ее красотой Фердинандом. Встретившись через сорок лет, герои не узнают друг

друга, Фердинанд лишь чувствует некоторое волнение, увидев дочь Франциски. Однако при этом он не догадывается, кого она ему напоминает. Дом же, где живет главная героиня, теперь уже со своими взрослыми детьми, был куплен у алхимика Альберта, но Фердинанд вспоминает, что это тот самый дом и даже комната, где происходило гадание с бокалом, лишь когда видит знакомую ему лютню. Все 40 лет герои жили в одном городе, но ни разу не встретились: оба вели затворнический образ жизни. Франциска выходит замуж за нелюбимого только потому, что Фердинанд якобы уехал на родину и женился: «Я вовсе не уезжал отсюда ... но спустя некоторое время я узнал о твоём замужестве. Нас хотели разлучить, и это удалось им «...» Но до чего удивительно, что мы с тобой никогда не видались с тех пор» [4]. Все эти события, по сути, нелепы, романтическая ирония почти приблизилась к абсурду. Читатель понимает, что это стечение обстоятельств, приведшее к разлуке, можно было преодолеть, но герои покорно принимают свой жребий.

Автор использует нетипичный хронотоп в новелле: неожиданно прерывается история главных героев, и сразу следует повествование о влюбленных, готовящихся к свадьбе. Читатель не сразу понимает, кто есть кто. Это обстоятельство усложняется еще и тем, что имя главной героини (Франциска) становится известным только во второй части новеллы. Романтическая ирония здесь предстает как в нелепости ситуаций, так и повторении судеб героев. Так, читатель может принять состарившегося Фердинанда за алхимика Альберта, а молодую невесту – за Франциску.

Но почему Фердинанд не пытается противостоять предсказанию? Встреча с Франциской, с истинной любовью меняет его: «...он не был теперь чужд религиозного благоговения и, переступая тот же порог, входил в оваянный таинственным сумраком храм совсем с другими чувствами, чем в дни бывшего легкомыслия «...» Как только он мог не постигать прежде подобной веры и подобной любви!» [4]. Ирония любви же, по Шлегелю, есть истинная ирония [7, с. 361]. Высокое чувство вступает в противоречие с внешними обстоятельствами, пытающимися помешать ему. После расставания с Франциской Фердинанд практически не ходит в церковь, а люди теперь уже его считают алхимиком. Он продолжает жить своей любовью, как и Франциска. Поэтому сцена «неузнавания» выглядит даже несколько комически. Но внешность не важна – главное, чувство, границ которому нет: «... эти два существа ... разлучила только смерть, чтобы спустя короткое время навеки их соединить»[4]. На наш взгляд, Тик так же, как и в «Белокуром Экберте», сближает религиозный мир и мистический, покоряясь гаданию, Фердинанд больше соотносится с Бертой (героиней «Белокурого Экберта»), а после воссоединения с Франциской, сбросив маску алхимика, его внутреннее «Я» находит покой. Успокоенное сознание больше соотносится с религиозным миром старухи.

Роль романтической иронии в данной новелле – показать амбивалентность ситуаций, в которые попадают герои. С помощью повторений с некоторыми вариациями Тик показывает вечное движение и невозможность уйти от назначенной судьбы.

Необходимо сказать и о самоиронии автора, ироническом отношении, рожденным объединением «намеренности и инстинкта», по Шлегелю [6, с. 280]. Ведь художник, соединяющий в творчестве иронию и вдохновение, стремится к созданию «идеального произведения», а значит, претендует на истинное видение мира, которое невозможно без принятия парадоксальности. Концепция романтической иронии не оставляет сознание автора. Он неразрывно связан с произведением и идеями текста [6, с. 282]. Тик во многом предвидел опасность чрезмерного увлечения романтическими идеалами, а также он, как и Шлегель, видел противоречивость романтизма в его нежелании подчиняться системе и вместе с тем невозможности отказа от нее.

В основе всех планов выражения романтической иронии лежит парадоксальность чего - либо: сюжета, образа, события, места и т.д. Тик подтверждает художественно теорию Шлегеля, высказанную во «Фрагментах»: парадокс – основа романтической иронии. В этом видится системность, от которой так старались уйти романтики.

В общем же можно отметить, что романтическая ирония в творчестве писателя претерпевает изменения. Если в «Белокуром Экберте» больше мистики, смещения реальности и фантазии, трагического начала, общего чувства разочарования и атмосферы безысходности у героев, то в более поздней новелле «Бокал» меньше ирреальности, ирония приближается к абсурду, проявляется в основном в деталях. Тик показывает опасность слепой веры в предназначение. Но так же мастерски создается особая атмосфера: читатель чувствует высшую силу, которая, несмотря на слабость героев, сводит их вместе.

В общем же романтическая ирония в обеих новеллах показывает парадоксальность жизни: Экберт видит это только перед самой смертью, Фердинанд и Франциска – спустя 40 лет, будучи уже стариками. Также важен момент неожиданности, когда слетает вся «мишура» жизни, обнажается субъективность бытия и происходит катарсис сознания.

Библиографический список

1. Блинова М.П. Ирония как основа повествовательной структуры в литературе немецкого романтизма // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2010. № 60. С. 557-568.
2. Блинова М.П. Мортальный сюжет в нравственно-философском пространстве малой постмодернистской прозы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кубанский государственный университет. Краснодар, 2004
3. Киркегор С. О понятии иронии. URL: (http://anthropology.rinet.ru/old/4-93/o_ponyatii_ironii.htm) (дата обращения: 09.01.2016).
4. Немецкая романтическая повесть. URL: <http://www.litmir.me/bd/?b=230780> (дата обращения: 21.11.2015).
5. Тик, Л. Белокурый Экберт. URL: http://az.lib.ru/t/tik_1/text_0010.shtml (дата обращения: 06.11.2015).

6. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т.1. / под ред. Овсянникова М. Ф. и др. – М.: Искусство, 1983. – 480 с.

УДК 82.008

Бочко М.М, Татаринова Л.Н. Литературные реминисценции и музыкальные мотивы в рассказе У.Фолкнера «Каркассонн»

**Literature reminiscences and musical motifs
in W. Faulkner's story «Carcassonne»**

Бочко Михаил Михайлович

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Bochkomichael@gmail.com

Bochko Mikhail Mikhailovich

Kuban State University, Krasnodar

Татаринова Людмила Николаевна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Tatarinova Ludmila Nikolaevna

Kuban State University, Krasnodar

Аннотация. В данной статье на примере одного рассказа ставится проблема жанрового своеобразия творчества Уильяма Фолкнера – выявляется роль лирического начала, осуществляемого через музыкальные и поэтические мотивы.

Ключевые слова: Шекспир, Гамлет, символизм, поэзия в прозе, метафора, звукопись, аллюзия, аллитерация.

Abstract. In this paper, based on a short story, the problem of genre originality of the works of William Faulkner is developed; the function of the lyric narration, realized through musical and poetic motives, is revealed.

Keywords: Shakespeare, Hamlet, symbolism, poetry, prose, metaphor, sound, allusion, alliteration.

Рассказ Фолкнера «Каркассонн» предположительно был написан в 1926 году; впервые опубликован в сборнике «Тринадцать» (1931), где он завершал книгу, т.е. это – очень раннее произведение писателя. «Каркассонн» существенно отличается от классического Фолкнера, которого мы привыкли воспринимать как эпического автора, создателя знаменитого цикла романов «Йокнапатофа», насыщенного многочисленными героями с их сложными семейными связями, предстающими на фоне природы и истории американского юга. В данном рассказе нет ни сюжета, ни развития действия, ни диалогов, ни авторских комментариев. Он представляет собой поток сознания какого-то человека, лежащего где-то на чердаке какого-то дома – все весьма зыбко и неопределенно. Объясняя свой замысел студентам Виргинского университета, Фолкнер говорил: «Мне казалось, что в этом рассказе лучше всего прибегнуть к

фантазии. По-моему, если бы повествование велось в границах обычного правдоподобия (*simple realism*), что-то оказалось бы утраченным. Всего уместнее было прибегнуть к фантазии; мне этот рассказ всегда нравился, потому что *в нем есть нечто от поэзии*» [10, с. 22] (Курсив наш – Б.М., Т.,Л.). Таким образом, сам автор указывает на поэтический характер своего произведения. В юности Фолкнер мечтал стать поэтом, ему очень нравились французские символисты; поэтика символизма чувствуется и в рассказе «Каркассонн»: это – многочисленные метафоры, повторы фраз, особый ритм повествования, сложные символы, эстетика суггестивного (кстати, заголовок – это название древнего *французского* города эпохи крестовых походов, что отсылает читателя к образу Франции, где зарождался европейский символизм и где жили крупнейшие его представители – Бодлер, Рембо, Верлен).

Известный фолкнеровед 70 – 80х годов XX века Алексей Зверев определяет жанр этого произведения как «новелла – стихотворение» [4, с. 596].

Уильям Фолкнер обогатил свой рассказ аллюзиями на литературные произведения, мифологию и обращения к разным писателям (причем, в основном поэтам). Рассмотрим следующий отрывок, в котором присутствуют прямые и скрытые литературные реминисценции: «A fairy pattering of little feet behind a bloody arras where fell where jell where I was King of Kings but the woman with the woman with the dogs eyes to knock my bones together and together» [11] («Колдовской топоток крошечных лапок за окровавленным гобеленом, где пал где пал где я был Царем царей но женщина с женщиной с собачьими глазами чтобы ворошить и ворошить мои кости» [7]). Обратим внимание на то, что в отрывке нет знаков препинания. В данном фрагменте создан ряд сложных и запутанных мыслей, которые представляют собой единый концепт. Постараемся разобрать каждую деталь и понять, о чем идет речь. Нет никакого сомнения в том, что «окровавленный гобелен» это аллюзия на «Гамлета» [5]. В этой сцене Гамлет пронзает своей шпагой гобелен с криком «Крыса» и убивает Полония, который подслушивал разговор.

Уильям Фолкнер заостряет внимание читателя на теме предательства, олицетворением которого являются образы насекомых и крыс. Следующие строки подтверждают это суждение: «It was dark, a darkness filled with a fairy pattering of small feet, stealthy and intent... at his movement they scurried invisibly ... leaving a thin but definite effluviuim of furtiveness and voracity» [11] («Было темно, и темнота полна быстрым бесплотным топотом крохотных лапок, таящимся и напряженным... при первом его движении они невидимо разлетались... оставляя за собой тонкий, но отчетливый отвратительный запах тайны и прожорливости» [7]). Нужно отметить, что гобелен назван словом «arras», который созвучен названию древнегреческого города «Argos». Существует миф, который повествует об убийстве царя Микен (или Аргоса). Видимо именно к этому мифу обращается Уильям Фолкнер. «Царь царей» – так называют греческого предводителя Троянской войны Агамемнона, что отсылает нас еще и к Новому завету, где именно так именуется Иисус – «Царь царей». Вспомним так же XI песнь «Одиссеи», где в Аиде тень Агамемнона рассказывает, как его жена Клитемнестра, вместе с любовником Эгисфом,

совершают убийство [1]. Так в рассказ входит образ смерти – постоянная тема Шекспира и французских символистов.

В «Каркассонне» упоминается и о тени: «At times, lying so while daylight slanted grayly along the ruined pitch of the eaves, he watched their shadowy flickings from obscurity to obscurity, shadowy and huge as cats, leaving along the stagnant silences those whisperings gusts of fairy feet» [11] («Иногда, лежа там, пока дневной свет серой полосой протягивался вдоль скошенных карнизов, он наблюдал перебежку теней от одного пятна тьмы до другого, теней смутных и огромных, как кошки, бросавших вдоль этих застойных молчаний быстрые шепотные ливни своей колдовской беготни» [7]). Мотив тени, конечно же, вызывает ассоциации с тенью отца Гамлета, да и в других пьесах Шекспира немало призраков и теней («Макбет», «Буря», «Зимняя сказка»).

Словом, рассмотренный концепт представляет собой все тот же мотив потустороннего мира, а также нечистых душой людей, которые переступили через тонкую грань между добром и злом, подчинились лжи и обману.

Из «могильного» лексикона мы встречаем у Фолкнера не только слово «тень», но и «череп», а также «кости»: «Bones might lie under seas, in the caverns of the sea, knocked together by the dying echoes of waves» [11] («Кости, может быть, лежат на дне моря в подводных пещерах, согнанные туда угасающими отголосками волн» [7]). Очевидно, в данном отрывке скрыта реминисценция из поэмы Т.-С. Элиота "Бесплодная земля", в которой есть следующая фраза: «Подводное течение, шепча, подхватило его кости...» [9]. Обращение к морю повторяется в конце «Каркассона», как раз перед духовным очищением героя и освобождением от земных оков: «Again his body slanted and slanted downward through opaline corridors groined with ribs of dying sunlight upward dissolving dimly, and came to rest at last in the windless gardens of the sea. About him the swaying caverns and the grottoes, and his body lay on the rippled floor, tumbling peacefully to the wavering echoes of the tides» [11] («Снова его тело скользило и скользило под уклон по овальным коридорам под ребристыми сводами из солнечных лучей, уже смутно тающих где-то вверху, и наконец упокоилось в безветренных садах моря. Кругом покачивались пещеры и гроты, и его тело лежало на покрытом рябью полу, мирно колыхаясь под касаниями далеких, слабеющих и здесь уже едва ощутимых волн прилива» [7]).

Но какой смысл хотел донести до читателей Уильям Фолкнер, обращаясь к морю, костям и телу в «Каркассонне»? Мы считаем, что это символ контраста смертного тела и бессмертного духа. По теории Гюстава Юнга, покоящееся в низинах море – это лежащее ниже уровня сознания бессознательное, то есть понятие «бессознательного» использовалось для обозначения состояний, которые характеризуются наличием вытесненных или забытых содержаний. В анализируемом нами тексте присутствует и эта тема: «Living, as it did, a retired life, his skeleton could know next to nothing of the world. Yet it had an astonishing and exasperating way of supplying him with bits of trivial information that had temporarily escaped his mind» [11] («Ведя такой уединенный образ жизни, его скелет почти что ничего не мог знать о мире. Нот он усвоил нелепую и раздражающую манеру подсказывать всякие мелкие сведения, когда они

случайно исчезали из памяти его хозяина» [7]). Скелет, который символизирует здесь телесное начало, спорит с Духом человека, в глубине души сохраняющего веру в бессмертие.

Итак, мы видим, во-первых, высокую образованность автора, его богатейшую эрудицию, которая опровергает миф о Фолкнере, как о «простом фермере». Литературные аллюзии в «Каркассонне» создают единое пространство мировой поэзии – Шекспир, Эсхил, Элиот, французские символисты, на фоне которого рассказ выглядит еще одним поэтическим произведением на тему смерти и бессмертия.

Кроме многочисленных литературных аллюзий, рассказ Фолкнера насыщен музыкальными ассоциациями, музыкальными терминами, а также звукописью. Для того, чтобы основательно рассмотреть найденные нами важные примеры, сначала следует дать определение термину «звукопись».

Звукопись – «...соответствие фонетического состава фразы изображенной картины или последовательно проведенная система аллитераций, которая подчеркивает образную законченность поэтической фразы...» [8].

Теперь мы можем обратиться непосредственно к тексту. «From the docks ship's siren unsourced itself. For a moment it was sound, then it compassed silence, atmosphere, bringing upon the eardrums a vacuum in which nothing, not even silence, was» [11] («Где-то в доках начал вдруг источать себя корабельный гудок. Одно мгновение это был просто голос, а затем он вобрал в себя и молчание, и атмосферу, создав на барабанных перепонках такой вакуум, в котором уж не было ничего, даже молчания» [7]). В тексте оригинала за счет фрикативных согласных звуков /ʃ/ и /s/, последний из которых к тому же многократно повторён, имитируется шум волн, что, соответственно, даёт нам представление об определённом виде локации. Ассоциация рождается из артикуляции: сибиллянты произносятся с шумом, на выдохе.

Уильям Фолкнер играет еще и с описанием звуков, сравнивая похожие: «The silence breathed again with a clashing of palm fronds like sand hissing across a sheet of metal» [11] («А потом он расслабился, убыл, угас, и молчание снова начало дышать ритмическим шелестом от трения пальмовых веток одна о другую, похожим на шипенье песка, когда он скользит по металлическому листу» [7]). Здесь мы видим повтор следующих звуков: /ʃ/ - (альвеолярно-палатальный, фрикативный) и /s/ - (альвеолярный, фрикативный). Путем повтора данных звуков в одном предложении автор создал удивительную звукопись. Шелест пальмовых веток и шипение песка на металлическом листе – при чтении все это не только появляется в виде образов в нашем сознании, но и сопровождается музыкальным оттенком, что придает тексту неповторимую поэтичность.

В приведенных нами выше примерах автор использовал такой вид звукозаписи, как аллитерация (повторение в стихотворной речи одинаковых согласных звуков с целью усиления ее выразительности). В рассказе «Каркассонн» неоднократно встречается слово «rhythm» (ритм) и его производные (известно, что ритму придавал особое значение и Т.С.Элиот).

Интересно также, что из текста мы можем сделать вывод относительно

того, как сам Уильям Фолкнер относится к музыке. Он сравнивает ее с прекрасной половиной человечества, с женщинами, что подтверждается следующими отрывками: «Of women, of delicate girls briefly like heard music in tune... falling feeding into prettiness» [11] («К женщинам, к нежным девушкам, из которых каждая – как нечаянно услышанный отрывок стройной мелодии... погружаются в красоту» [7]).

Красота и музыка должны быть как близнецы, потому что звуковая линия требует совершенства ее идеи. «Отсутствие красоты есть бессилие идеи» отметил В. Соловьев, и он безусловно был прав [2, с. 396]. Значит, правильная музыка начинает выступать в роли побудителя духовного начала человека, совершенствуя его внутренний мир, взывая к преображению. Так рождается добро, нравственные жизненные мотивы и ориентиры. Сила бытия проявляется через красоту, которую несет музыка, потому что истинный автор (композитор) вкладывает в нее свои глубокие чувства, пропускает ее через свою душу.

С. Лангер сказал, что «прозрение является даром музыки» [6, с. 217]. А может ли музыка положительно повлиять на материальный мир? Ответ прост, конечно, может. Призывая к духовной и чистой составляющей человека, музыка, неся в себе красоту и добро, стоит посередине мечты и реальности. В этом смысле музыка выступает «исполнением добра в материальном мире» [6, с. 392].

Вернемся к «Каркассонну» и рассмотрим еще одно интересное предложение: «In whispering arpeggios of minute sound» [11] («Среди шопотных арпеджий из мельчайших звуков» [7]). Автор снова прибегает к музыке и использует такой термин, как «арпеджио», чтобы предать предложению большую окраску.

Музыкальная составляющая текста «Каркассонн» играет важную роль в системе образов, создавая не только определенную картину, но и погружая читателя в описываемую атмосферу. Музыкальное связано с бессознательным, интуитивным началом в человеке. Это приближает текст к поэтическому произведению. В этом смысле музыка выступает исполнением добра в материальном мире.

Однако все эти наблюдения будут неполными, если мы не учтем, что «Каркассонн» является продолжением другого рассказа Фолкнера «Черная музыка» («Black Music»), написанном в том же 1926 году (оба рассказа построены на фантастической основе) [3]. Здесь мы узнаем о прошлом того самого скелета, который лежит на чердаке в «Каркассонне». «Избранник богов» [3, с.501] Уилфред Миджлстон изображен подчеркнуто обыкновенным и заурядным человеком, однако в один необычный день его судьба меняется. Играя на дудке в лесу, он поневоле сводит с ума богатую и властную миссис Ван Дайминг, которой вместо музыкального инструмента мерещится нож, а вместо музыки слышится «жуткий, пронзительный визг» будто «дыхание вырывается через зажатое в зубах лезвие» [3, с.512]. К чему автор создал настолько сильную метафору? Он образно подчеркнул то, что «пострадавшая» женщина не видит истинной, природной красоты. В ее сознании все заменено ложными ценностями материального превосходства. В итоге ей не удалось

уничтожить природу и построить «дом для гостей, похожий на Колизей ... гараж в виде Акрополя» [3, с.506].

Как же объяснить название «Черная музыка»? Эта музыка – *черная*, т.е. стихийная, олицетворяющая бессознательное в человеке, заставляющее вспомнить о *дионисийском начале* Фридриха Ницше (упоминается в тексте и Пан - бог лесов). Музыка здесь олицетворяет некое таинственное бессознательное начало, которое заложено в каждом человеке природой. О единении музыки и природы нам говорит и следующая строчка: «Там даже воздух зеленый, и прохладно, и дует ветер. Когда он гудел в соснах, казалось, что играет орган» [3 с. 508]..

Коренной мотив рассказа «Черная музыка» создает гамму отсылок, одной из которых является знаменитая опера Амадея Моцарта «Волшебная Флейта» 1791 года. Юный принц Тамино получает от Царицы ночи волшебную флейту, звуки которой способны укротить и усмирить любые силы зла. Кстати, в рассказе Уильяма Фолкнера «Черная музыка» дудка также именуется и флейтой. Известный факт, что Моцарт почерпнул идею сюжета из сказки «Лулу, или Волшебная флейта» Кристофа Виланда из сборника фантастических поэм «Джиннистан, или Избранные сказки про фей и духов» (1786-1789). Благодаря флейте, у которой есть сила вызывать и смягчать в каждом, кто ее слушает, любовь и сострадание, юный царский сын Лулу освобождает из заточения злого волшебника молодую девушку, в которой видит избранницу своего сердца.

Вернемся к рассказу «Каркассонн». Теперь мы знаем, что именно этот незаметный человек, «бедный и счастливый», лежа на куске толя в обществе крыс, способен взмыть в Небеса, в «музыку сфер» (по выражению древнегреческого философа Пифагора).

Таким образом, высокий поэтический стиль рассказа «Каркассонн» является авторской формой выражения веры в силу человеческого духа. Примитивная дудка («Черная музыка») заменяется здесь симфонией звуков, дополняется сложнейшими литературными ассоциациями и выводит маленького человечка в область Высокого. Не случайно и то, что рассказ «Каркассонн» Фолкнер поставил последним, завершающим в своем издании «Собрание рассказов».

Библиографический список

1. Авторский сетевой журнал // Человек в истории и культуре. – 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://top-antropos.com/rating/item/269-gomer-odisseja-11> (дата обращения: 23.10.2015).
2. Брокгауза Ф., Ефрона И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2008. – 960 с.
3. Зверев А.М. Уильям Фолкнер. Собрание рассказов. – М.: Наука, 1977. – 645 с.
4. Зверев А.М. Фолкнер – новеллист // Уильям Фолкнер. Собрание рассказов. – М.: Наука, 1977. – С. 596.
5. Классика в кармане // Шекспир У. Гамлет. – М.: Бертельсманн, 2012. – С.192
6. Лангер С. Философия в новом ключе. – М.: Республика, 2000. – 287 с.

7. Фолкнер У. Каркассонн. – 2004 [Электронный ресурс] // URL: http://lib.ru/INPROZ/FOLKNER/13_karkassonn.txt (дата обращения: 06.09.2015).
8. Фундаментальная электронная библиотека (ФЭБ). Русская литература и фольклор // Квятковский А.П. Поэтический словарь. – 1966 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/kps/kps-1134.htm?cmd=2&istext=1> (дата обращения: 03.10.2015).
9. Элиот Т.С. Бесплодная земля. – 2004 [Электронный ресурс] // URL: http://lib.ru/POEZIQ/ELIOT/eliot1_03.txt (дата обращения: 08.08.2015).
10. Gwynn F.L., Blotner J.L. Faulkner in the University // Class Conference at the University of Virginia 1957 – 1958. – NY, 1965, – P. 22.
11. William Faulkner. Carcassonne [Электронный ресурс]. URL: <http://reading.posyo.ru/faulkn.html> (дата обращения: 06.09.2015).

УДК 82-31

Ветошкина Г.А., Ярмиш М.А. Личность и смерть: современное решение вечной проблемы (на материале романа Д. Делилло «Белый шум»)

**Identity and death: a modern solution to the eternal problem
(on the material of D. Delillo "White noise")**

**Ветошкина Галина Александровна
Ярмиш Мария Анатольевна**

КубГУ, кафедра зарубежной литературы и сравнительного культуроведения
galkavetoshka@yandex.ru
mariya.yarmish.94@mail.ru

**Vetoshkina Galina Aleksandrovna
Yarmush Maria Anatolyevna**

Kuban state University, Department of foreign literature and comparative culture

Аннотация: Работа посвящена исследованию особенностей романного пространства современного американского писателя Дона Делилло. В статье освещаются особенности проблематики романа «Белый шум», в частности специфика авторского взгляда на проблему смерти. Решение поставленной задачи помогает лучше разобраться в особенностях менталитета современного американца, выявить доминанты авторского понимания данной проблемы, а также особенности её художественного решения.

Abstract: Work is devoted research of features novel space contemporary American writer don Delillo. The article highlights the particular perspective of the novel "White noise", in particular the specificity of the author's view on the problem of death. The solution of this problem helps to better understand the peculiarities of the mentality of modern Americans, to reveal the author's dominant understanding of the problem and peculiarities of its artistic decisions.

Ключевые слова: проблема, художественные особенности, проблематика, менталитет, герой, авторское сознание, повествование, контекст, роман, контраст, ирония, герой-повествователь,

экзистенциализм, смерть, абсурд.

Keywords: problem, artistic features, perspective, mentality, character, author's consciousness, narrative, context, Roman, contrast, irony, hero-narrator, existentialism, death, absurd.

Проблема страха перед смертью является смыслообразующей в романе известного современного американского автора Д. Делилло «Белый шум». В этом Делилло можно считать наследником экзистенциализма, который помещает смерть в центр своей философии и эстетики, называя ее центральным событием человеческой жизни. Однако если герои экзистенциалистских текстов не афишируют страх перед смертью, а пытаются ему стоически противостоять, то герои Делилло находятся во власти этого страха, своеобразным лейтмотивом романа становятся слова: «Кто умрет раньше?» [1, 7], [1, 15], [1, 52].

На страницах романа о смерти рассуждают многие герои, но чаще всего о ней задумывается главный герой – повествователь Джек Глэдни. Он считает, что «смерть – штука слишком неопределенная. Никто не знает, что такое смерть, на что она похожа, с чем ее можно сравнить» [1, 102]. Представляя читателю раздумья героя, автор пишет: «Смерть вызывает самое глубокое сожаление. Смерть – единственная серьезная проблема. Ни о чем другом я не думаю. Речь идет только об одном. Я хочу жить» [1, 148]. В этих раздумьях, похожих на молитвы неведомым силам, нет желания сразиться со смертью, как-то противостоять ей, как это было у экзистенциалистов, есть лишь отражение страстного желания выжить в данном противостоянии. Автор показывает, что не только герой, но и окружающее его общество пытается выстоять в этой схватке со смертью. Люди помешались на идеях правильного питания, они толпами бегут от инфаркта. Автор пишет: «Похоже, мы верим, что если по всем правилам заботиться о своем внешнем виде, можно отдалить смертный час» [1, 13]. Однако, несмотря на все усилия, число умирающих не сокращается, а только растет.

Смерть, по мнению повествователя, глядит на современного человека отовсюду, она является следствием технического прогресса, который неизбежно ведет к разного рода техногенным катастрофам, засоряет окружающую среду, делая ее непригодной для жизни человека и других живых организмов. Анализируя жизнь современной цивилизации, повествователь констатирует: «Каждый день по телевидению сообщают о новой утечке ядовитых веществ: канцерогенных растворителей из цистерн, мышьяка из дымовых труб, радиоактивной воды из атомных электростанций. Насколько велика опасность, если это происходит постоянно?» [1, 91]. Окружающий мир становится агрессивной средой, которая ежедневно грозит человеку уничтожением. Герой отмечает: «Реальная проблема – излучение, ежедневно бьющее по нам со всех сторон. Радиоприемник, телевизор, микроволновка, линия электропередачи возле дома, радар контроля скорости на шоссе. Нас очень долго уверяли, что эти малые дозы безвредны» [1, 91], однако каждое из этих излучений способно нанести человечеству вред.

Герой постоянно ощущает на себе горячее дыхание смерти, которая, порой, действует на близких ему людей опосредованно, желая погубить их. Он постоянно беспокоится за жизнь собственных детей. Так, например, наблюдая за сыном, он размышляет: «У Генриха появились залысины. Это заставляет задуматься. Не

употребляла ли его мать при беременности какое-либо вещество, изменяющее наследственность? А может, это я в чем-то виноват? Вдруг я, сам того не зная, растил его близ свалки химикатов, на пути перемещения воздушных потоков, в которых содержатся промышленные отходы, способные вызывать выпадение волос» [1, 10]. Положение дел таково, что современный человек ни в чем не может быть уверен. Все, что раньше было частью природы и радовало человека (дождь, ветер, туман и др.) сейчас может нести в себе смерть. Так, в разговоре с отцом четырнадцатилетний Генрих также демонстрирует обеспокоенность сложившейся ситуацией. Наблюдая за тем, как дождь бьет в стекло, он размышляет: «Ты так уверен, что это дождь. Откуда ты знаешь, что это не серная кислота с заводов на другом берегу реки? Откуда ты знаешь, что это не радиоактивные осадки от какой-нибудь войны в Китае?» [1, 12].

Страх смерти вполне естественный страх и перебороть его гораздо труднее, чем какую-либо другую фобию. Нагнетанию страха способствуют в современном мире и кагорта врачей. Повествователь отмечает: «Мои отношения с врачами были издавна проникнуты этим ужасом – вдруг они потеряют интерес ко мне, прикажут своим регистраторшам вызывать меня в кабинет последним, решат, что я умираю, и на этом успокоятся» [1, 39]. Практически все врачи, изображенные в романе, напоминают ремесленников, никто из них не любит своих пациентов, воспринимая их лишь как источник заработка.

Автор показывает, что жизнь идет, а главные вопросы не решаются, лишь прибывают и множатся. Герои мучаются от неизвестности, от страха за своих детей и близких, а ответов все нет, более того, нет даже надежды получить ответ на страшный вопрос: «Почему люди умирают?». Повествователь размышляет: «Как это странно. Нам так глубоко, жутко, неизбежно страшно за себя и за тех, кого любим. И все-таки мы ходим, разговариваем с людьми, едим и пьем. Как-то ухитряемся что-то делать. Страхи у нас сильные и неподдельные. Разве не должны они парализовать нас? Как же нам удастся совладать с ними, пусть до поры до времени? Мы водим машину, что-то преподаем. Почему никто не видит, как нам было страшно – вчера вечером, сегодня утром? Неужели мы все скрываем друг от друга эти чувства по взаимному согласию? А может, мы, сами того не зная, храним одну общую тайну? Носим одну и ту же маску?» [1, 103] Размышляя над проблемой смерти, герой рождает образ «белого шума», помех, которые засоряют собой эфир и мешают получать информацию, мешают жить.

Охватывает страх смерти и героиню. Бабетта (имя её в переводе с немецкого означает «святая», «богиня») для повествователя – олицетворение жизни, естественности и простоты. Это чувство оказывается для нее настолько мучительным, что она прибегает к услугам шарлатанов и начинает принимать препарат (дилар), который якобы должен избавить ее от мук. Как оказалось, препарат не только не помогает, но и имеет побочные действия: у нее начинаются проблемы с памятью и нарушается координация движений. Однако героиня готова пойти на многое (даже на измену любимому мужу) дабы получить избавление от страха перед смертью, она считает «что потеря памяти – отчаянная попытка противодействовать страху смерти. Нечто вроде войны нейронов» [1, 105]. Тем не менее, несмотря на все жертвы, «забыть о смерти не удастся» [1, 105].

Единственное, что помогает хоть как-то отвлечься от экзистенциального страха – общение с Уайлдером, младшим сыном Бабетты. Героиня констатирует: «Я стала больше времени проводить с Уайлдером. Уайлдер помогает мне выстоять» [1, 137]. Когда муж призывает ее вести такую же активную жизнь как раньше, она признается: «Активная жизнь помогает, но Уайлдер помогает больше» [1, 137]. В разговоре с коллегой-преподавателем Марри Джек также доверительно сообщает, что ему хорошо с Уайлдером, совсем не так как с другими детьми, на что всеведущий Марри отвечает: «Вы чувствуете его безграничное «эго», его свободу от всяческих рамок» [1, 152], «он не знает, что умрет. Не имеет никакого представления о смерти. Вы дорожите этим его счастливым неведением, этой неспособностью сознавать опасность. Вам хочется подойти к нему поближе, дотронуться до него, хочется смотреть на него, вдыхать его запах. Как же ему повезло! Воплощение неведения, всесильный малыш. Ребенок – это всё, взрослый человек – ничто» [1, 152].

В романе постоянно подчеркивается инаковость Уайлдера, он видит, слышит, чувствует гораздо больше других. Так, например, символичным является его плач накануне техногенной катастрофы. Автор пишет, что начался он внезапно и длился почти сутки, «то был ритмичный плач, обдуманное заявление в форме резкой, назойливой пульсации. ...ритмичность сохранялась, темп возрастал, а на вымытом розовом личике отражалась скорбь [1, 39]. Повествователь подчеркивает, что плакал Уайлдер «стоически» [1, 39] и «в голосе этом звучали горькие жалобы, типичные для Ближнего Востока, излилась боль, столь доступная пониманию, что, переполняя человека, она уничтожает все прямые причины ее возникновения. Было в этом плаче нечто необратимое, исходящее из глубины души. Звук врожденного безысходного отчаяния» [1, 40].

В читательском сознании при чтении этой сцены возникает параллель с плачем умирающего от неизлечимой болезни ребенка в философской притче

А. Камю «Чума». Вот как пишет об этом Камю: «На лицо его, изглоданное болезнью, как бы легла маска из серой глины, рот приоткрылся, и почти сразу же с губ сорвался крик, один-единственный протяжный чуть замиравший во время вдохов и заполнивший всю палату монотонной надтреснутой жалобой, протестом до того нечеловеческим, что, казалось, исходит он ото всех людей разом» [2, 286]. У Камю – ребенок, умирая, становится символом всех страдающих индивидов, у Делилло Уайлдер также аккумулирует в себе некое мистическое знание о мире, о жизни и о смерти.

Ребенок в романе Делилло – носитель некоего пророческого сознания, сознания, которое проникает в тайны бытия, поскольку не слишком отягощено способностью к рефлексии. Он, как и герой-ребенок у Камю, плачет обо всех страдающих на этой земле, чувствуя, что страдания неизбежны и многочисленны, что никто не может защитить человека от этих страданий, поскольку современное человечество отказалось от помощи Бога, вышвырнув его за пределы своего потребительского мифа. Рассказчик подчеркивает, что «Уайлдер не ревел и не хныкал. Он громко жаловался на нечто невыразимое, причем в такой манере, которая взволновала меня яркостью и силой воздействия. То была старинная погребальная песнь, только еще выразительнее из-за неколебимой монотонности» [1, 40-41]. Автор

подчеркивает, что данные способности героя-ребенка свойственны ему до тех пор, пока Уайлдер пребывает в состоянии младенческой невинности, лишь в этот период он неуязвим по отношению к смерти. Это его качество очень ярко проявляется на последних страницах романа, в сцене, где ему удается без единой царапины переехать на велосипеде оживленную автостраду.

Еще один резонер постоянно рассуждающий о смерти – коллега Джека, бывший спортивный журналист Марри Джей Зискинд, «сутулый парень в маленьких круглых очках и с бородкой сектанта-меннонита» [1, 5]. Как отмечает автор, он был приглашен в Колледже-на-Холме «читать лекции о современных идолах» [1, 5]. Позже его просят прочесть курс лекций о «кинематографе автокатастроф» [1, 20]. Данный герой выполняет в романе функцию искусителя, он постоянно заводит с героями разговор о смерти, а в конце повествования буквально совращает героя, подталкивая его к совершению убийства. Его имя аллюзивно отсылает нас к Маре (санскр. mare - «смерть, разрушение») – буддистскому демону, который персонифицируется как воплощение безыскусности, гибели духовной жизни. В буддийской космологии Мара — искуситель, отвлекающий людей от духовных практик путем придания привлекательности земной жизни, он часто путает человека, выдавая отрицательное за положительное.

Как уже упоминалось, Марри постоянно сводит свой разговор к смерти, подавая ее в разных ракурсах. Так, например, он размышляет о том, что даже смерть в современном мире обезличена: «В больших городах никто не обращает внимания на неотвратимую смерть. Смерть – одно из свойств атмосферы. Она повсюду и в то же время ее нет нигде. Умирая, люди кричат, чтобы их заметили, запомнили хоть на пару секунд. <...> В маленьком городке есть дома, есть растения на подоконниках эркеров. Люди уделяют смерти больше внимания. У покойников есть лица, автомобили. Если вы не знаете имени, то знаете название улицы, кличку собаки. «Он ездил на оранжевой "мазде"». Вам известны о человеке какие-то бесполезные сведения – они становятся важнейшими данными для установления личности и определения ее места в космосе...» [1, 20]. Таким образом, утверждает Марри, даже смерть в современном мире не вырывает человека из толпы, не делает его индивидуальностью, личностью, не видит его лица.

Когда герой, Джек Глэдни после техногенной катастрофы обнаруживает, что в его организме глубоко внутри «завелась смерть», Марри сочувственно заявляет: «Таково основное свойство современной смерти. Она существует независимо от нас. Растут ее масштабы и престиж. Такого размаха, как сейчас, она еще никогда не достигала. Мы ее беспристрастно изучаем, умеем ее предсказывать <...> Умеем делать ее снимки в поперечном разрезе, записывать на пленку ее толчки и колебания. Никогда еще мы не были к ней так близки, так хорошо знакомы с ее природой и повадками. Мы прекрасно знаем, что она собой представляет. Однако она продолжает распространяться, достигает все большей широты охвата, находит новые лазейки, новые пути и средства. Чем больше мы узнаём, тем шире она распространяется. Быть может, это некий закон физики? Каждому успеху науки противостоит новая разновидность смерти, новая особенность. Смерть приспособливается к обстоятельствам, как вирус. Это что, закон природы?» [1, 79-80]. Таким образом, согласно его рассуждениям, знание не освобождает от

ответственности, от страданий.

Марри очень часто цитирует буддийских мудрецов, представляя мудрость Тибета истиной в последней инстанции [1, 19]. Он утверждает, а вслед за ним и Джек, что «смерть есть конец привязанности к вещам. Постигнуть эту простую истину нелегко» [1, 19]. В разговорах с Джеком Марри неоднократно затрагивает проблемы технологий, он заявляет: «Технологию придумали, чтобы с ее помощью хранить страшную тайну наших слабеющих тел. Но в то же время, технология – это жизнь, не так ли? <...> Положитесь на нее целиком и полностью, Джек. Поверьте в нее. Вас поместят в сверкающую трубу, ваше тело облучат основными элементами вселенной. Светом, энергией, снами. Самой милостью Божьей» [1, 149]. Современный мир, считает резонер Марри, слишком уповает на технологии, слишком доверяет им. Технологии – бог потребительского мира. Однако Джек прекрасно понимает, что никакие технологии не спасут его от смерти.

Среди множества голосов романа звучит еще один – голос эпизодической героини Винни Ричардс (химик-биолог, один из преподавателей Колледжа на Холме). Ее мнение о смерти очень напоминает высказывания представителей экзистенциализма: «я считаю, что избавляться от предчувствия смерти, даже от страха смерти – ошибка. Разве смерть – не та граница, в которой мы нуждаемся? Разве не придает она жизни драгоценную размеренность, некую определенность? Спросите себя, был бы хоть один ваш поступок в этой жизни исполнен красоты и смысла, не знай вы о существовании последней черты, границы, предела» [1, 119]. Винни воспринимает смерть как благо, как часть жизни, которая вносит в нее смысл, ценность.

На последних страницах романа Марри снова выступает в роли Гуру. Джек задает ему вопросы, и он отвечает. Марри растолковывает Джеку, почему его так тянет к Гитлеру: «Беспомощных и напуганных людей тянет к магическим, мифическим фигурам, к героям эпического масштаба, которые устрашают, представляют собой мрачную угрозу.<...> Некоторые люди кажутся исполинами, способными изменить жизнь. Гитлер представляется исполином, способным победить смерть. Вы думали, он защитит вас. Я это прекрасно понимаю. <...> Вы искали помощи и спасения. Безмерный ужас отвлекал бы вас от мыслей о собственной смерти. «Скрой меня от посторонних глаз, – говорили вы. – Поглоти мой страх». На одном уровне вы хотели спрятаться в Гитлере и его злодеяниях. На другом – воспользоваться им, чтобы стать более значительным и сильным» [1, 150]. Таким образом, Джек прячется за Гитлера, ищет в нем своеобразной защиты.

Еще один способ пережить смерть, по мнению «искусителя» Марри – насилие. Транслируя насилие, убивая другого, считает Марри, человек впитывает в себя его жизненную силу и перестает бояться смерти: «...представьте себе, каково это – быть убийцей. Вообразите, как возбуждает – теоретически – убийство человека, с которым вы столкнулись лицом к лицу. Если он умрет, вы будете жить» [1, 152]. И далее он продолжает свою мысль: «Чем больше народу вы убиваете, тем большую власть над собственной смертью получаете» [1, 152]. Эти слова Марри вдохновляют Джека на убийство Гарри. По счастливой случайности убийство не удалось, но Джек был полон решимости отомстить своему обидчику.

Таким образом, по мнению Д. Делилло, мир охвачен страхом перед смертью.

Современный человек со всех сторон окружен враждебным миром, который всячески старается его убить. Технический прогресс превращает Землю в сплошную техногенную катастрофу. Человек не может противостоять этому страху и не может избавиться от него. Единственный способ выйти из-под его влияния – наблюдать за маленьким ребенком, лишенным этого экзистенциального страха. Современный человек задает массу вопросов, касающихся различных метафизических величин, но никто не в состоянии ответить на них, поскольку институт церкви практически разрушен. Вера в современном обществе, считает Делилло, практически изжила себя, она не может существовать в столь прагматичном мире, из которого изгнано мистическое начало, в котором все так полагаются на критерий практической пользы, в котором все строго регламентировано. Веры нет – нет бессмертия – нет победы над страхом смерти. Автор последовательно показывает, как из личного события, смерть превратилась в событие общественное, но это никоим образом не способствует самопознанию человека (как это было во времена экзистенциализма), скорее наоборот. Масштабность делает смерть пугалом, которого боятся панически. Страх буквально парализует волю современного человека, лишает его способностей к жизни и творчеству, ограничивает его личную свободу. Единственное, что остается человеку, по мнению автора – замкнуться в рамках своей семьи (близких любимых людей) и тихо угасать. Таков приговор Делилло.

Библиографический список

1. Делилло Д. Белый шум. http://royallib.com/book/DeLillo_Don/beliy_shum.html
2. Камю А. Чума. СПб.: Азбука, 2000.
3. Татарина Л. Н. Дон Делилло // Современная зарубежная проза: учебное пособие /под ред. А. В. Татарина. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.

УДК: 81-39

Даниленко И.А. Понятие любви как сенсемный компонент в концептосфере романа Ф. С. Фитцджеральда “The Great Gatsby”

The notion of love as sense component within the conceptosphere of F. S. Fitzgerald’s “The Great Gatsby”

Даниленко Илья Александрович

Белгородский Государственный Национально-исследовательский университет

Danilenko Ilya Alexandrovich

Belgorod State National Research University Belgorod

mladshiisergant@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматриваются маркеры невербального кода коммуникации на примере романа “The Great Gatsby” Френсиса Скотта Фитцджеральда. Выявляется специфика сенсем. Цель исследования: обосновать возможность рассмотрения единиц невербального кода коммуникации описывающих состояние любви как сенсемные номинанты. Метод работы: когнитивно-герменевтический анализ. Обосновывается возможность классифицировать сенсемные номинанты посредством когнитивно-

герменевтического анализа как компоненты невербального кода, описывающие любовь.

Abstract: The article describes the markers of non-verbal communication code within the the novel "The Great Gatsby" by F. S. Fitzgerald. Sensemas are looked at more closely. The specific of sensemas as a whole is revealed. The goal of the research: to state the possibility to consider the units of non-verbal communication code describing love as sensemas. Methods: cognitive-hermeneutic analysis. Several examples illustrating the classification from the novel are given. The possibility to classify sensem nominants through cognitive-hermeneutic analysis as the components of non-verbal code which describe love is stated. The examples to illustrate the new theory are picked up.

Ключевые слова: текст, концепт в художественном тексте, компонент невербального кода коммуникации, сенсема, проксема, такема.

Keywords: a text, concept of a text, a component of non-verbal communication code, sensema, proksema, takema.

Verbal communication is constantly accompanied by the non-verbal means of communication such as gestures, posture, facial expressions. The desire of a man to express in a short phrase possibly deeper meaning as a consequence leads to wider use of non-verbal means of communication. Language system together with non-verbal means of communication are used in a complex task to transfer the knowledge "due to the fact that non-verbal communication complements verbal one in accordance with the cultural rules of society" [5, c. 125].

In writing to describe non-verbal means of communication representants of nonverbal communication code are used. "Non-verbal sources of information are verbalized in an art text by such linguistic markers as kinemas, takemas, proksemas, sensemas, chronemas etc., which makes the plot more realistic" [7, c. 140]. However together with the above-mentioned non-verbal sources exists: vokalika - acoustic features of voice expressing the attitude of the speaker to the things happening; olfaktika - smells as informative communication components; aesthetics - music, color; artifacts - clothes, jewelry, cosmetics.

Let us have a more detailed look at sensemas. According to the classification provided by A.P. Sadokhin sensemas - are units of non-verbal communication code that describe a set of sensory perceptions based on the information from the sensors [7, c. 159].

In our opinion "the researches being conducted and based on the use of cognitive hermeneutic analysis of the material reveal the specifics of the cornerstones and other components of linguocultural knowledge of model of the nucleus periphery creating the preconditions for using of the following interpretative algorithms. The ongoing research based on the application of cognitive hermeneutic analysis of the material reveals the specifics of the cornerstones and other components of the linguistic cultural knowledge nuclear periphery model, creating the preconditions for the application of the following interpretive algorithms» [2, c. 1105].

Let us take a few examples from the novel by an American writer F. S. Fitzgerald «The Great Gatsby»:

«*Simultaneously I heard his voice, gruff, muffled, husky, at the hall telephone*» [3]. This example is a sensor component of nonverbal communication code because describes Tom's voice heard by Nick. In addition the description of voice is given:

«gruff, muffled, husky». It immediately gives additional information about the mood and intentions of the speaker. Here organs of hearing are involved.

In another example: «*Mr. Gatsby!*» *He put out his broad, flat hand with well-concealed dislike*» [3] one is talking about facial expression and behavior of Tom as a whole. In this example sense is implicit because Nick's impression is described. The author describes exactly what Nick saw using the ability of vision which gave him additional information about the intentions of Tom and in this case even hidden ones. Thus the unit code of nonverbal communication being examined is a sense one.

The example: «*Gatsby and I in turn leaned down and took the small, reluctant hand*» [3] describes the tactile contact between the characters. They got additional information at the touch of the girls hands: «reluctant hand» which the child did not express in a verbal way. The child was embarrassed by the sudden attention and did not feel quite comfortable having a desire rather to leave the company of unfamiliar adults but was forced to behave according to his mother's wishes. The above mentioned component is also a sense component of a non-verbal communication code.

However in our opinion interesting a very interesting is the following example: «*so engrossed in each other*» [3]. Having made cognitive hermeneutic analysis the essence of the described element can be revealed. Being absorbed in the other person means to direct one's attention entirely to the person: to look only at him and thus take visually only the information that comes from this person, to listen and to perceive the information only from this person. Implicitly the person can be touched. At the same time that means not to see or hear anything else that is around. The considered example describes the information being received by several senses and it should be treated as a sense nominate.

Example «*I loved her*» [3] is the most interesting to be considered. According to the S. I. Ozhegov's dictionary love is a deep emotional attraction, a strong heart sense [6].

V. I. Dal's dictionary gives the following definition of love: *lyublivat* whom, what, to feel love, a strong attachment to someone, from sympathy to passion [1]. The dictionary by T. A. Efremova one can find the following definition of this phenomena:

1. The feeling of deep affection, devotion to smb. or smth. based on common interests, ideals, readiness to give ones powers for the common case or rescue, preservation of smb., smth.

2. There is such a feeling based on an instinct.

3. There is a feeling based on mutual affection and sexual attraction.

4. The relations between two persons mutually bound by such feeling [4].

Despite all the diversity and differences in the definitions one can find common elements. All the authors are agree that love is a feeling. According to S. G. Vorkachev "the object of love in the eyes of the subject has a positive value. That means he promotes rather than prevents the satisfaction of his specific needs " [8, c. 32].

However, in our view none of the sensors reflects so-called "feeling" of love.

That means that the feeling of love does not correspond any position in classification. On the other hand we cannot deny the fact that description of love is a non-verbal mean of communication due to its meaning. When a person loves somebody, first of all he likes to see the object of his feeling, he likes the appearance of the person. In response he tries to look that way to be pleasant to the partner and to reveal his intentions not by the words only. It is nice to communicate with the object of love and hence to listen to him or her. The person also uses his voice to express the attitude selecting for example softer tone and intonation. People in love like to touch each other and their touches have certain specifics: with the help of tactile contact people who are in love show their attitude to each other. At the initial stage of love it is a set of sensor perceptions that bring satisfaction. Further on this feeling turns to be a deeper one being, nevertheless, all the same set of senses: visual, auditory, tactile, olfactory. The beloved couple continues to express their feelings in addition to verbal means by the same set of senses. However, "unlike nearest "teleonomia neighbor " – happiness-bliss, love cannot be described in terms of essential characters sending us to the specific causes of this feeling" [8, c. 30]. Based on the above mentioned we consider this notion as senseless nominee of non-verbal code of communication.

Let us take one more example: "*she was in love with me too*" [3]. Gatsby tells Tom his story with Daisy and says that the feeling was mutual; he gives his own conclusion here. While communicating with Daisy Gatsby looked at her, talked and listened to her, hugged and she in turn allowed him to hug her including the tactile component in to communication. Judging by overall impression Jay came to the conclusion that Daisy was in love with him. He did this conclusion basing on the information got by the means of non-verbal communication. Therefore we conclude that this component of non-verbal code is a senseless one.

To compare with we shall take one more example: "*She had told him that she loved him, and Tom Buchanan saw*". During the dinner where Tom, Daisy and Jay were also present Daisy looked at Jay without any attempt to hide her attitude in Tom's presence. She had showed with her glance her attitude and everyone noticed that even her husband. Formally the sense of vision is the only mentioned here: she looked, he saw. But further on this glance provokes a new feeling – the feeling of love. To make such "chain" possible the heroes must be in love. By all means this only look could not awake such a feeling. But the couple was already in love before. That implies a great number of glances, plenty of touches and words heard. All that shaped the feeling of love same time ago. In this particular situation Daisy's glance only "reminded" about that.

Basing on the above mentioned we conclude that the markers of non-verbal code of communication that describe the state of love in the novel by F. S. Fitzgerald "The Great Gatsby" should be treated as senseless nominees which represent the information got from all the senses: organs of vision and hearing, providing additional information about the mood and intentions of the speaker about the desire to communicate or not about the things the talker hides or on the contrary tries to emphasize. Simply what was not directly expressed by the participants of the conversation.

References

1. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorussskogo yazika. V 4 tomah. Tom 2. Spb. - M.: Tip. V.O. Vol'fa, 1882. 814s.
2. Danilenko I.A. Interpretative Model of Linguacultural Knowledge / Elena A. Ogneva, Iliia A. Danilenko, Yana I. Kireeva and Alina A. Kutsenko // The Social Sciences, 2015. 10: 1101-1106.
3. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby [электронный ресурс]. режим доступа: <http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200041.txt> (дата обращения 07.01.2016)
4. Efremova T. F. Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. V 3 tomah. Tom 1. M.: AST, 2006. 1168s.
5. Koneckaia V.P. Sociologiya kommunikacii: uchebnik. – M. Mezhdunarodnyi universitet bisnesa i upravleniia, 1997. – 304s.
6. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M.: Oniks, 2012. 1376s.
7. Sadochin A.P. Teoria i praktika mezhkulturnoi kommunikacii: Uchebnoe posobie dlya vuzov. – M.: Uniti-Diana, 2004. – 271s.
8. Vorkachev S.G. Lubov' kak lingvokulturnyi concept. – M.:Gnosis, 2007. – 189s.

УДК 140.8:82.09

Петренко Н.А., Плетнева С.В. Отражение философии дзен-буддизма в цикле Дж. Д. Сэлинджера «Девять рассказов»

Reflection of zen buddhism philosophy in the cycle by J.D. Salinger «Nine stories»

Петренко Наталья Анатольевна

Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Евпатория
nata.petrenko@meta.ua

Petrenko Natalya Anatolyevna

Evpatoria Institute of Social Sciences
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Плетнева Светлана Викторовна

Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Евпатория

Pletnyova Svetlana Victorovna

Evpatoria Institute of Social Sciences
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние философии дзен-буддизма на творчество Дж. Д. Сэлинджера, его мировоззрение. Изучены причины обращения писателя к поэтике санскрита. Проанализирован цикл автора «Девять рассказов», в котором наиболее

заметно влияние философии дзен на философские воззрения Дж. Д. Сэлинджера. Отмечено, что в сборнике нашла отражение символическая нумерология религиозно-философских учений Древнего Востока.

Ключевые слова: дзен-буддизм, санскрит, поэтика, реализм, рассказ.

Abstract. This article examines the influence of Zen Buddhism philosophy on J.D. Salinger outlook and his creativity. It studied the reasons of author`s reference to Sanscrit poetics. In this article is analyzed the cycle «Nine stories», where we are able to notice the most significant traits of Zen philosophy. A special attention concentrated on functions of religious-philosophical symbolic numerology in doctrines of the Ancient East reflected in the stories.

Keywords: Zen Buddhism, Sanscrit, poetics, realism, story.

Джером Сэлинджер является ключевой фигурой американской литературы XX в. Несмотря на то, что его творческое наследие состоит в основном из эпических произведений малых жанров, зарубежным учёным удалось выявить феномен «сэлинджерианы» (J. Blotner, F. Gwynn, W. French). Детальным изучением творчества писателя также занимались и отечественные исследователи (И. Л. Галинская, Н. Л. Иткина, Ю. А. Лидский). Особое внимание литературоведы уделяли единственному роману Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Следует отметить, что цикл писателя «Девять рассказов» до сих пор остаётся недостаточно изученным. Для нас этот сборник представляет особый интерес с позиции изучения философии дзен-буддизма в творческом наследии автора. Поэтому тема нашего исследования является актуальной.

Цель статьи – рассмотреть особенности философии дзен-буддизма в цикле «Девять рассказов» Дж. Д. Сэлинджера.

В 1958 г. американские исследователи Ф. Гвинн и Дж. Блотнер в своей монографии «Проза Дж. Д. Сэлинджера» [8] обращаются к детальному анализу опубликованных произведений писателя и хронологически делят его творчество на три периода. В работе другого исследователя У. Френча «Дж. Д. Сэлинджер» [7], творчество американского писателя рассматривается как продукт различных литературных влияний. Учёный выделяет мифологические модели в произведениях автора [2].

Особое внимание философии дзен-буддизма в творчестве Дж. Д. Сэлинджера уделяет советская исследовательница И. Л. Галинская. В своей книге «Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера» [2] она верно замечает, что реалистичность и достоверность – это всего лишь одна сторона творчества писателя, которое невозможно изучать, не окунувшись в его мистико-философский подтекст.

Творчество Дж. Д. Сэлинджера приходится на период рассвета научного коммунизма. В это время он увлекается новыми идеалистическими концепциями разных древнеиндийских философских школ. Писатель заведомо обращается к этим направлениям в надежде отыскать положительные идеалы, тот нравственный путь, откуда можно позаимствовать душевные силы. Однако заметим, что философия дзен-буддизма не так проста, какой может показаться на первый взгляд. Согласно дзен, истину невозможно передать словами, её можно постичь только при помощи интуиции, в процессе просветления,

которое называется сатори. Для пробуждения интуиции ученика в дзэн-буддизме существует система вопросов – коан, которые представляют собой философскую загадку учителя ученику. Коан состоит из одного вопроса, в котором уже заключен ответ, но ответ не логический, а парадоксальный.

Увлечение Дж. Д. Сэлинджера восточной философией больше всего нашло отражение в его цикле «Девять рассказов», который был опубликован в 1953 году. В этом цикле органично переплетаются реалистические и философские черты, наполненные тайным смыслом. Используя их, автор не ставит перед собой цели обратиться лишь к избранным знатокам восточных таинств. Писатель считает, что, обращаясь к особым категориям и литературной технике санскритской поэтики, он вносит в свои новеллы гуманистическое, общечеловеческое содержание. Уже в эпиграфе автор обращает внимание читателя на то, что суть не лежит на поверхности. Дж. Д. Сэлинджер использует для этого слова японского поэта Хакуина Осё (1685–1768), известного в литературе под названием «Одна рука»: «Хлопок двух ладоней издает звук, а что такое хлопок одной ладони?» [4, с. 453].

Проявление мистического эффекта в цикле «Девять рассказов» видно уже в названии, которое, на первый взгляд, кажется простым и ясным. В названии содержится три элемента смысла: во-первых, буквальный смысл – книга состоит из девяти рассказов. Во-вторых, древнеиндийская поэтика гласит о девяти «поэтических настроениях» (раса), использованных при построении рассказов. Также название цикла отсылает читателя к философской позиции автора, поскольку оно вызывает ассоциацию с древнеиндийской метафорой «девятывратный град» или «девятывратное жилище», обозначающей человеческое тело.

Исчерпывающее знание Дж. Д. Сэлинджером древнеиндийской поэтики даёт нам возможность предположить, что сборник «Девять рассказов» он создавал постепенно и рассудительно, зная, что рассказы станут частью цикла. Теория раса требует от творца обращения к чувствам, согласно их иерархии, в которой главное место занимает любовь. По мнению отечественного исследователя Ф. И. Щербатского [6], древнеиндийская поэтика требовала, чтобы скрытый смысл присутствовал в произведении подобно тому, как после удара колокола слышится гудение. Читатель благодаря целому ряду ассоциаций вникает в этот смысл медленно, постепенно.

Каждый рассказ в цикле Дж. Д. Сэлинджера имеет своё особенное «главное чувство». Например, в первом произведении «Хорошо ловится рыба-бананка» основным чувством является любовь, которая постепенно внушается читателю с помощью разнообразных изобразительных средств индийской поэтики. Так, в тексте писатель постоянно упоминает эпитет «синий» (например, синее пальтишко Мюриель [5, с. 446], ярко-синие плавки Симора [5, с. 450], желтый купальник Сибиллы, который кажется Симору синим [5, с. 449]). В соответствии с древнеиндийской символикой, эпитет «синий» вызывает у читателя ассоциацию со священным синим лотосом. В индийской мифологии он является одним из атрибутов бога любви Камы. В рассказе неоднократно упоминается бледность [5, с. 445, с. 447] героя Симора, что

является основным признаком одержимости любовью. Это также соотносится с одним из главных образов древнеиндийского эпоса.

В образе «рыбки-бананки» содержится аллегория, описывающая слабовольного человека, который живёт в бессмысленном океане страстей. Рыбка поглощает огромное количество бананов и гибнет, а безвольного человека одолевает жажда жизни, стремление к плотским удовольствиям и радостям, что также приводит его к гибели. Но для писателя трагична не смерть, а новая жизнь, которая порождает бесконечное количество желаний.

Вторым в иерархии чувств и эмоций в древнеиндийской поэтике является смех, которому посвящён рассказ цикла «Дядюшка Виггили в Коннектикуте» или «Лапа-растяпа». «Главное чувство» способствует выявлению характерных черт персонажей рассказа. Смех главных героинь видоизменяется на протяжении всего повествования: сначала героини смеются вполне естественно, затем веселье становится истерическим и переходит в столь же истерическое пьяное рыдание. Изначально доброжелательное настроение рассказа сменяется иронически-саркастичным. Напряжённое эмоциональное состояние героини передано с помощью резких движений, жестов, порывов. Здесь автор использует экспрессивно окрашенные глаголы: «Элоиза подошла к выключателю, потушила свет. В дверях она остановилась и долго-долго не уходила. И вдруг метнулась в темноте к ночному столику, ударила коленкой о ножку кровати, но сгоряча даже не почувствовала боли. Схватив обеими руками Рамонины очки, она прижала их к щеке. Слезы ручьём покатались на стекла... Потом положила очки на столик, стеклами вниз. Наклоняясь, она чуть не потеряла равновесия, но тут же стала подтыкать одеяло на кровати Рамоны. Рамона не спала. Она плакала, и, видимо, плакала уже давно. Мокрыми губами Элоиза поцеловала её в губы, убрала ей волосы со лба и вышла из комнаты [5, с. 468]. В соответствии с задумкой писателя, настроение меняется постепенно.

Третий рассказ цикла Сэлинджера провозглашает идею сострадания. Скрытый намек на то, что именно это чувство играет главенствующую роль новеллы «Перед самой войной с эскимосами» содержится в имени одной из героинь, Селены, которое напоминает читателю о луне. В поэме Тулси Даса «Рамаяна», оказавшей влияние на творчество Сэлинджера, свет луны отождествляет сострадание и милосердие [3]. В рассказе автор умышленно лишил девочку чувства сострадания. Таким образом, её имя является своеобразным образом-индикатором, который помогает читателям, знакомым с поэтикой санскрита, понять скрытый смысл произведения.

«Главное чувство» в следующем рассказе писателя «Человек, который смеялся» – ужас. Он вызывает у читателя настроение возмущения. В соответствии с канонами древнеиндийской поэтики, такое настроение порождает критическое отношение к изображаемому, т.к. ключевым требованием поэтики дзен является реалистическое отражение жизни. В рассказе «Человек, который смеялся» писатель порицает неравноправие людей в том обществе, где имущественный вопрос оказывается основным регулятором их взаимоотношений.

«Главное чувство» рассказа «В ялике» – мужество. Оно вызывает у

читателя соответствующее настроение, которое называют героикой. Героическое поведение двухлетнего мальчика, протестующего против окружающей несправедливости, на самом деле, можно считать мужественным. «Нашли его уже ночью, в четверть двенадцатого, а дело было... в середине февраля... Он сидел на эстраде, где днём играет оркестр, и катал камешек взад-вперед по щели в полу. Замерз до полусмерти, и вид у него был уж до того жалкий» [5, с. 158], – пишет Сэлинджер. Исследуя особенности влияния древнеиндийской поэтики на этот рассказ, литературовед Ф. И. Щербатский утверждает, что героическое настроение читатель ощущает «непосредственно, одновременно с буквальным смыслом» [6, с. 276], которое подчёркивает критическую линию художественного текста писателя.

В шестом рассказе цикла «Девять рассказов» «главное чувство», пронизывающее произведение – страх. В традиционной индийской философии принято считать, что страх является не только следствием желаний, но и результатом заблуждений, свойственных человеческой жизни. Согласно этой теории, мир не просто существует, но и движется к гибели. Эта идея легла в основу рассказа «Посвящается Эсме». Страх, в роли «главного чувства», внушает читателю ощущение тревоги, которой поддается герой. Данное эстетическое настроение раскрывается в ходе событий: в начале рассказа повествование ведется от первого лица и чувство тревоги возникает во время описания жизни американских солдат, которые готовились к высадке в Европе во времена Второй Мировой войны. Паническое чувство нарастает после извещения о скором открытии второго фронта, но тревожное настроение смягчается описанием репетиции в церкви детского хора. Вскоре эмоциональное напряжение снова увеличивается и достигает кульминации, когда главная героиня говорит сержанту прощальные слова: «Надеюсь, вы вернетесь с войны невредимым и сохраните способность функционировать нормально» [5, с. 201].

Рассказ писателя «И эти губы, и глаза зелёные» внушает читателю глубокое эмоциональное настроение, которое в индийской поэтике называется «расой отвращения» [4]. В процессе развития сюжета психологическое состояние отвращения усиливается по мере того, как возрастает драматизм изображённой ситуации. По мнению древнеиндийских теоретиков, поэтическое настроение художественного текста активно воздействует на читателя в том случае, когда поэтический язык украшают особые «достоинства» (гуна) [4]. Одним из важных достоинств считалось умение выстроить яркую звуковую форму поэтического произведения, чем в совершенстве владел Дж. Д. Сэлинджер.

В соответствии с задумкой писателя, «главным чувством» рассказа «Голубой период де Домье-Смита» является откровение. Автор описывает его, опираясь на идеи дзен о просветлении. Согласно философии дзен, просветление доступно каждому человеку. Оно означает «...новый взгляд на жизнь, на своё место в ней, новое отношение к действительности» [1, с. 60]. По мнению учителей дзен, достигнув просветления, человек меняется до неузнаваемости: жизненные невзгоды больше не кажутся ему неразрешимыми. Импульсом к

переменам «... может послужить любое сильное переживание, потрясение, сильное впечатление» [1, с. 61]. Другими путём к просветлению является упорный труд: «Если человек стремится довести своё дело, какой бы характер оно ни носило, до художественного совершенства, он может достигнуть озарения» [1, с. 62].

Именно этот путь приготовил для героя своего рассказа Дж. Д. Сэлинджер. Домье-Смит выполняет свой учительский долг добросовестно. Он не виновен в том, что его светлые порывы не находят отклик в сердцах людей. Когда герой достигает просветления, он начинает воспринимать жизнь по-новому и больше не требует от людей того, на что они не способны.

Заключительный рассказ цикла носит название «Тедди». «Главное чувство», освещаемое автором в этом произведении – спокойствие, которое сосредоточено в описании отречения героя от мира, равнодушия к мирским требованиям и заботам. Эта тема находит отражение в композиции рассказа: изначально мальчик безразлично реагирует на выходки своего отца и даже, предчувствуя неминуемую гибель, он ведёт себя абсолютно спокойно. Тонкое сочетание спокойствия, уравновешенности, полного отречения от мира создают эстетическое настроение спокойствия. В то же время автор стремится красочно описать жизнь, кипящую вокруг, т.к. санскритская поэтика выдвигала требование к реалистическому воспроизведению действительности и это требование сочеталось с теорией поэтических настроений [4].

Рассказ «Тедди» не случайно последний по порядку в цикле «Девять рассказов». Вместе с рассказом «Хорошо ловится рыбка-бананка» он обрамляет его. Главные герои этих двух произведений для Сэлинджера – положительные персонажи, которые противопоставляются отрицательным. Им свойственно чувство одиночества, характерное для образа американца 20-30 годов XX в., черты которого перенимает Сэлинджер у предшественников. Для писателя спасение души – это приобщение к сокровищнице знаний и духовным идеалам, созданных человечеством на протяжении веков. Их удачным воплощением для американского автора стала философия дзен.

Таким образом, в цикле «Девять рассказов» читатель находит прямые ссылки к поэтике санскрита. Дж. Д. Сэлинджер не предлагает читателю избавление от всех проблем путём отречения от мирских забот. Он усматривает пути спасения человечества в стремлении к совершенству людской сущности. И это совершенство можно достичь с помощью постижения знаний, сохранившихся в веках.

Философия дзен, которая берёт свои истоки на Востоке ещё в средние века, оказала колоссальное влияние на творчество Дж. Д. Сэлинджера. Не каждому человеку дано постичь тонкости восточной души, но американский писатель смог это сделать, т.к. философия стала для него опорой в мире искажённых ценностей. Именно противоречивость мировоззрения Сэлинджера, сочетание в нём душевного и материального обуславливает своеобразие его творчества.

Библиографический список

1. Арутюнов, С. А. Старые и новые боги Японии / С. А. Арутюнов, Г. Е. Светлов. – М.: Наука, 1968. – 200 с.
2. Галинская, И. Л. Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера / И. Л. Галинская. – М.: Наука, 1975. – 218 с.
3. Дас Тулси. Рамаяна / Тулси Дас. – М.: АН СССР, ин-т Востоковедения, изд-во АН СССР, 1948. – 40 с.
4. Завадская, Е. В. Что Сэлинджер ищет в «дзэн»? : [сб. статей] / Е. В. Завадская. – М.: Наука, 1967. – 456 с.
5. Сэлинджер, Дж.Д. Над пропастью во ржи; Повести; Девять рассказов. / Дж. Д. Сэлинджер. – М.: Художественная литература, 1983. – 592 с.
6. Щербатский, Ф. И. Теория поэзии в Индии: Избранные труды русских филологов-индологов / Ф. И. Щербатской. – М.: Наука, 1962. – 291 с.
7. French, W. J. D. Salinger / W. French. – N. Y., 1963. – 296 p.
8. Gwynn, F. The Fiction of J. D. Salinger / F. Gwynn, J. Blotner. – University of Pittsburgh Press, 1958. – 271 p.

УДК 821.112.2

Саракаева А.А., Саракаева Э.А., Лебедева И.В. Хаген из Тронье: происхождение легенды

Hagen von Tronege: the origin of the legend

Саракаева Ася Алиевна,

кандидат исторических наук

Тайаньский медицинский институт, г. Тайань, Китай

Sarakaeva Asia PhD (History),

Associate Professor Taian Medical College, China

Саракаева Элина Алиевна,

кандидат филологических наук

Хайнаньский государственный университет, г. Хайкоу, Китай

Sarakaeva Elina,

PhD (Philology), Associate Professor

Hainan State University, China

Лебедева Ирэна Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент

Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань, Россия

Lebedeva Irena,

PhD (Sociology),

Caspian Institute of Sea & River Transport, Astrakhan, Russia

Аннотация: Авторы статьи ставят вопрос о происхождении образа Хагена Тронье, одного из главных героев средневековой германской эпической поэмы «Песнь о нибелунгах» и широкого корпуса примыкающих к ней текстов. В статье рассматриваются проблемы этимологизации имени персонажа, историография вопроса в нибелунговедении, поиски исторического прототипа Хагена. Контент-анализ исторических и литературных источников

позволяет авторам выдвинуть собственную гипотезу об историческом прототипе героя и этапах формирования легенды о гибели бургундов (нибелунгов).

Abstract: The authors of the article raise a question of the origin of the image of Hagen von Tronege, one of the main characters of the medieval German epic "The Nibelungenlied" and the wide scope of adjoining texts. The article discusses the etymology of the character's name, the historiography of this problem in the Nibelungen studies, the search of the historical prototype of Hagen. Content-analysis of historical and literature sources allows the authors to make our own hypothesis of the hero's historical prototype and the stages of formation of the legend about the Fall of the Burgundians (nibelungs).

Ключевые слова: «Песнь о нибелунгах», Хаген Тронье, бургунды, гунны, аланы, легенда о гибели бургундов, этимология имени Хагена, исторический прототип.

Keywords: "The Nibelungenlied", Hagen von Tronege, the Burgundians, the Huns, the Alans, the legend about the Fall of the Burgundians, etymology of Hagen's name, historical prototype.

Одним из самых интересных образов средневековой германской героической поэмы «Песнь о нибелунгах», написанной ориентировочно в начале XIII века, является Хаген из Тронье – вернее, его имя следовало бы передавать как «из Тронеге», поскольку из трех основных рукописей поэмы - А, В и С - две последние предлагают именно этот вариант - Hagen von Tronege, при том что именно рукопись В сохранила самый близкий к оригиналу текст [13]. Из двух основных структурных частей «Песни о нибелунгах» по меньшей мере одна – а именно вторая часть, условно называемая сказанием о гибели бургундов, очевидным образом отсылает читателя к реальному историческому факту. В ней в поэтически преувеличенном виде описано уничтожение гуннами первого Бургундского королевства в 436г. и гибель бургундского короля Гундахари. В Гунтере из «Песни о нибелунгах» с легкостью прочитывается Гундахари, в гуннском владыке Этцеле – «Бич Божий» Аттила. Эта историчность второй части великой поэмы всегда побуждала исследователей «Песни» искать исторических прототипов и для всех остальных персонажей. В некоторых случаях такие поиски давали валидные результаты. Например, прототипом Зигфрида допустимо считать целую группу франкских королей, в первую очередь, прославленного завоевателя Хлодвига [7]; ссора Кримхильды и Брюнхильды вполне могла быть литературным отражением многолетней жестокой вражды двух франкских королей, одну из которых как раз звали Брюнхильдой [7], [8, с. 265].

Но вот фигура антигероя поэмы, Хагена из Тронье, не поддается столь очевидной исторической интерпретации, несмотря на множество усилий ученых-нибелунговедов в этом направлении. Нельзя сказать, что исследователи поэмы не выдвигали на этот счет никаких правдоподобных версий. Но у всех этих версий есть один общий недостаток: найдя в хрониках какое-нибудь имя, похожее на «Хаген», или топоним, близкий по звучанию к «Тронье» или «Тронеге», авторы, как правило, на этом и останавливаются, не желая или не считая нужным выявить ту логику, которая могла бы превратить названного исторического деятеля в легендарного Хагена – верного вассала, могучего бойца и хладнокровного убийцу.

Так, лингвистический подход ограничивается попыткой восстановить

этимологию имени Хаген и его прозвища. Имя Хаген, начиная ориентировочно с VII века н.э. встречается в германских землях в разных вариантах: Хаген, Хагене, Хагано в верхненемецком варианте, Хагуна, Хагена в древнеанглийском, Хёгни на западе Скандинавии, Хагни, Хёгни, Хаке(о)н в древнедатском языке, Хагне, Хёгне в древнешведском. В качестве основы элемент Хаган входит в составные имена вроде Хаганоальд (VII в.), Хаганульф (VII в.), Хаганрих (VIII в.), Хагенвальд (XVII в.). Этимологи пытались – без особенной, правда, уверенности – возвести это имя к древниндоевропейскому корню *-hag* (забор, ограждение) или к древнескандинавскому *hagr* (преимущество) [11, с. 577-579], но никакие аргументы, кроме некоторого фонетического созвучия, не подтверждают эти версии.

Марион Зоненфельд, чья докторская диссертация и ряд публикаций посвящены образу Хагена Тронье, пытается разгадать загадку имени персонажа, отталкиваясь от древнегерманского слова *hag* в значении «забор», «живая изгородь». Однако, с точки зрения исследовательницы, это имя указывает не на роль защитника, живой ограды от врагов, а связано с наделением младших сыновей из знатных домов участками собственной земли, огороженными забором [20]. Таких людей называли *hogstaldr*, в других текстах *hagustalt*, *hagustdar* и в их обязанности входило служить старшему брату как своему сюзеру. В связи с этим Зоненфельд указывает на те версии легенды о Хагене, где он брат (родной, единокровный или единоутробный) бургундских королей и предполагает что Хаген это не личное имя, а скорее название социального статуса – что-то вроде «держатель лена королевской крови». Проблема в том, что между словами типа *hogstaldr*, *hagustalt*, *hagustdar* и именем Хаген не просматривается этимологической близости, а попытка исследовательницы проинтерпретировать это имя как «основа -Hag плюс суффикс актора -en» не опирается на грамматику древнегерманских языков.

Этимология слова Тронье (Тронеге) тоже до сих пор не выявлена. Тронье – это место, откуда Хаген родом, или возможно, его личное феодальное владение – брат Хагена Данкварт ни разу не назван в поэме «Данквартом из Тронье». Ситуацию усложняет разночтение между несколькими манускриптами поэмы: как уже упоминалось выше, две основных рукописи, манускрипт В хранящийся в Сант-Галле и манускрипт С называют персонажа Hagen(e) von Tronege, где финальная гласная «e» указывает на дательный падеж, а именительный, учитывая озвончение согласных в интервокальной позиции, должно восстанавливаться как *Troneck*, хотя в такой форме это слово ни разу не упоминается в тексте. Манускрипт А и его сателлиты предлагают форму *Tronie*, *Troni* или *Trony*, что в переводческой традиции принято передавать на современный немецкий язык как *Tronje* (Тронье).

Но что же это за место? В качестве возможных вариантов предлагалась Троя: якобы франки претендовали, что их предки ведут происхождение от троянцев, что не объясняет, почему в поэме бургунд Хаген должен быть связан с мифическими франкскими предками – или, раз уж бургунды вели происхождение от одного из франкских племен, почему именно Хаген оказывается троянцем? Другие варианты – слово «Тронье» указывает на

римскую колонию в германских землях, подле современного города Ксантена, известную под латинским названием Troia Francozum (Colonia Ulpia Traiana) [16, 46], на город Дронген (чьё название записывалось на латинский манер Truncians) в бельгийском Генте, на деревню Дронекен в Германии близ города Вормса, на территории древнего бургундского королевства, на бельгийский город Турне (Doornik), на реку Траве (Treya в старой транскрипции) близ города Гамбурга [6] и пр.

Ли Холландер возводит имя героя к правителю Норвегии Хакону (ум. 995 г.), владельцу Трондхейма, что кажется исследователю похожим на Хаген из Тронье. При том деяния норвежского правителя не имеют никаких аналогов с приключениями героя «Нибелунгов», автор просто лаконично указывает, что норвежские хроники вполне могли быть известны безымянному автору поэмы [15].

Исторический подход заставляет исследователей искать в исторических анналах и хрониках персонажей, чья деятельность хоть как-то напоминала бы роль Хагена в поэме. Так, вслед за автором XIX века Ричардом Хайнцелем [12], Марио Баух утверждает, что прототипом Хагена был ни кто иной, как знаменитый римский военачальник Аэций (который собственно и уничтожил Бургундию и ее короля Гундахари руками гуннских наемников). Доказательств у Бауха нет никаких, он и не утруждает себя доказательствами, приводя лишь аргумент что такой яркий исторический деятель как Аэций просто *не мог* не получить отражение в древнегерманском фольклоре [7]. Если кто-то и подходит на роль Хагена, то кто как не Аэций? Исследователя не смущает, что Хаген в поэме – «надежда нибелунгов», их первый воин и главный защитник:

“Dô reit von Tronege Hagene z’aller vorderôst.

Er was den Nibelungen ein helflîcher trôst [9, с. 165].

(Там ехал Хаген Тронье впереди всех, он был нибелунгам надеждой и опорой)

тогда как исторический Аэций был их самым страшным врагом – зато в юности и Аэций, и Хаген попали в заложники к гуннам, к тому же в их именах автору чудится какое-то сходство: Аэций- германская форма его имени Агиций – Хаген.

Гудмунд Шютте предлагает более интересную версию, возводя образ Хагена к убийце франкского короля Зигберта I, Хильперiku из Турне, брату бургундского короля Гунтрума [19, с. 305]. За убийством стояла та самая воинственная королева Брюнхильда, так что основные участники политической драмы VI века действительно напоминают и даже носят имена литературных персонажей. Впрочем, на этом Шютте не останавливается и тут же в качестве прототипа для Хагена предлагает еще одного франкского принца, Хольдериха, а имя героя вычленяет из литературных и мифических персонажей Холмриги, Хакко, Хагатина и Хагнерикуса – такой калейдоскоп противоречащих друг другу вариантов несколько подрывает доверие к построениям исследователя.

Невозможность сколько-нибудь определенно идентифицировать исторический прототип Хагена подвела ряд исследователей к убеждению, что этот персонаж не историчен по своей природе, что он, в отличие от его

сюзерена Гунтера, - фигура чисто литературного или мифологического происхождения [5].

Итак, среди исследователей поэмы не существует ничего, даже близко похожего на консенсус по вопросу о происхождении образа Хагена. Между тем, этот вопрос нельзя считать маловажным или локальным, поскольку он взаимосвязан с множеством других нибелунговедческих проблем. Сколько легенд легло в основу «Песни о нибелунгах»: две, то есть сказание о Брюнхильде и сказание о гибели бургундов, или больше? Какой вид изначально имели эти легенды? По какой логике они впоследствии соединились в единый цикл, а затем и в единое повествование, другими словами, почему действующие лица одной легенды оказались отождествлены с действующими лицами другой или других? Является ли сюжет «Песни о нибелунгах» историзацией мифа, или мифологизацией истории, или это изначально литературное произведение, выполняющее функции, характерные исключительно для художественной литературы?

Не претендуя на освещение в рамках одной статьи всех выше обозначенных проблем, мы все же попробуем выдвинуть и обосновать собственную гипотезу о прототипе и эволюции образа Хагена из Тронье.

Хаген - без преувеличения, самый интересный герой «Песни о нибелунгах»: его психологическая сложность, объединение в его характере как положительных, так и отрицательных черт создают в поэме напряжение между двумя моральными полюсами и дают читателям простор для личного выбора и интерпретации [18]. Хаген как персонаж – несомненный литературный успех автора поэмы. При этом парадоксально то, что для развития сюжета этот персонаж – откровенно лишний. Он участвует во всех событиях поэмы, и везде без него можно было бы обойтись. Вкратце рассмотрим основные сюжетные элементы «Песни о нибелунгах».

1. Приезд Зигфрида в Вормс, его конфликт с бургундами, завершившийся дружбой и взаимопомощью. Хаген на этом этапе исполняет роль рассказчика, авторского alter ego: его устами читателю пересказываются истории о предшествующих подвигах Зигфрида. Хотя такая осведомленность отлично характеризует самого Хагена, она вовсе не является необходимой для сюжета. Теоретически все участники сцены могли бы знать что-нибудь о Зигфриде, как минимум тот факт, что он могучий воин, и принимать его следует вежливо. В дальнейшую ссору и ее разрешение Хаген не вмешивается.

2. Сватовство к Брюнхильде. Хотя Хаген участвует в этой экспедиции, но и он, и его брат Данкварт исполняют в событиях роль сторонних наблюдателей.

3. Ссора королев и вызванное ею убийство Зигфрида. Здесь Хаген – важнейший и самый деятельный актер. Именно он берет на себя роль защитника Брюнхильды, убеждает ее нерешительного мужа в необходимости мести, планирует и осуществляет убийство. И все-таки даже на этом этапе его участие факультативно. В отличие от Кримхильды (нанесшей оскорбление), Брюнхильды (оскорбленной стороны, взывающей о мести), Гунтера (опозоренного мужа, обязанного смыть бесчестье своими руками, либо руками своих слуг) и Зигфрида (невольного провокатора скандала и жертвы убийства),

роль Хагена можно исключить, и сюжет при этом фактически не изменится. По сути дела, неважно, кто именно из вассалов Гунтера спланировал и совершил нападение на Зигфрида.

4. Изъятие клада нибелунгов у Кримхильды. Здесь, в точности как и в предшествующем эпизоде, Хагену принадлежит активная, но опциональная роль. Это могли сделать анонимные вассалы Гунтера или же он сам, поскольку в любом случае, месть за этот поступок пала на головы Гунтера и всех его вассалов.

5. Брак Кримхильды с Этцелем, ее мстительный замысел, путешествие бургундов на пир в Венгрию. На этом этапе Хаген – голос разума, он провидчески предостерегает своих государей от этих самоубийственных шагов. Но его никто не слушает, и никаких последствий его предостережения не имеют.

6. Истребление бургундов. Здесь Хаген вновь стоит на авансцене событий, к нему приковано все внимание других персонажей и читателей поэмы. Но вновь, как и в эпизоде убийства Зигфрида, его можно было бы пропустить из повествования, и оно от этого потеряло бы лишь в драматическом накале, но никак не в сюжетном отношении. Братья Кримхильды убили ее мужа, она заманила и уничтожила их в качестве возмездия. Общая картина происшествия, ее моральный посыл, ее казуальные связи остались бы в точности такими же, даже если бы Хагена вообще не существовало. Пример подобной редукции дает вариант легенды, зафиксированный на датском острове Хвен [20], где Хаген и Гунтер сливаются в одного персонажа - короля Хагена, который отдает свою сестру Зигфриду в жены и погибает потом жертвой ее мести.

Если мы посмотрим на другие версии этого сюжета, реально существующие или реконструированные учеными, то и там фактическая роль Хагена в событиях стремится к нулю. В «Старшей Эдде» он – мудрый и сдержанный советчик. Он напоминает оскорбленному Гуннару, что Сигурд – его друг и побратим, которого не следует убивать. Когда же Гуннар отвергает этот совет, то Хёгни вынужден последовать за своим братом и конунгом сперва на убийство Сигурда, а потом и на смерть [3, с. 288]. В реконструкции легенды о гибели бургундов, сделанной корифеем нибелунговедения, шведским германистом А.Хойслером, центральной героической фигурой является Гунтер. Именно он решает отправиться на пир к Аттиле, пренебрегая опасностью ради чести. Именно он отвечает гордым отказом на предложение выкупить свою жизнь кладом нибелунгов и гибнет в кровавой сече [14, с. 81-83]. И это логично, ибо принятие решений – естественная прерогатива короля, а месть Кримхильды Аттиле за павшего брата тем значимее, что это месть главной героини за главного героя, а не второстепенного персонажа. В первоначальной версии сказания о Брюнхильде, как мы полагаем, вообще нет Хагена: Брюнхильда убивает Зигфрида сама или руками каких-то незначительных анонимных персонажей.

И все же, вопреки своей функциональной ненужности в сюжете, Хаген там есть. Складывается впечатление, что на всех этапах развития сказаний о

нибелунгах авторы, исполнители, слушатели и читатели песен на эту тему твердо знали, что подле Гунтера непременно должен быть Хаген, и что Хаген – великий герой. И это приводит нас к выводу, что Хаген из Тронье – не просто литературный персонаж, он имеет реального исторического прототипа. Попробуем выделить из текста характерные приметы этого прототипа.

Его первой и, пожалуй, определяющей особенностью, является сложный, разнородный, крайне неопределенный социальный контекст. Хаген включен в разветвленную сеть личных интеракций с большинством персонажей «Песни о нибелунгах», он практически со всеми был ранее знаком – от гуннского короля до его придворных певцов. Однако он для всех остается несколько чужим. Даже его происхождение туманно. Поэма называет его сыном Альдриана, но это имя означает попросту «старый» - т.е. «предок» [14]. Иными словами, Хаген – сын некоего предка, неизвестно чей сын. Еще более проблематизирует биографию Хагена отзыв о нем гуннского короля Этцеля. Как было известно аудитории «Песни о нибелунгах», и как подтверждает сам Этцель, Хаген в юности был заложником при гуннском дворе и отлично служил гуннам, а потом был отпущен на свободу. Но, несмотря на это, увидев его первый раз в поэме, Этцель спрашивает, кто это, и строит догадки относительно его ума, характера и происхождения. Потом король гуннов на протяжении одного эпизода то забывает кто был отцом Хагена, то вновь вспоминает об этом.

Его собственные земляки, бургунды, знают его не больше, а даже меньше, чем Этцель. Характерно, что никто из них ни разу не упоминает имени или деяний его отца, что, само по себе, довольно странно: заложником от Бургундии при гуннском дворе мог стать только сын знатнейшего и влиятельнейшего лица. Таким образом, Хаген для всех действующих лиц – знакомый незнакомец: все его отчасти знают, но никто не знает его вполне. Эту чуждость Хагена по отношению ко всем мы можем объяснить предположением, что он был иностранцем, недавним пришельцем в рейнских землях. Именно поэтому знакомство бургундов с его родом началось непосредственно с него самого и его младших родичей – брата Данкварта и племянника Ортвина, а вот его отец был для бургундов просто «неким предком». Иностранное происхождение героя косвенно подтверждается еще одной деталью: юная дочь бехларенского маркграфа Рюдигера должна была поцеловать Хагена в знак приветствия, однако она была так испугана его внешностью, что долго не решалась и «в лице ... менялась много раз» [2, с. 547]. При этом Хаген вовсе не был отмечен каким-нибудь выдающимся уродством и вел себя учтиво. Так что думается, девушку испугала именно непривычность его облика, а это, в свою очередь, намекает на визуально заметные, возможно расовые отличия. Описание внешности Хагена в поэме не дает основания рассуждать о его этнической принадлежности, но подтверждает, что уродом он не был:

«Хорош собой был витязь - осанист, длинноног,
В плечах косая сажень, да и в груди широк.
Лицом и взглядом грозным внушал он людям страх,
И серебрилась седина уже в его кудрях» [2, с. 555].

Традиционно все иллюстраторы изображают героя черноволосым и черноглазым, так же описывает его и единственный текст, сохранивший подробное описание внешности – «История нифлунгов» из шведской «Хроники Дидрика»: «у Хагена были черные волосы, крупный нос, густые брови и бледная борода. Лицо его также было бледным и мрачным. У него был один черный глаз. Он был высоким и сильным» [17, с. 174]. Если предположить, что это описание фиксирует антропологический тип, а не индивидуальные особенности человека, то черные глаза и волосы, высокий рост, крупный нос, наличие бороды указывают на иранский или кавказский фенотип.

Если Хаген пришел на Рейн совсем недавно, то откуда? По всей видимости, из придунайских земель. Недаром он демонстрирует отличное знакомство с географией Подунавья и всех земель между Дунаем и Рейном. Он прямо заявляет, что лучше всех знает дорогу в «край Этцеля» [2, с. 524], а затем ведет туда бургундский отряд в качестве не только военного лидера, но и проводника, выбирая пути и отыскивая броды. Напротив, единственный раз, когда Хаген оказывается полностью не осведомлен о географии и обычаях чужой земли, когда он никого не знает, и его никто не знает – речь идет об Исландии, т.е. о крайней северной оконечности германской ойкумены [2, с. 396-408]

Другой его социальной характеристикой оказываются достаточно неординарные отношения с бургундскими королями. С одной стороны, как в авторской речи, так и в прямой речи героя он называется их вассалом [2, с. 372, 576, 597]. С другой стороны, поразительна автономность Хагена в принятии решений. Он, практически, вообще не слушается бургундских королей. Он дает им советы, сражается за них на войнах, защищает их честь, но очень мало считается с их волей. Например, в эпизоде изъятия сокровища нибелунгов у Кримхильды короли прямым текстом запрещают Хагену так обходиться с их сестрой, но он поступает прямо наоборот. В единственном случае, когда короли оказываются способны преодолеть сопротивление Хагена и поставить на своем, они добиваются результата не приказами, а насмешками. Геронт и Гизельхер инсинуируют, что Хаген удерживает их от поездки к гуннам из страха за собственную жизнь, и потому он вынужден согласиться на это путешествие из нежелания прослыть трусом [2, с. 524].

Кроме того, упоминаются два эпизода, в которых Хаген не желал вступать в битву на стороне своего государя, оставляя за собой право соблюдать нейтралитет из симпатии к противнику бургундов. Первый такой случай относится ко времени, предшествующему событиям поэмы, когда Гунтер схватился с Вальтером Испанским, другом юности Хагена. Хаген присутствовал при этом, но демонстративно сидел на своем щите, отказываясь примкнуть к той или иной стороне в битве. Второй эпизод разворачивается непосредственно на глазах читателей: растроганный благородством графа Рюдигера, Хаген обещает, что не станет сражаться с ним, даже если Рюдигер перебьет всех бургундов, включая королей [2, с. 608]. Разумеется, в обоих эпизодах, нейтралитет скорее декларируется, чем соблюдается. Против Вальтера Хаген, в конце концов, вышел на бой; а Рюдигер погиб, зарубив лишь

одного из бургундских королей, в противном случае трудно сказать, сдержал бы Хаген свое обещание или нет. Но важно уже и то, что Хаген считает своим правом выбирать, в каких сражениях Гунтера ему участвовать, а от каких воздержаться. И Гунтер, принимающий такую ситуацию без негодования, своим молчанием подтверждает это право. Все сказанное не умаляет верности Хагена, но характеризует ее скорее как братскую любовь или союзническую лояльность, чем как безусловную преданность слуги господину.

Итак, что мы можем сказать о прототипе Хагена на основании этого анализа? Это должен был быть воинственный предводитель негерманского народа, пережившего временную зависимость от гуннов, и затем вынужденного перебраться с Дуная на Рейн, где они вступили в союзнические отношения с первым Бургундским королевством. Под это описание подпадает только одно политическое и этническое объединение – аланы, примерно с 380 г. проживавшие в Паннонии, а в начале V в. вторгшиеся в Западную Европу.

31 декабря 406г. войско варваров в составе нескольких групп свевов, вандалов и аланов под предводительством «королей» Респендиала и Гоара пересекло Рейн и прорвало оборону франков – федератов Рима. После этого вандалы, свевы и аланы Респендиала продолжили путь в направлении Аквитании и Испании, а Гоар обосновался в городе Тонгерене на территории нынешней Бельгии [4, с. 101]. Вслед за ними в прорыв, образованный в римском лимесе варварским вторжением, проникают бургунды [1, с. 89]. В следующий раз имя Гоара упоминается в хрониках в связи с событиями 411г., когда он совместно с бургундским королем Гундахари в Майнце провозгласил римским императором самозванца Ювина. Именно этого человека, Гоара Аланского, известного его германским соседям как «каган из Тонгерена», французский исследователь Грегуар называет историческим прототипом Хагена из Троне(ге) [10, с. 222].

Несложно представить ту логику мифотворчества, которая могла превратить «кагана из Тонгерена» в легендарную фигуру для бургундов. Ведь это он, в союзе с вандалами и свевами, прорвался через римский лимес, открыв для бургундов дорогу в галльские земли. Затем, как и бургундский конунг Гундахари, Гоар делает цивилизационный выбор в пользу Рима. Правда, о бургундах мы знаем, что в 407 г. они признали себя федератами Рима, а в 430 г. приняли христианство [1, с. 90, 98], тогда как о религиозном статусе аланов нам ничего не известно. Но уже сами политические акции Гоара – переход на сторону Рима от своих прежних союзников в 406 г., попытка возвести на римский престол собственного ставленника - все это говорит о том, что Гоар, как и быстро латинизировавшиеся бургунды, решил связать судьбу своего народа с *Rex Romana*. И, наконец, самым важным фактом является его союз с Гундахари. Подобный союзник, говорящий на незнакомом языке иранской группы, выглядящий экзотично, но преследующий общие с бургундами цели и связанный с ними обязательствами взаимной поддержки, должен был произвести сильное впечатление на поэтическое воображение народа.

Здесь, правда, возникает некоторое противоречие. Хаген из Тронье во всех версиях легенды о нибелунгах предстает как лучший боец Гунтера,

сражавшийся подле него и разделивший его трагическую участь. В истории, однако, отсутствуют сведения о каком бы то ни было участии аланов в битве 436 г., в которой отряд гуннских наемников по просьбе римского полководца Аэция разгромил первое Бургундское королевство и убил Гундахари. Но это противоречие кажется непреодолимым лишь на первый взгляд, так как, по сути дела, «каган из Тонгерена» все же разделил судьбу бургундского конунга – но с разницей в 15 лет. В 451 г. город Тонгерен был razорен Атиллой, и с тех пор уже не был центром аланского политического образования. Имя аланского вождя, упоминающееся после 451 г. – Сангибан, что указывает на смерть прежнего правителя аланов, Эохара, приблизительно в это время. Эохар – это либо германизированная форма имени самого Гоара, либо имя его преемника [4, с. 126]. На самом деле, даже не важно, кто погиб во время razорения Тонгерена гуннами – сам Гоар или его наследник, важно, что «каган из Тонгерена» умер той же смертью и от рук того же врага, что и Гундахари.

Поэтому неудивительно, что в народной памяти два этих события могли и, рискуем утверждать, должны были слиться в единый эпизод – в возвышенную картину гибели героев, исполненных верности и отваги перед лицом многократно превосходящих сил противника. 15-летний разрыв между событиями вряд ли мог помешать этой диффузии фактов в рамках легенды. Сходным образом, 17-летняя разница между гибелью бургундов и смертью Атиллы оказалась сжата в «Старшей Эдде» до одного дня.

Вернемся к текстам «Песни о нибелунгах» и сопутствующего ей корпуса литературных памятников и посмотрим, находит ли наша гипотеза подтверждение в имеющихся описаниях гибели Гунтера и Хагена.

При внимательном рассмотрении оказывается, что эпизод казни главных героев довольно загадочен. Наиболее непротиворечиво он построен в самой «Песни»: Хаген и Гунтер переживают всех своих товарищей, но наконец, измученные долгим боем, попадают в плен. Их разводят по разным темницам, и Кримхильда приходит к Хагену выпытывать у него местонахождение клада нибелунгов. Он ссылается на данную клятву никому не выдавать эту тайну, пока жив хоть один из его королей, и этим побуждает ее убить Гунтера. Увидев голову короля и убедившись в его смерти, Хаген раскрывает Кримхильде свой последний обман: он, в любом случае, не собирался выдавать ей сокровище, и потому специально натравил ее на единственного, помимо него самого, обладателя этой тайны [2, 625-628]. Можно много рассуждать на тему, зачем, все-таки, Хаген потребовал смерти своего государя - хотел избавить его от пыток? от опасности запятнать свое имя сотрудничеством с врагами? Но все равно версия «Песни о нибелунгах» остается достаточно понятной и логичной, однако это – исключительно личная заслуга автора поэмы, так как все предыдущие версии сказания, как немецкие, так и скандинавские, много проигрывают ей в этом отношении.

В некоторых версиях сюжета Гунтер попадает в плен первым, немедленно после начала схватки (например, норвежская «Сага о Тидреке» [21], шведская «Хроника Дидрика» [17]). При том, что на этом этапе развития легенды Гунтер еще был главным героем, трудно понять, зачем авторам

понадобилась унижать его, показывая его никудышным бойцом, или, по крайней мере, человеком проигравшим бой еще до начала генерального сражения.

Еще более загадочна гибель нибелунгов в «Старшей Эдде». Здесь, как и в древних немецких песнях на данный сюжет, роли пленников зеркально противоположны варианту «Песни о нибелунгах»: здесь требование о выдаче клада адресовано Гуннару, и именно Гуннар просит принести ему сердце Хёгни. Когда же ему приносят дрожащее сердце раба, он безошибочно узнает обман – сердце храброго Хёгни не задрожало бы. Тогда враги вынуждены показать ему подлинное сердце его брата. Гуннар вновь отказывается отдать сокровище, его кидают в змеиный ров, и там он много дней отодвигает неминуемую смерть, усыпляя змей игрой на арфе, пока не выбивается из сил и не погибает [3, с. 322-323]. Эта версия порождает множество вопросов. Зачем Гуннар потребовал показать ему сердце Хёгни? Объяснение, что он хотел избавить брата от лишних мук, не подходит, так как вырезание сердца из груди живого человека – смерть крайне мучительная. Зачем Атти пытался обмануть Гуннара, показывая ему сердце раба – или он пожалел Хёгни и хотел избавить его от казни? Зачем Гуннару понадобилось продлевать собственные страдания во рву со змеями, ведь ему, в любом случае, неоткуда было ждать спасения? Кроме того, к эддической версии, как и ко всем прочим, можно адресовать вопрос: почему враги, раз уж им удалось захватить в плен и Гунтера, и Хагена, не стали пытаться их на глазах друг у друга, что дало бы им наибольший из возможных шансов получить искомое сокровище?

Мы предлагаем следующее объяснение всем этим загадкам: изначально Гунтер и Хаген погибали не вместе, и потому эпизод с запросом и предоставлением доказательств гибели Хагена был совершенно логичен. Возьмем на себя смелость предположить, что на этапе рождения сказаний о нибелунгах народная память еще сохраняла образ Хагена как «кагана из Тонгерена» - союзного правителя, имеющего собственную землю и собственную дружину. Кроме того, сохранялись и воспоминания о том, что бургунды были истреблены у себя дома, когда была взята и уничтожена их столица Вормс. Поэтому эпизод гибели героев в самом первом варианте легенды должен был выглядеть следующим образом:

Гуннские полчища под водительством Аттилы осадили Гунтера в Вормсе и потребовали, чтобы он капитулировал и отдал им свои сокровища. Но Гунтер отвергал их требования и стойко оборонялся. Дополнительное мужество ему придавала надежда, что вскорости его друг, союзник и побратим, каган из Тонгерена, придет ему на выручку. Желая лишить его этой надежды, Аттила заявил ему, что уже захватил Тонгерен и убил кагана. Гунтер потребовал, чтобы в таком случае, ему показали сердце друга. Аттила приказал вырезать сердце первого попавшегося раба, но обман не удался. Тогда Аттила в гневе двинул свои войска на Тонгерен, в жестоком бою убил кагана, вынул сердце из его груди и показал его Гунтеру. Узнав это бестрепетное сердце героя, Гунтер пришел в отчаянье – он по-прежнему не согласился купить свою жизнь ценой позора, но ждать помощи ему было уже не от кого, и он погиб в бою.

Вернувшись домой, Аттила был убит своей женой Кримхильдой (или Гудруной), сестрой Гунтера.

При всей логичности и историческом правдоподобии, это повествование грешило против литературного вкуса, поскольку действие оказалось разорвано на три разных локации – каган погибал в Тонгерене, конунг в Вормсе, а гуннский владыка – в своей ставке. И потому на следующей стадии развития сюжета было найдено гениальное решение – Аттила не приходил с войной в страну героев, он заманивал их в свой дом. Такое изменение локации улучшило историю во множестве отношений: оно свело всех персонажей воедино, подчеркнуло коварство врага и холодное мужество героев, рискнувших приехать на пир в логово льва, повысило драматизм ситуации. Но при этом требование Гунтера показать ему сердце Хагена потеряло смысл. Если Хаген по-прежнему, как и в первоначальной версии, оставался у себя дома, то со стороны Гунтера было бы наивно надеяться на его помощь. Если Хаген, уже понимаемый сказителями и их аудиторией как член семьи или дружины Гунтера, приехал вместе с ним, то почему король сам не знал, жив ли его боевой товарищ или умер? А между тем, не хотелось терять эту сильную сцену – героя, храбро сопротивляющегося смерти, напряженно ждущего, но так и не дождавшегося подмоги, контраст между трепещущим сердцем раба и спокойным сердцем воина.

И тогда в ход пошли разные способы сохранить эту сцену в изменившемся сюжете. В частности, Гунтер мог быть взят в плен первым, чтобы из последних сил надеяться, что Хагену удастся выстоять в безнадежном бою. Гунтер и Хаген могли попасть в плен оба, и быть тотчас разведенными по разным камерам, чтобы сделать смерть другого условием выдачиклада врагам и требовать доказательств этой смерти. Отсрочивание смерти и отчаянное ожидание помощи могли быть вынесены за рамки собственно боя и поставлены уже после эпизода с демонстрацией сердца – так возникает исполненная высокого трагизма сцена, в которой Гунтер играет на арфе в змеином рву, ожидая помощи из ниоткуда.

Итак, в настоящей работе мы обосновали свое мнение, что прототипом легендарного Хагена был аланский правитель из Тонгерена, чьи исторические деяния и этнополитические особенности еще сохранились в корпусе текстов о нибелунгах в виде смутных воспоминаний и непонятных уже самим авторам характеристик.

Вполне отдавая себе отчет, что все сказанное выше является лишь набором предположений, и без соответствующих источников никогда не станет окончательно доказанным фактом, мы все же верим, что наша гипотеза об историческом прототипе Хагена из Тронье и о путях формирования его легендарного образа способна заполнить некоторые важные лакуны в нибелунговедении и проложить дорогу новым исследованиям.

Библиографический список

1. Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов. Этногенетические и социальные аспекты. СПб: Алтейя, 2011

2. Песнь о Нибелунгах. Пер. Корнеева Ю.Б. // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. –М: Художественная литература, 1975
3. Старшая Эдда// Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах.–М: Художественная литература, 1975
4. Agusti Alemany, Sources on the Alans: A Critical Compilation. Boston: Brill Academic Publishers. 2000
5. Badenhause Rolf. Sage und Wirklichkeit über Dietrich von Bern und die Nibelungen. - Münster: Edition Octopus, 2007.
6. Badenhause Rolf. Þiðreks saga and Old Swedish Sagan om Didrik af Bern “Didrikskrönikan” // Thidreks Saga Research: Merovingians by the Svava, 2015
7. Bauch Mario. Wer waren die Nibelungen wirklich? Die historischen Hintergründe der germanischen Heldensagen. Rhombos-Verlag, 2006
8. Classen Albrecht. The Nibelungenlied – Myth and History: A Middle High German Epic Poem at the Crossroads of Past and Present, Despair and Hope // Epic and History. Edited by David Konstan and Kurt A. Raaflaub. - Hong-Kong: Wiley-Blackwel, 2010, Pp. 262-279.
9. Das Nibelungenlied. Ed. Helmut de Boor // Deutsche Klassiker des Mittelalters, 17th ed. -Wiesbaden, 1963.
10. Gregoire H. Ou en est la question des Nibengen?// Byzantion, X, 1935, Pp. 215-245.
11. Förstemann Ernst. Altdeutsches Namenbuch. -Bonn: P.Hanstein, 1856, 577-579.
12. Heinzel Richard. Über die Nibelungensage. -Wien, 1865.
13. Heinzele Joachim. Manuscripts of the Nibelungenlied // The Nibelungen Tradition. An Encyclopedea. – NY and London: Routledge, 2002. Pp. 209-214
14. Heusler Andreas. Nibelungensage und Nibelungenlied: Die Stoffgeschichte des deutschen Heldenepos. -Dortmund: Ruhfus, 1920
15. Hollander Lee M. Hagen der Tronegaere // Neophilologus Vol. 53 issue 1 (1969), Pp 398-402.
16. Müller Wilhelm. Mythologie der dt. Heldensage. Heilbronn, 1886.
17. Old Swedish Didriks Chronicle. Translated by Rolf Badenhause // Skokloster-Codex I. – Stockholm: G.O. Hyltén-Cavallius, 1850.
18. Sarakaeva Elina, Lebedeva Irena. On the shores of the Danube: heterotopic space in “Das Nibelungenlied” // Europäische Fachhochschule Vol. 10 (2015). Stuttgart: ORT Publishing, Pp. 7-9.
19. Schütte Gudmund. The Nibelungen Legend and Its Historical Basis //The Journal of English and Germanic Philology, Vol. 20, No. 3 (Jul., 1921), Pp. 291-327
20. Sonnenfeld Marion. The Origin of Hagen // Literary Onomastics Studies Vol. 3 (1976), Pp. 79-93.
21. The Saga of Thidrek of Bern. Translated by Edward R. Haymes. – NY: Garland, 1988.

УДК 811.111'373.7:159.922.4

Гайдаш А. А. Структура фразеологических единиц в романе У. Голдинга «Повелитель мух» как отражение национально-культурной маркированности языка

Structure of phraseological units in W. Golding's novel "Lord of the Flies" as reflection of national-cultural labeling of language

Гайдаш Анна Александровна

Институт иностранной филологии
Таврической академии Крымского федерального университета имени
В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация

gaydash.ann@mail.ru

Gaidash A.A.

Foreign Philology Institute, Taurida Academy,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation

Аннотация. В статье рассматриваются особенности места и роли фразеологических единиц с национально-культурным компонентом в определении национально-культурной маркированности языка в контексте концептуальной и языковой картин мира. Представлена структурная классификация фразеологических единиц с национально-культурным компонентом в оригинале и русском переводе романа У.Голдинга «Повелитель мух». Установлены основные особенности мировосприятия обоих народов, получившие широкое распространение во фразеологии обоих языков.

Ключевые слова: фразеологические единицы с национально-культурным компонентом, структура, национально-культурная маркированность, У.Голдинг «Повелитель мух».

Abstract. The article discusses the peculiarities of the place and role of phraseological units with national-cultural component in identification the national-cultural labeling of the language in terms of conceptual and lingual pictures of the world. The structural classification of phraseological units with national-cultural component in the original and Russian translation of the novel William Golding "Lord of the flies" is provided. It is established the main features of the worldview of both nations which have become widespread in the phraseology of both languages.

Key words: phraseological units with national-cultural component, structure, national and cultural labeling, W. Golding "Lord of the Flies".

В современном мире информации и глобализации, благодаря инновационным технологиям, телекоммуникации и международным социальным сетям именно английский язык играет роль языка международного общения, а статус русского языка возрастает в связи с меняющимся положением России на политической арене мира. В связи с этим возникает вопрос межкультурной коммуникации и социальных факторов, влияющих на эту коммуникацию, что находит пояснение и глубокое рассмотрение в такой

науке как социолингвистика.

Как никогда актуальными в России стали социолингвистика и теория языковой вариативности именно в конце XX – начале XXI веков, развиваются и обогащаются они трудами таких выдающихся лингвистов современности, профессоров как А.Д. Петренко, А.Э. Левицкий, В.М. Бухаров, М.В. Ласкова и др. Получают распространение учения об аннолектах, сексолектах и идиолектах и становится очевидным, что язык как таковой неотделим от культуры и жизни социума, который на этом языке общается.

Таким образом, **актуальность исследования** возрастает в связи с приобретением английским языком статуса универсального языка международного и межкультурного общения, общения представителей всех возрастов и социальных слоев общества, а так же, наравне с международной интеграцией, возрастает необходимость этнического самоопределения русского человека и разграничения понятий родного языка и калькирования иностранного. Более того, она определяется «важностью рассмотрения идиоматической этничности языка в свете последних исследований человеческого и социального фактора в языке» [1, с.38], а так же отражения концептуальной картины мира в языковой картине мира определенного народа и рефлексии мироощущения определенного (британского и русского) менталитета в речевой коммуникации. Однако обращение к английскому и русскому языкам позволяет сделать выводы не только об изоморфных, но и об алломорфных чертах в восприятии мира представителями двух разных лингвокультур, которые воспринимают окружающую действительность и действуют в ней различным образом, что находит свое отображение именно во фразеологии.

Объект исследования - фразеологические единицы с национально-культурным компонентом в оригинале и русском переводе романа У. Голдинга «Повелитель мух» как одного из наиболее ярких примеров изображения облика человечества XX века.

Предмет исследования составляют семантические и структурные особенности данных ФЕ английского и русского языков как отображение менталитетов обоих народов.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является установление и описание структурно-семантических особенностей фразеологических единиц с национально-культурным компонентом английского и русского языков на материале романа У. Голдинга «Повелитель мух». Поставленная цель предусматривает необходимость решения таких **задач**: - определить статус национально-культурного компонента в семантике и структуре ФЕ; - осуществить семантическую классификацию ФЕ с национально-культурным компонентом значения в оригинале и русском переводе романа У. Голдинга «Повелитель мух»; - классифицировать и описать структурные типы ФЕ с национально-культурным компонентом в английском и русском языках, определить количественное и процентное соотношение ФЕ каждого типа; - выявить и описать лингвокультурологические особенности ФЕ с национально-культурным компонентом в контексте британской и русской

языковых картин мира.

Методы и методики лингвистического анализа. Цель и задачи работы, а также специфика ее объекта обусловили использование таких методов и методик лингвистического анализа: *метод фразеологической идентификации и фразеологического описания* для осуществления системного исследования ФЕ с национально-культурным компонентом в оригинале и русском переводе романа «Повелитель мух»; *метод семантического анализа*, который используется для определения содержательных характеристик исследуемых ФЕ; *метод лингвокультурологического анализа* для исследования влияния национально-культурных факторов на возникновение ФЕ и механизмы фразеологической номинации, а также для установления особенностей менталитета и ценностных представлений о мире представителями обеих языковых общностей; *метод количественного анализа* для определения продуктивности и соотношения единиц разных семантических и структурных типов исследуемых ФЕ.

Интерес к проблеме «Язык и картина мира» обнаруживается еще в работах В. Гумбольдта, который писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [2, с.120]. В. Гумбольдт считал язык опосредующим звеном между человеком и окружающим его миром. В.А. Маслова считает, что языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. «В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир» [3, с.63]. Однако человек, являясь носителем культуры, через язык передает присущую его народу ментальность. Своеобразным посредником в связи фразеологической единицы (далее – ФЕ) с культурной действительностью выступает внутренняя форма фразеологизмов, фактуальный план которой фиксирует реальный фрагмент культуры. «Внутренней формой ФЕ является «застывший» результат действия сознания народа. ФЕ с национально-культурной спецификой представляют особую трудность при изучении языка» [4, с. 59]. Это, прежде всего, связано с идиоматичностью ФЕ, значения которых невыводимо из значения их компонентов. Кроме того, в каждом языке есть набор самобытных фразеологизмов, возникших в своеобразных культурно-исторических условиях. Таким образом, коммуникативная значимость ФЕ в силу их национально – культурной специфики очень велика для всех участников речевого общения и является весьма сложной для освоения, требуя овладения фоновыми знаниями; исторически сложившиеся и постоянно меняющиеся реалии жизни определенного народа и менталитета формируют концептуальную картину мира (ККМ), которая находит свое отражение в языковой картине мира (ЯКМ). Наиболее ярким представителем и хранителем всех изменений, происходивших в языке и истории народа, является фразеология.

Основанием для отбора языкового материала стала национально-

культурная окрашенность ФЕ английского и русского языков как отражение мироощущения в языковой картине мира. Материал для выборки составили 819 ФЕ, которые были отобраны из оригинала и русского перевода романа У. Голдинга «Повелитель мух» как зеркала менталитетов обоих народов в поствоенный период. [5, 6].

Проанализировав количественные и качественные показатели структурных типов исследуемых ФЕ романа У. Голдинга «Повелитель мух», можно сделать вывод, что наиболее численными и продуктивными являются номинативные ФЕ (442 ФЕ, 54%), отражающие стремление как британского, так и русского человека назвать все окружающие его предметы, идентифицируя окружающий мир и себя в нем и по продуктивности являются практически одинаково распространенными в обоих языках. Однако в русском языке коннотация является более резкой и однозначной, временами несущей саркастический характер, как отражение закаленного в многочисленных войнах XX века русского народа, его боевого духа и характера его души, нетерпимой к полумерам и лукавству. В английском же языке прослеживается тенденция к издевке и высмеиванию тех или иных качеств героев (а через них и всего человечества), однако представленных не всегда явно, зачастую косвенно или же завуалировано, с помощью метафор (в авторской речи У. Голдинга) или же разговорных, сленговых, подростково-жаргонных единиц (речь героев). Группа номинативно-коммуникативных (глагольных) ФЕ (304 ФЕ, 37%) отражает стремление британского русского народа к действию, освоению новых земель в процессе продвижения по континенту во времена Первой и Второй мировых войн, жажду развития, преобразования и активного технического и социального прогресса в обществе, что является неотъемлемой составляющей менталитетов и истории этих народов. Группа коммуникативных ФЕ (73 ФЕ, 9%) является весьма немногочисленной, поскольку свое влияние накладывает сам стиль повествования: художественное описание чередуется обиходно-бытовой диалоговой речью подростков, говорящих соответственно своему возрасту, гендеру и социальному положению в обществе, и весьма повлиявшему на их поведение, восприятие и образ мышления военное положение и дисциплина военного времени. Следовательно, в тексте романа приваливают краткие и лаконичные номинативные и глагольные ФЕ, а более морфологически распространенные коммуникативные ФЕ, вытесняются из повседневной речи представителей среднего класса, с целью сокращения времени на высказывание и донесения большего количества информации в кратчайшие сроки.

Сравнивая английский и русский языки, становится понятным, что русские более свободны при проявлении своих чувств, чем британцы, а также уделяют больше внимания характеру человека, в то время как британцы стремятся описать окружающее их пространство.

В результате исследования выявлено, что ФЕ имеющие национально-культурную окрашенность, представляют наибольшую сложность в освоении, поскольку требуют дополнительных фоновых знаний и являются наиболее ярким и интересными представителями ментальности народа и его ККМ в языке, речи и ЯКМ. ФЕ в оригинале и русском переводе романа У. Голдинга

«Повелитель мух» в полной мере отражают различия и сходства этих двух народов в их мироощущении и являются антропоцентричными, т.е. ориентированными на самого человека, его чувства, желания, мироощущение и оценку окружающей его действительности, поскольку они созданы человеком, о человеке, для человека и о восприятии и отношении к окружающей действительности именно человека.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы языковой вариативности а аспекте мировой интеграции и глобализации / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко, Э. Ш. Исаев. – Симферополь: Изд-во «Феникс», 2011. – 274с.
2. Гумбольдт, Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт ; Пер. с нем. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. - 2-е изд. - М. : Прогресс, 2000. - 398 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология : Учеб. пособие для студ. Высш. учеб. заведений / В.А. Маслова - М.; 2001.
4. Человек. Язык. Культура: сб. науч. статей посвященных 60-летнему юбилею проф.В. И. Карасика: в 2-х ч.; отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. – К.: Изд.дом Д. Бураго, 2013. Изд. – 2-е, испр. – Ч. 1. – 800с.
5. Голдинг У. Повелитель мух. Шпиль. М: АСТ, 2015. – 349 с.
6. Golding, William. Lord of the Flies. New York: Macmillan Press, 2005, 146p.

Denisova I. V., Telesheva I. V. The adequacy of translation of morbial metaphors in mass-media

Адекватность перевода морбиальной метафоры в СМИ

Денисова Ирина Владимировна

Телешева Ирина Владимировна

Челябинский государственный университет
irina_7j@inbox.ru, irina.telesheva@gmail.com

Denisova Irina Vladimirovna

Telesheva Irina Vladimirovna

Chelyabinsk state University

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме адекватности интерпретации морбиальной метафоры при переводе английских газетных текстов на русский язык. Общеизвестно, что противопоставление перевода метафор из языка-источника в целевой помогает выделить один из фактов адекватности перевода метафорических образов и ознакомиться с особенностями, характерными для определенного перевода.

Ключевые слова: метафора, масс-медиа, перевода, адекватности языковых средств.

Abstract: This article is devoted to the adequacy of interpretation of morbial metaphors while translating English newspaper texts into the Russian language. It is well known that the juxtaposition of translation of metaphors from the source language into the target one helps to single out facts of adequacy of translation of metaphoric images and see the peculiarities typical of

a certain one.

Key words: metaphor, mass-media, translation, adequacy, language means.

In different language styles one can observe various language means which can help to strengthen effectiveness, expressivity and figurativeness of any utterance in the discourse. Practically every excerpt of any text comprises tropes, figures of speech and other expressive means which render a special function of language units – stylistic one. And in the centre of them is a metaphor which helps to create vivid images based on bright and sometimes unexpected associations. It was created in the times of Aristotle when it meant his interpretation of art as imitation of life. The basis of a metaphor can be similarity between different signs of an object.

First of all, the metaphoric utterance of an expression is typical of literary genre. However, lately there are a lot of examples of this device in mass-media texts as well because the main function of them is popularization of information for a wide audience. The popularization is achieved by means of concreteness, strict succession, the omission of complicated scientific terminology, the use of simple syntax and also with the help of figurativeness and expressivity of the language.

While assessing the adequacy of translation of mass-media texts into the target language it is necessary to take into account different facts. It is no coincidence that they distinguish semantic, linguistic and stylistic adequacy. Traditionally in the theory of translation the adequacy of translation meant categories of semantic completeness and accuracy supplemented with stylistic and pragmatic equivalences.

V.N. Komissarov mentions that every functional style has some peculiar language characteristics that have a great influence on the process and the result of the translation itself. In newspaper style and mass-media texts along with the important role that terms and proper names have, so do subheadings and lots of abbreviations (Комиссаров 1990: 109-110). The level of adequacy depends not only on lexico-grammatical peculiarities of the original text but also on their correlation with the same phenomena in the target language. Scholars think that the use of metaphors is quite typical of newspaper style and mass-media texts, it is one of the means of “contextual expression” in newspapers, journals and magazines. A metaphor is always multifunctional, giving names to economic and political realities it helps to make the comprehension of the material more understandable and vivid with the help of certain familiar images that give the narration a specific emotional background.

The juxtaposition of translation of metaphors from the source language into the target one helps to single out facts of adequacy of translation of metaphoric images and to demonstrate that some metaphors can be and others cannot be interpreted literary which means that there are differences in existing metaphoric models in both languages. A.P. Chudinov defines a metaphoric model as a typical correlation of semantics existing in the consciousness of native speakers which is in relations of direct motivation of the first and second meanings that is an image for appearance of new second notions (ЧУДИНОВ 2001:35).

The perception of the modern world as physically and mentally ill was the reason for spreading words belonging to medical sphere in the political discourse.

Morbial metaphors (metaphors of health and illness) appeared in mass-media texts in the 19th century. The metaphoric model “The society is a healthy/sick body” is one of the most widely used ones in British and American mass-media. The society and the economics are portrayed as a human body with its anatomy and physiology. The society is like a living organism and that’s why categories of health/sickness are applicable to it as well. As for the latter, one can observe here the whole scenario of a disease – from the moment of infection contamination and watching the symptoms up to the treatment and recovery, however sometimes up to the fatal outcome or even suicide (Шмелева 2000: 6).

In the Russian and English languages there are similar examples of metaphoric use, one can make use of even a loan translation.

Compare: *sick economy* – большая экономика, *recovery of price* – оздоровление цены, *war fever* – военная лихорадка.

...western governments have always blinked first when Russia has threatened to commit **financial suicide** (The Economist, January 16, 2010).

...западные правительства всегда удивленно моргали глазами, когда Россия грозила совершить **финансовое самоубийство**.

...investors greeted 2013 with **one hell of hangover**, after U.S. and European markets ended a third year of declines (Time, January 11, 2013).

...инвесторы встретили 2013 год **муками похмелья**, после того, как рынок Соединенных Штатов и Европы закончил свой третий год упадка.

Compromises will cushion **the shock** of enlargement and monetary convergence (Newsweek, December 29, 2012/ January 7, 2013).

Компромисс смягчит **шок** увеличения и денежной конвергенции.

There are cases when English metaphors are rendered into the Russian language with the help of methods of descriptive and conceptual translation.

Compare: health – благополучие (букв. здоровье), heart – суть (букв. сердце).

Saddam was always **a pain in the neck** for Bush’s Administration (Time, January 13, 2010).

Саддам (Хусейн) был всегда **наболевшей проблемой** (букв. «болью в шее») для Правительства Буша.

...U.S. Companies have slashed spending and **have convalesced** (Time, December 16, 2012).

...американские компании снизили затраты и **поправили свое положение** (букв. «выздоровели»).

What happens to the share price does not necessarily have any relation to the **health of our business** (The Economist, November 18, 2010).

То, что происходит со стоимостью акций, вряд ли имеет какое-то отношение к **благополучию** (букв. «здоровью») нашего бизнеса.

So we may conclude that analogous translation of a metaphor and its literary translation coincide to the point (the inner forms of English and Russian metaphors are identical). Overlapping of a form may be connected as with the fact that many English terms are produced into the Russian language with the help of a loan translation and also because comparable images may arise in the process of

autonomous development of languages.

Contemporary mass-media embodies the unique variant of inter-discourse in itself where differences between languages are only on the surface... We look at the world in a similar way (Шмелева 2000: 5).

Reference

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М., 1990.
2. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001.
3. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика: Бюл. Урал. лингв. об-ва. Екатеринбург, 2000. Т.5.

УДК 81'373.21

Деревенец П.В., Татарникова И.В., Шереметьева Е.В. К вопросу о специфике формирования внутригородских топонимов Монреаля

On the issue of the peculiarities of the formation of the city of Montreal place names

Деревенец Полина Викторовна

Крымский федеральный университет, г. Симферополь
polinaderevenez@yandex.ru

Татарникова Ирина Викторовна

Крымский федеральный университет, г. Симферополь
tatarnikova.i@ukr.net

Шереметьева Екатерина Валериевна

Крымский федеральный университет, г. Симферополь
ksheremeteva@mail.ru

Derevenets Polina

Crimean Federal University, Simferopol

Tatarnikova Irina

Crimean Federal University, Simferopol

Sheremeteva Ekaterina

Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей внутригородских топонимов Монреаля, являющегося вторым по величине городом Канады, в контексте истории формирования англо-французского межъязыкового контакта. По результатам лингвистического анализа номинаций внутригородских линейных объектов в виде улиц и проспектов делается вывод об использовании меморативного принципа при формировании основного корпуса топонимов города Монреаля. В работе дано описание пяти лексико-

семантических групп топонимов и указывается на то, что конкретно-языковая маркированность топонимических единиц эксплицируется посредством входящих в них лексем и ойконимических топоформантов. Отобранный экспериментальный материал может быть в дальнейшем использован для исследования структурных характеристик топонимаций с учетом их языковой соотнесенности.

Ключевые слова: межъязыковой контакт, Монреаль, топонимика, урбаноним, топоним, меморативный принцип, ойконимические топоформанты

Abstract. The article is devoted to the investigation of the peculiarities of the place names of the City of Montreal, which is the second largest city in Canada, in the context of the history of the formation of the language contact which occurred due to the interaction of English and French. The results of the linguistic analysis of the nominations of intraurban linear objects such as streets and avenues testifies to the memorative principle being predominant in the formation of the main part of toponyms which are used for the designation of these travelways in the City of Montreal. The paper presents the description of five lexico-grammatical groups of toponyms and substantiates the manifestation of the language-specific features of toponymic units through the lexemes and oikonymic toponyms which they incorporate. The experimental data could be used for the targeted investigation of the structural characteristics of toponymic nominations with regard to the language of their origin.

Keywords: language contact, Montreal, toponymy, urbanonym, toponym, memorative principle, oikonymic toponyms

Одним из актуальных направлений современного языкознания является изучение топонимических ситуаций в странах, характеризующимися двуязычием. Весьма репрезентативной в этом плане является топонимия Канады, которая помогает глубже понять особенности экспликации англо-французского межъязыкового контакта. В основе данного исследования лежит внутригородская топонимия Монреаля, являющегося вторым по величине городом Канады и самым крупным городом в провинции Квебек.

Следует отметить, что большое количество как российских, так и зарубежных ученых занимались и продолжают заниматься разработкой теоретических и практических проблем топонимики. Большой вклад в развитие этого раздела ономастики внесли В.А. Никонов [4], А.В. Суперанская [6] и др. Общим лингвистическим проблемам географических названий посвящены работы В.А. Жучкевича [2], Э.М. Мурзаева [3]. Частные проблемы топонимики рассматривают В.Д. Беленькая [1], Г.Д. Томахин [8] (англоязычная топонимика), Г.П. Смолицкая [5] (русская топонимика) и другие ученые.

На данном этапе возрастает интерес к топонимам, так как они являются важным лингвокультурологическим феноменом и содержат ценную многоаспектную информацию об относящемся к ним регионе. Безусловно, благодаря проведенным исследованиям топонимика как наука значительно продвинулась вперед, однако некоторые вопросы до сих пор остаются дискуссионными. Это усматривается и из существования различных точек зрения относительно определения термина “топоним”. К числу классических определений топонима можно отнести определение А.В. Суперанской, по мнению которой, топоним - это имя собственное любого географического объекта, выделяемого человеком в качестве самостоятельной единицы [6, с. 3]. Определение А.В. Суперанской более лингвистическое по своей семантике, но вместе с тем оно исходит из экстралингвистического фактора, который

основывается на роли человека в номинации географических объектов.

Одной из классификационных разновидностей топонимов являются внутригородские топонимации или, как их еще называют, урбанонимы. Основой термина «урбаноним» является латинское слово *urbanus* – «городской». Каждая административно-территориальная единица характеризуется своим набором урбанонимов, образующими так называемую урбанонимию, которые представляют собой названия внутригородских топографических объектов. Как отмечает А.В. Суперанская [7, с. 102], единицы урбанонимного пространства образуют весьма своеобразную и сложную систему, поскольку они включают в себя названия улиц, перекрестков, площадей, районов города, отдельных зданий и других внутригородских объектов, находящихся на данной территории.

При изучении системы внутригородских топонимов, которые представляют собой часть фоновых знаний носителей языка, весьма актуальным является использование классификации урбанонимов по лексико-семантическому принципу, предложенному А.В. Суперанской [6, с. 6], а также таких общепринятых ономастических терминов, как:

- годонимы (англ. *odonyms*) - названия улиц;
- агоронимы (англ. *agoronyms*) - названия площадей, парков и садов, рынков;
- дромонимы (англ. *dromonyms*) - названия путей сообщения;
- геонимы (англ. *geonyms*) - названия дорог, проездов и т. п.

Большинство урбанонимов европейских и североамериканских городов представлено двучленными номинациями, в которых в качестве одного из компонентов выступает географический номенклатурный термин.

Как показывает практика, внутригородские топонимы, которые по сути дела являются официальными административными названиями и фиксируются на городских картах, могут также иметь неофициальные аналоги. В этом случае неофициальные топонимации могут быть представлены либо узуальными лексемами, если они известны всему населению данной административно-территориальной единицы, либо окказиональными, если они создаются и используются узким кругом лиц.

В электронной версии одного из достаточно репрезентативных путеводителей по Монреалю «Downtown Moves Uptown» [10] дан перечень 5993 внутригородских топонимаций, которые отражают реалии и культурные ценности монреальского общества в разные исторические периоды. Из этого перечня для исследования было отобрано 2500 официальных названий улиц и проспектов, которые представляют каждый из 19 районов / округов (англ. *boroughs*, фр. *arrondissements*) Монреала. В качестве дополнительного источника экспериментального материала был использован топонимический словарь [14], а также карты [16; 17] и интернет-ресурсы по истории Монреала [13].

Методика исследования внутригородских топонимаций представляет собой комплексный подход, сочетающий общенаучные методы (описание и анализ топонимов, синтез - объединение топонимов по определенным

классификациям), а также общелингвистические методы (метод анализа лексикографических источников и лингвистического наблюдения за культурными реалиями данного региона).

Результаты статистического анализа языковой соотнесенности компонентов экспериментального корпуса позволяют сделать вывод о том, что большинство номинаций улиц и площадей Монреаля является франкоязычными, тогда как собственно англоязычные и смешанные франко-англоязычные топонимии: характеризуются меньшей степенью частотности. Такая особенность топонимической ситуации в Монреале имеет историческое объяснение, поскольку вплоть до 1760 года Монреаль и прилегавшая к нему местность были частью французской колонии, но по результатам Семилетней войны отошли к Великобритании. Однако смена юрисдикции не повлекла за собой сужение уже сформировавшейся устойчивой франкоязычной зоны. Начался период продолжительного взаимодействия французского и английского языков и последовавшего за этим перераспределения сфер их использования через принятие соответствующих законодательных актов, что привело к формированию регионального англо-французского билингвизма. Принятие Конституционного акта 1867 года, на основании которого Канада получила статус доминиона, привело к усилению влияния французского языка на английский [15]. Последующие изменения в языковой политике Квебека после принятия Хартии французского языка (фр. *Charte de la langue française*) 1977 года закрепили за французским языком статус единственного официального языка, что, по мнению большинства населения провинции, представленного франкоязычными носителями, является одним из важных аргументов в пользу того, что данный регион Канады должен рассматриваться как монолингвистический, а не билингвистический [15].

Немаловажную роль в языковой ситуации Монреаля, которую на современном этапе ее развития можно охарактеризовать как экзоглоссную и несбалансированную, сыграли иммигранты из стран Европы, а именно: итальянцы, а также коренное индейское население, которое с самого начала проживало на этой территории.

По результатам переписи населения от 2011 года [10] в самом городе Монреале (без учета численности населения в муниципалитетах, которые образуют агломерацию Монреаля) проживало около 1,65 млн. человек. При этом 61 % жителей города заявили о том, что для них французский язык является родным, тогда как около 19 % жителей указали на использование ими английского языка в качестве основного средства общения. Оставшиеся 20 % населения признали использование ими арабского, испанского и других языков [10]. Важно также отметить и тот факт, что в настоящее время Монреаль занимает второе место после Парижа по количеству франкоязычных носителей.

По мнению некоторых исследователей [13], заселение нынешней территории Монреаля началось около 6 тыс. лет назад, после того как глобальное потепление обеспечило появление растительной среды, пригодной для выживания человека. Находки, сделанные археологами, свидетельствуют о том, что около четырех тысяч лет тому назад на острове Монреаль (фр. *L'île de*

Montréal) проживали отдельные племена индейцев, которые занимались выращиванием кукурузы. За пару столетий индейцы построили несколько небольших деревень. Считается, что индейцы племени лаврентийских ирокезов (англ. Laurentian Iroquois) являются основателями поселения Ошелаго (фр. Hochelaga), что находилось возле подножия горы Мон-Руаяль (фр. Mont Royal), а через два столетия на эти земли прибыли французские поселенцы. По предварительной оценке Жака Картье (фр. Jacques Cartier), французского первооткрывателя, численность населения Ошелаго составляла на тот момент около тысячи человек [13].

Массовое переселение лаврентийских ирокезов в другие районы Канады, что было вызвано рядом объективных и субъективных причин, открыло новые возможности для дальнейшего освоения новых земель французскими колонистами.

В 1611 году под руководством Самюэля де Шамплен (фр. Samuel de Champlain), который стал основателем и губернатором первых французских поселений в Канаде, на речном острове Монреаль был построен опорный пункт, который предназначался для торговли пушниной. 17 мая 1642 года проповедники-евангелисты основывают укрепленный форт Вилль-Мари (фр. Ville-Marie). В настоящее время эта территория в виде округа сохранила свое историческое название и является частью территории Старого Монреаля (фр. Vieux-Montréal).

В июле 1672 года Франсуа Долье де Кассон (фр. François Dollier de Casson), католический миссионер и городской архитектор, разработал городской план улиц Монреаля в той части города, которая теперь известна как Старый Монреаль (фр. Vieux-Montréal). Его цель состояла в том, чтобы упростить путь к новой церкви Нотр-Дам (фр. Notre-Dame), которая должна была находиться в самом центре города. В проектировке улиц Монреаля, их наименовании и расстановке дорожных указателей ему помогал специалист по землеустройству Бенинь Басе (фр. Bénigne Basset). В это время город имел десять улиц, главной из которых являлась улица Нотр-Дам (фр. Rue Notre-Dame). Будучи генеральным викарием епархии Квебека, он также способствовал строительству церковных сооружений.

Впервые история названий улиц и площадей Монреаля на деревянных табличках начинается 4 апреля 1818 года, когда они были размещены на городских перекрестках и площадях. Позже, на заседании городского совета 26 июля 1833 года, первый мэр Монреаля Жак Виге (фр. Jacques Viger) внес предложение позвать художника по имени Дэвид Лоран (фр. David Laurent), чтобы установить деревянные уличные знаки для идентификации новых муниципальных округов. 27 августа 1851 Чарльз Уилсон (англ. Charles Wilson), канадский предприниматель и политический деятель, находясь на посту мэра Монреаля, возобновляет действие Мандата Комитета дорог города (фр. Le Mandat du Comité des routes de la ville) для проведения инвентаризации парков и улиц, имевших деревянные дорожные знаки, и нумеризации зданий посредством присвоения им идентификаторов в виде номеров. Принятие таких мер имело большое значение, поскольку в период 1844-1849 гг.

франкоговорящий Монреаль был столицей Канады. В то время при написании названий улиц использовался не только французский, но и английский язык.

В 1960 году городские уличные знаки Монреаля имели весьма своеобразную характеристику: с одной стороны дорожного знака название улицы было написано на французском языке, а с другой стороны оно было указано на английском языке. Позже администрация города решила установить французские обозначения во всех франкоязычных районах города, а английские - в англоязычных. По состоянию на сегодняшний день правило языковой дифференциации в написании названий внутригородских линейных объектов не соблюдается, и весьма частотным является использование французских родовых топонимических терминов.

Расширение территории Монреаля за счет образования дополнительных округов постоянно сопровождалось появлением новых внутригородских топонимов. Сегодня Городской совет Монреаля (фр. Conseil municipal de Montréal) является органом принятия решений относительно вопросов, касающихся легализации внутригородской топонимики. Однако до принятия Городским советом соответствующего решения, все новые внутригородские топонимы становятся предметом изучения Комитета по топонимам города Монреаля (фр. Comité de toponymie de la Ville de Montréal) [14].

По результатам диахронического подхода к анализу топонимической системы Монреаля представляется возможным сделать следующие предварительные выводы.

Первоначально город, на месте которого находится современный Монреаль, назывался Вилль-Мари (фр. Ville Marie) или «город Марии». В свое время канадский историк Марсель Трудель (фр. Marcel Trudel) задавался вопросом относительно происхождения топонима «Montréal». В качестве одной из возможных версий была сделана ссылка на Собор в честь Пресвятой Богородицы города Монреале (ит. Monreale), расположенный в пригороде Палермо, архиепископом которого был Кардинал Ипполито де Медичи (ит. Ippolito de' Medici). Согласно другой версии, город был назван в честь Клода де Понтбрианда (фр. Claude de Pontbriand), который был владельцем замка «Монреаль» (фр. Château de Montréal) во Франции и который принимал участие в одной из первых экспедиций французских колонистов. По третьей версии город был назван в честь короля Франции.

Среди всех гипотез о происхождении названия Монреаля, наиболее приемлемой для топонимии представляется та, которая указывает на происхождение топонима от названия горы Мон-Руаяль (фр. Mont Royal – «Королевская гора»), находящейся в центре города. На среднефранцузском это звучало как 'Монт Реаль'. Следует отметить, что в 16-м веке слово «réal» имело такое же значение, как и слово «royal» (королевский). Данная языковая особенность свидетельствует об общности исходного топонима Mont Royal и его графических репрезентантов Mont Réal и Montréal, которые появились позднее. Изучение данного топонима в диахронии позволяет проследить последовательное расширение сферы объектов номинации, поскольку первоначально он использовался в качестве названия горы, затем острова и

лишь после этого – самого города.

Интерес для исследователя также представляет наличие у Монреаля набора шуточных прозвищ, которые являются весьма информативными относительно того, чем знаменит этот город и что он может предложить туристам. Самые известные из них следующие: «Город святых» (англ. The City of Saints); «Метрополия» (англ. The Metropolis); «Город грехов» (англ. Sin City) из-за весьма оживленной ночной жизни жителей города во времена Сухого закона в США; «Город ста колоколен» (англ. The city of a hundred bell towers), поскольку к числу известных туристических аттракций Монреаля относится большое количество храмов и культовых сооружений, находящихся на его территории.

Некоторые микрорайоны Монреаля также имеют свои неофициальные названия, которые эксплицируют национально-культурную специфику других этносов. В качестве примеров подобных топонимаций можно привести такие названия, как: Маленькая Бургундия (англ. Little Burgundy, фр. La Petite-Bourgogne), Маленькая Италия (англ. Little Italy, фр. La Petite-Italie, ит. Piccola Italia), Китайский квартал (англ. Chinatown in Montreal, фр. Le quartier chinois de Montréal), Латинский квартал (англ. Latin Quarter, фр. Le Quartier Latin).

Лексико-семантический анализ внутригородских топонимов Монреаля свидетельствует о наличии определенных тенденций относительно их мотивированности и экспликации меморативного принципа номинации, который выделяется исследователями [9, с. 78] наряду с демонстративным принципом при рассмотрении семиотики внутригородских объектов.

По своей семантике топонимации Монреаля весьма разнообразны. Так, название целого ряда улиц Монреаля включает в себя фамилии землевладельцев и домовладельцев. Примером являются следующие внутригородские топонимы: Rue Anderson (с 22 апреля 1844 г. улица названа в честь С.Х. Андерсона, который проживал там и выделил деньги на ее строительство); Rue Berry (улица была названа в честь Simon Berry, крестьянина, чья ферма находилась на этой улице); Greene Avenue (проспект получил свое название в 1881 году в честь бывшего помещика района); Rue Beaubien (название улицы связано с семьей Beaubien, члены которой были крупными землевладельцами в Монреале).

Некоторые улицы Монреаля были названы в честь монархов, членов королевской семьи, выдающихся военачальников: Rue Queen Mary (улица Королевы Марии) и Chemin Queen-Mary (дорога Королевы Марии) были названы в честь Марии де Тек (Mary de Teck), которая стала королевой 6 мая 1910 года; Rue Prince-Arthur (улица была названа в честь принца Артура, третьего сына Королевы Виктории, генерал-губернатора Канады в период с 1911 по 1916 г.г.); Rue Beauharnois (была названа в честь Charles de la Boische, marquis de Beauharnois, который был французским военно-морским офицером. С 1726 по 1747 гг. он занимал пост 15-ого генерал-губернатора Новой Франции. Когда Монреаль столкнулся с угрозой британского вторжения, он предложил строить укрепления для Монреаля и для провинции Квебек). В ряде топонимов данной лексико-семантической группы иногда отсутствует указание на

конкретную королевскую особу: Rue Queen (улица Королевы), Rue Prince (улица Принца).

Третья обширная группа внутригородских топонимов представлена улицами, которые были названы в честь различных государственных и политических деятелей: Rue Metcalfe (в середине 19-го века улица была названа в честь Чарльза Меткалфа, который был 16-ым генерал-губернатором Канады); Rue Wellington (названа в честь Артура Уэлсли (англ. Arthur Wellesley), который был первым герцогом Веллингтонским, британским фельдмаршалом и двукратным премьер-министром Соединенного Королевства); Rue D. Argenson (названа в память виконте д'Аржансоне, который был пятым губернатором Новой Франции - la Nouvelle-France).

Наименьшую по частотности категорию составляют имена и фамилии деятелей культуры, науки, искусства, героев мирного времени: Saint Denis Street (фр. Rue Saint-Denis (улица названа в честь канадского раввина и ученого); Rue Abraham de Sola (улица названа в честь востоковеда и ученого); Avenue Christophe-Colomb (проспект был назван в честь Христофора Колумба, великого испанского мореплавателя итальянского происхождения).

Помимо топонимов, образованных от личных имен, в топонимическую систему Монреаля входят номинации с ботаническими элементами: Avenue Willowdale (Willow + dale), где willow (англ.) – ива, а dale (англ.) – долина; Rue Redfern, где вторая морфема fern переводится с английского как «папоротник или высшее споровое растение»; Avenue Duverger (Du + verger), где verger в переводе с французского означает «фруктовый сад»; Avenue Elmwood (Elm + wood), где elm (англ.) - вяз, а wood (англ.) - лес.

Встречаются также топонимы, которые включают слова, относящиеся к человеку и раскрывающие его качества и черты характера: Avenue Wiseman

(wise + man), где wise (англ.) - мудрый, man (англ.) – человек; Rue Workman (work + man), где work (англ.) - работать, быть занятым (каким-л.) постоянным делом; man (англ.) – человек; Rue Young, где young (англ.) переводится как «молодой».

Как усматривается из вышеприведенных примеров, идентификатором языковой соотнесенности внутригородских топонимов Монреаля являются лексемы, которые входят в состав топонима в качестве его компонентов. Однако такую же роль выполняют и ойконимические топоформанты, среди которых наиболее частотными являются следующие элементы, а именно:

1) романский элемент “-ville”, который переводится как «город» (франц.): Rue Marguerite D'Youville; Rue Melville; Rue de Normanville; Rue d'Iberville; Avenue Somerville; Avenue Hôtel- de-Ville;

2) англо-саксонский элемент “-land”, в переводе с английского означает «земля, суша»: Rue Ferland (Fer + land); Rue Hartland (Hart + land); Avenue Monkland (Monk + land), Boulevard Rockland (Rock + land);

3) префикс “Saint-”, который в переводе с английского означает «святой» и употребляется с именами собственными миссионеров, священников, первопроходцев: Rue Sainte-Catherine, Rue Saint-Antoine, Rue Saint- Jacques, Rue Saint-Paul, Rue Saint-Urbain, Rue Saint-Marc, Square Saint-Louis.

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что топонимическая система Монреаля сформировалась в условиях сложного англо-французского межъязыкового контакта, а семантика проанализированных топонимических единиц отражает своеобразие языковой картины мира жителей данного региона. В дальнейшем планируется изучение структурных особенностей официальных и неофициальных внутригородских топонимов с учетом их языковой соотнесенности.

Библиографический список

1. Беленькая В.Д. Очерки англоязычной топонимики / В.Д. Беленькая – М. : Высш. шк., 1977. – 322 с.
2. Жучкевич В.А. Общая топонимика / В.А. Жучкевич. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1968. – 432 с.
3. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1974. – 382 с.
4. Никонов В.А. Славянский топонимический тип / В.А. Никонов // Географические названия. – М. : Географиз, 1962. – С. 17-33
5. Смолицкая Г.П. Занимательная топонимика / Г.П. Смолицкая. – М. : Просвещение, 1990. – 178 с.
6. Суперанская А.В. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1984. – 182 с.
7. Суперанская А.В. Урбанонимы как отражение внутригородских реалий / А.В. Суперанская // Acta facultatis paedagogicae Ostraviensis. – Ostrava, 1983. – С. 15-20.
8. Томахин Г.Д. Топонимы как реалии языка и культуры (на материале географических названий США) / Г.Д. Томахин // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 84-90.
9. Шмелева Т.В. Современная топонимия: семантика и семиотика / Т.В. Шмелева // Лингвистическое краеведение. - Пермь: Изд-во ПГПИ, 1991. – С. 33-37.
10. Downtown Moves Uptown [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://servicesenligne.ville.montreal.qc.ca/sel/publications/PorteAccesTelechargement?lng=Fr&systemName=72733598&client=Serv_corp (дата обращения: 25.01.2016).
11. Dugas J.-I. La nature de la toponymie / J.-I. Dugas // Stage international de formation en toponymie. – Québec, 1988. – P. 108-136.
12. NLQ – Dictionnaire «Noms de lieux du Québec» / Office québécois de la langue française – Québec, 2006. – 1229 p.
13. Historica Canada [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thecanadianencyclopedia.com/en/> (дата обращения: 25.01.2016).
14. Commission de toponymie Québec [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.toponymie.gouv.qc.ca/ct/ToposWeb/fiche.aspx?no_seq=42164 (дата обращения: 25.01.2016).
15. Bibliomontreal [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://encyclo.bibliomontreal.com/> (дата обращения: 25.01.2016).

16. Монреаль: карта города, основные районы и туристические места [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tripmydream.com/ru/canada/montreal/map> (дата обращения: 25.01.2016).
17. Montréal street map [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://montreal.street-map.ca/> (дата обращения: 25.01.2016).

УДК 81.27

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Портрет исторической языковой личности купца И.С. Щеголихина (на материале эпистолярных текстов начала XX века) ¹

Portrait of historical language person merchant I.S. Shchegolikhin (based on epistolary texts of the early XX century)

Логунова Наталия Васильевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Соликамск
logunovaN@yandex.ru

Logunova Nataliya Vasilyevna
Perm State University, Solikamsk

Мазитова Лариса Львовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Соликамск
mazitova-larisa@rambler.ru

Mazitova Larisa L'vovna
Perm State University, Solikamsk

Аннотация. В статье предпринимается попытка реконструкции исторической языковой личности купца И.С. Щеголихина на основе двух его писем к сыну. Цель и задачи описания обусловлены лингвоперсонологическим подходом к объекту анализа. Тематические предпочтения, особенности стиля и манеры изложения, отраженные в тексте речевые компетенции адресанта, а также внешние параметры писем позволяют выявить конституирующие черты данной исторической языковой личности. Полученные результаты заполняют лауну в лингвистических исследованиях по воссозданию речевого портрета носителя обыденного языкового сознания.

Ключевые слова: лингвистическая персонология, историческая языковая личность, эпистолярный текст, речевые компетенции, речевая культура.

Abstract. This article is an attempt of reconstruction of historical language person of the merchant I.S. Shchegolikhin based on two of his letters to son. The purpose and objectives of the description are due on principles of linguistic personology. Thematic preferences, especially the

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 16-14-59002а(р).

style and manner of writing, reflected in the text of the speech competence of the addresser, as well as external parameters of letters allow to identify the constitutive features of the historical language person. The obtained results allow us to fill a gap in linguistic studies on the reconstruction of the speech portrait of the media of ordinary language awareness.

Keywords: linguistic personology, historical language person, epistolary text; speech competences, speech culture.

В данной статье предпринимается попытка воссоздания облика исторической языковой личности чердынского купца Ивана Степановича Щеголихина на материале двух его писем 1909 и 1914 гг. к сыну Александру, полностью опубликованных нами в монографии «Речевая культура жителей Северного Прикамья в начале XX века: материалы и исследования» [9, с. 28–31]. Обращение к письмам как источнику реконструкции речевого портрета носителя языка открывает перед лингвистом ряд возможностей. Прежде всего личная неофициальная переписка отражает обыденное языковое сознание, изучение которого признается лакуной в лингвоперсонологических исследованиях. Портрет исторической языковой личности, воссоздаваемый на основе писем частного характера, не искажается условностями и рамками, свойственными официальной и полуофициальной коммуникации, и потому в нем наиболее отчетливо проявляются личностные качества, а не социальные роли адресанта. Но вместе с тем, языковая личность предстает в письмах как продукт своей эпохи и субъект ее восприятия.

При реконструкции исторической языковой личности мы опираемся прежде всего на речевой продукт носителя языка, но при этом учитываем и «затекстовую» информацию – все те сведения, которые мы можем получить из разнообразных исторических источников.

Об Иване Степановиче Щеголихине нам известно, что он был представителем чердынского купечества конца XIX – начала XX века и, будучи судовладельцем, занимался перевозкой грузов по рекам Каме, Белой и Волге. Поскольку в его собственности был всего лишь один пароход («Наследники») [15], И.С. Щеголихин был далеко не самым богатым из 25 чердынских купцов того времени, каковыми являлись, например, Алины, Лунеговы, Ржевины, Гусевы и др.

Иван Степанович Щеголихин, как свидетельствуют документы, активно участвовал в жизни города Чердыни: входил в попечительский совет Чердынской женской гимназии [14, с. 51], в состав комитета по призрению нищих, в качестве гласного городской Думы был членом специальной комиссии по устройству в городе Чердыни водопровода [2, с. 127, 138]. В течение трех сроков он исполнял обязанности церковного старосты, о чем пишет М.И. Ветчакова со ссылкой на «Пермские епархиальные ведомости» за 1903 год: «Церковным старостой при храме состоит чердынский купец Иван Степанович Щеголихин. Обязанности старосты исполняет третье трехлетие, и справедливость требует сказать, что к своим обязанностям Иван Степанович относится с редким усердием и самоотверженностью. Чистота и благолепие в храме при нем стали образцовыми. Будучи любителем церковного пения, Иван Степанович образовал при храме хор певчих, изыскивая на него ежегодно

свыше 800 рублей. За свои бескорыстные и самоотверженные труды Иван Степанович Щеголихин пользуется глубоким уважением как причта, так и прихожан. Признательное духовенство Преображенской церкви по соглашению с благочинным протоиереем П. Серебренниковым, знающим и оценивающим заслуги Ивана Степановича, не раз хотело представить последнего к награде, но Иван Степанович, будучи по природе скромным, до последнего времени отклонял это намерение своих приходских священников» [1]. М.В. Любарская указывает и на такой факт из благотворительной деятельности Ивана Степановича: «Когда в Чердынский край в 1910 г. прибыл Преосвященный Палладий, купец И.С. Щеголихин «предложил в полное распоряжение Владыки» свой пароход» [10].

Сами же письма свидетельствуют о том, что И.С. Щеголихин – глава дружной многодетной семьи, отец троих сыновей и двух дочерей. Одному из сыновей, скорее всего, именно старшему, Александру, в 1914 году студенту Петербургского университета, адресованы письма.

Реконструкцию речевого портрета И.С. Щеголихина мы будем строить на анализе его писем с учетом:

- круга затрагиваемых тем;
- стиля письма, манеры общения с адресатом;
- реализации речевых компетенций адресанта;
- внешних параметров писем (предпочтения в оформлении, наличие или отсутствие признаков саморедактирования, особенности почерка).

Тематика писем обусловлена неофициальным личным характером коммуникации. Общаясь с сыном, И.С. Щеголихин прежде всего

- сообщает о событиях внутрисемейной жизни и хозяйственных делах на фоне местного «хронотопа» (здесь и далее при цитировании писем сохраняем графику, орфографию и пунктуацию оригинала):

Гутя сейчас вернулась изъ Гимназіи, у нихъ завтра 7^ѣ классъ дастъ спектакль «Денежные тузы и младшіе классы были на репетиціи, а завтра гости мы тоже получ. приглашеніе;

Я все думалъ отъ именинъ у ѿхатъ въ Усольѣ, Но все еще не стали рѣки, а именины уже не загорами, а рыбы в городѣ нѣтъ ни свѣжей, ни соленой, день постный, не знаю гдѣ достанемъ на пирогъ, обѣда небудеть. Прійдется обѣдъ устроить 23го въ годину смерти Вашей бабы;

Сегодня Володя ночевалъ въ верху въ твоей комнатѣ на полу, говоритъ что тепло ихорошо;

Маня все еще кашляетъ, надняхъ водили къ доктору, но невѣлитъ ходить ей въ Гимназію;

О Смерти дяди тебѣ телеграфировали, онъ скончался 16го въ 7 ч. безъ 20 м. вечера; 17го въ 10 ч. дня была панихида а въ 6 ч. вечера всенощная, авчера выносъ былъ изъ дому вынесли в 9 ч. 10 м, въ Церковь принесли въ 35 м. десятого, начали обѣдню съ Пѣвчими, въ концѣ обѣдни О. Евгр. сказалъ надгробн. рѣчь. Народу было очень много, провожали Ст: Алекс., Ив: Вас Верещ. Наши служащ. Волож, Якуш. и Мышкинъ <...> отпѣвъ кончину въ 12

час., много народа и долго прощались, а въ это время пришелъ Соликамскъ [название парохода – Л.М., Н.Л.] и приѣхали дядя Константинъ и тетя Анна Степановна, жена дяди Федора Ихъ немного подождали, они прямо съ парохода въ Церковь и простились, хотя прощатся было нельзя, онъ сильно разложился и лицо обложено было ватой, изъ Церкви до кладбища проводили и вѣчье ипорядочно народа, погода какъ разъ была хорошая и теплая, на кладбище принесли уже около часу, потомъ къ нимъ, панихида, чай и пообѣдали, уже въ 5^{мѣ} часу окончили;

Напохороны израсходовали уже болѣе 120 руб.

Сейчас от Утрени и молебна Арх. Михаилу Мама ушла къ избѣннымъ;

на Рябининскомъ перевозѣ сегодня утромъ остановился ледъ;

Карька нашли и тебѣ писали кажется;

Сегодня ночью воды прибыло 34 саж. и плаваетъ снѣжница. Володю и Аркашу разбудилъ Гутя и Маня еще спать;

Вчера и сегодня молотили – молотилкой на гумнѣ Волож., намолотили 23 мѣшка овса и 1½ мѣшка ячменя, измолотили только одну кладь;

Я эту недѣлю все занимался и все счета какъ по заготовкѣ дровъ, такъ по постройкѣ корпуса для парохода и содержанію его лѣтомъ, собралъ и выбралъ въ особые счета, теперь надо писать отчеты, но надо главное съ контор. въ Усольѣ закончить расчеты;

21го поѣду въ Соликамскъ на торги, торги 22го;

Овес выжали но несклали еще погода почти каждый день дожжикъ, авода убываетъ, убыло въ сутки 2 саж, наводоск. 33 сот;

Наслѣдники [название парохода – Л.М., Н.Л.] изъ Сарапула вышли 15го съ 2^{мя} баржами, но изъ Перми нѣтъ еще телеграммы;

– пишет об общих знакомых и лишь иногда – о городских новостях, порой связанных с историей всей страны:

Вчера приѣхала въ Чердынь Людмила Федор. и Владимиръ Павловичъ, но мы еще не видали ихъ. Над. Конст. и Лидія Евген. дядю провожали и первая изъ нихъ пила чай послѣ похоронъ;

Вчера поздравили 3^{хъ} именинницъ: Дьяконицу, Матушку Скворцову и Клавдію Ивановну, уней обѣдали, вѣли пельмени капустные и мясные, вечеромъ я былъ у Скворцовыхъ, Мама непошла, больна была головой, я тоже неужиналъ, вернулся въ 12½ часовъ;

Сегодня была торжественно всенощная съ Акафистомъ Ангелу Хранителю, но дьяконъ не служилъ, опять боленъ;

25го обѣщаютъ приѣздъ Архіерея, въ Пермь прійдется уже послѣ его;

Сегодня проводили на Соликамскѣ первую партію 450 чел призванныхъ, въ Воскресенье 2 партіи отправятъ 900 чел, сегодня городскіе и изъ Пянт. и Губд. волостей. Филиппъ Алекс. Мичуринъ перечисл. въ ратники 2 разряда, а Ник. Юхневъ еще остался до слѣд. партіи (последний контекст приводится из письма от 19 сентября 1914 года и отражает события российской истории того времени – мобилизацию в действующую армию в начале Первой мировой войны).

Обращают на себя внимание многочисленные упоминания в письмах И.С. Щеголихина родственников и знакомых, описание встреч с ними, что характеризует его как человека коммуникабельного с широким кругом общения.

Стиль письма, с одной стороны, соответствует ситуации общения отца с сыном, но с другой стороны, демонстрирует некоторые личностные особенности адресанта. Это выражается в том, что зачин и концовка писем представлены стереотипными формулами коммуникации в среде близких родственников (*Заочно цѣлуемъ тебя безъ счету и желаемъ здоровья и успѣха въученьи ишлемъ тебѣ заочное родительское благословеніе мы съ Мамой <...> атакже Баба Екатерина и тетя Марія Николаевна ивсе родные и знакомые; Остаемся здоровы. Людяціе тебя родители Иванъ и Екатерина Щеголихин...*), но вместе с тем письма содержат маркеры сентиментально-ласковой манеры внутрисемейного общения – сокращенные и нередко оценочные уменьшительно-ласкательные формы номинаций детей и обращения к ним, которые иногда сопровождаются мелиоративными апеллятивами (*Володя, Аркаша, Гутя, Маня, Сашъ* (вокатив от Саша); *Милый идорогой Санчикъ! Володинька, Аркашинька, Гутинька, Маничька, Рафонька, Олежикъ*).

Для писем И.С. Щеголихина характерна свободная раскованная манера повествования, проявляющаяся в использовании синтаксических конструкций (нередко безглагольных) с повторами, инверсированием, со слабой грамматической организацией, с присоединительной связью, обусловленной ассоциативным течением мысли адресанта:

Покупокъ заказывать не знаемъ чего, самъ знаешь чего подходящее и новенькое для Чердыни, то и купи;

именины уже не загорами, а рыбы в городѣ нѣтъ ни свѣжей, ни соленой, день постный, не знаю гдѣ достанемъ на пирогъ;

Ихъ немного подождали, они прямо съ парахода въ Церковь и простились, хотя прощатся было нельзя, онъ сильно разложился и лицо обложено было ватой, изъ Церкви до кладбища проводили ипѣвчіе ипорядочно народа, погода какъ разъ была хорошая и теплая, на кладбище принесли уже около часу, потомъ къ нимъ, панихида, чай ипообѣдали;

Я со смертію дяди и остатки памяти потерялъ, ничего непомню, какъ мы идѣло поведемъ, а нехотелось бы его бросать? Надежда на Васъ всѣхъ, а пока ты учишься, на Володю и Аркашу.

Неофициальность общения влечет за собой употребление разговорно-просторечных и диалектных языковых единиц: *сейчас ночью валит снѣгъ имѣтель; Сегодня ночью воды прибыло 34 саж. и плаваетъ снѣжница; Именины уже останусь дома, только опять Мамѣ тяжело достанется; послѣ именинь выѣду въ Усольѣ 15 или 16го тамъ тебѣ все для поѣздки привезу, одьялницу ишубу, или доху; О комнатѣ мы уже писали тебѣ, что если ндравится, то можешь оставить ея за собой; Овес выжали но несклали еще погода почти каждый день дожжикъ.*

Такая непринужденность общения между коммуникантами возможна

потому, что они пребывают в одном обиходно-бытовом и деловом контексте, который не требует пояснений и растолкований к реалиям, априори известным адресату. Это хорошо видно из следующего ниже фрагмента письма, где выделенные нами лексемы являются названиями пароходов: *сънимъ выѣхаль дядя Василій ипересядетъ на Александра, но Алекс. еще небываль. Сегодня проводили на Соликамскѣ первую партію 450 чел призванныхъ <...> Наслѣдники изъ Саранула вышли 15го съ 2^{мя} баржами.*

Все отмеченные нами особенности языка и стиля писем И.С. Щеголихина можно квалифицировать как признаки, типичные для естественной письменной речи [5; 6].

Свободная непосредственная манера повествования свидетельствует о том, что навыки построения эпистолярного текста у адресанта сформированы и реализуются в полном соответствии с параметрами речевой ситуации. Это касается и элементарных (орфографических, пунктуационных, грамматических) речевых компетенций. Несмотря на неофициальный характер письма, И.С. Щеголихин соблюдает практически все орфографические и пунктуационные нормы. Частными отступлениями является неустойчивость навыка слитных/раздельных написаний служебных слов со знаменательными частями речи (*иуспѣха, анадо, небудеть, въучены, изънихъ*), пропуск мягкого знака в возвратных формах инфинитива, 2-го лица ед. числа и некоторых других случаях (*начинаю утомляются, учишься, надѣяшся, письмо, одѣялницу*) и отдельные факты ошибочных написаний безударных гласных (*парахода, надѣяшся*). Ослабленным контролем за построением текста в ситуации частного общения могут объясняться отдельные случаи пропуска знаков препинания при выделении обращений и вводных слов, а также в сложных предложениях или при однородных членах. Вместе с тем встречаются знаки препинания, отражающие языковую рефлексию автора. Так, например, в контексте *Вчера и сегодня молотили – молотилкой на гумнѣ Волож., намолотили 23 мѣшка овса* постановка тире обусловлена, на наш взгляд, желанием автора уточнить способ совершения действия. А во фрагменте *Я со смертію дяди и остатки памяти потеряль, ничего непомню, какъ мы идѣло поведемъ, а нехотелось бы его бросать?* вопросительный знак употреблен не в своей нормативной функции, а помогает автору выразить опасение возможного неблагоприятного развития ситуации.

Анализ реализации речевых компетенций И.С. Щеголихина позволяет утверждать, что он, будучи из купеческой семьи, получил образование светского характера. Поскольку нам известно, что с 1789 года в Чердыни существовало малое народное училище, преобразованное в 1820 году в уездное народное училище, Иван Степанович (с учетом предположительно устанавливаемого его возраста), скорее всего, именно это учебное заведение и закончил [16].

Внешне письма И.С. Щеголихина (особенно первое) отличаются аккуратностью исполнения, отсутствием исправлений и вставок над строкой, но при этом в одном из писем (1909 г.) поля заполнены многочисленными

приписками, содержащими дополнительную информацию, которая не вошла в основной нарратив. Второе письмо выглядит более небрежным по характеру начертания букв и из-за ряда исправлений, что объясняется, вероятно, психофизическим состоянием адресанта, о чем он сам упоминает в письме. В обоих письмах наблюдается обилие разнообразных сокращений (как имен собственных, так и апеллятивов), что обусловлено частным характером общения и единой для обоих коммуникантов событийно-бытовой базой. Текст писем на листах располагается очень плотно, практически без полей, что, по мнению графологов [12], свидетельствует о бережливости и разумной расчетливости пишущего.

Анализ почерка И.С. Щеголихина позволяет получить дополнительную информацию об этой исторической языковой личности. Его почерк характеризуется следующими признаками: ровный, разборчивый, с достаточно крупными, слегка угловатыми буквами, написанными в словах без отрыва, практически без наклона, но с одинаково сильным нажимом, с сохранением четкой прямой линии строки. Учет всей совокупности признаков позволяет сформировать представление об адресанте как о человеке сдержанном и осмотрительном, но при этом волевом, очень активном и работоспособном, самодостаточном и независимом при принятии решений. По-видимому, ему свойственна отчетливо выраженная самоорганизованность, стремление контролировать и упорядочивать события окружающей действительности.

Таким образом, совокупность всех характеристик писем чердынского купца Ивана Степановича Щеголихина позволяет увидеть в нем человека деятельного как в интересах своей семьи, так и городского сообщества, достаточно для своего времени образованного, с присущими ему твердыми жизненными принципами, опирающимися на религиозные православные устои, среди которых семейные ценности для него приоритетны.

Результаты, полученные в ходе анализа частных писем И.С. Щеголихина к сыну Александру с учетом известной нам затекстовой информации, позволяют заполнить лакуну в лингвоперсонологических исследованиях по воссозданию речевого портрета носителя обыденного языкового сознания – типичного представителя провинциального купечества рубежа XIX и XX веков с присущим ему чувством ответственности за качество жизни и будущее своего сообщества.

Библиографический список

1. Ветчакова М.И. Монашеское подвижничество и мирское благочестие // Чердынский край: прошлое и настоящее: Материалы научных конференций [Электронный ресурс]. URL: <http://urbibl.ru/Knigi/cherdin/cherdinskiy-kray-31.htm> (дата обращения: 22.04.2016).
2. Володина С.Ю. Свет сердец неугасимый. – Березники, 2009. – 240 с.
3. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). Филология. – С. 24–32.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

5. Лебедева Н.Б. Естественная письменная речь: основные понятия и аспекты изучения // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19 – 21 ноября 2008 г. / Под ред. Б.И. Осипова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. – С. 12-18.
6. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. О понятии «естественная письменная речь» и перспективах ее изучения // Материалы Международной научной конференции «Проблемы динамической лингвистики», посвященной 80-летию профессора Л.Н. Мурзина, 12-14 мая 2010 года; ПГУ, Пермь, 2010 а. – С. 395-401.
7. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Портрет исторической личности на основе рукописных источников XIX века // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апреля 2014 г. / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова; ПГНИУ. – Пермь, 2014.– С. 249–255.
8. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Реконструкция исторической языковой личности (по данным эпистолярных текстов XIX века) // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона: Материалы I Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 5–7 ноября 2014 года) / Под общ. ред. Е.А. Жуковой, И.В. Ковтуненко, Е.В. Маслаковой, О.М. Холومهенко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014.– С. 309–314.
9. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Речевая культура жителей Северного Прикамья в начале XX века: материалы и исследования. – Соликамск: РТО СГПИ филиал ПГНИУ, 2015. – 377 с.
10. Любарская М.В. Религиозная благотворительность населения г.Чердыни и с. Покчи во второй половине XIX – начале XX в. // Чердынский край: прошлое и настоящее: Материалы научных конференций [Электронный ресурс]. URL: <http://urbibl.ru/Knigi/cherdin/cherdinskiy-kray-31.htm> (дата обращения: 22.04.2016).
11. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. – С.112–116.
12. Особенности почерка // Почерковедение.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://pocherkovedenie.ru/osobennosti/> (дата обращения 24.04.2015).
13. Плесовских Т.С. Лингвоперсонология в контексте антропологического подхода // Science Time. 2014. – Вып. № 4 (4). – С. 173–179.
14. Протасова Е.В. Чердынская женская гимназия: педагогический опыт и традиции (1872–1918 гг.) // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 8. – С.49–53.
15. Роднов М. И., Дегтярев А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX ВЕКА, 2008 // Судоходство в Уфимской губернии на рубеже XIX-XX веков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oldriver.ru/Page.php?PID=331&MID=165> (дата обращения: 22.04.2016).
16. Система образования на Урале и уровень образованности населения

региона до 1917 года: монография / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова, Е.В. Протасова; науч. ред. Е.В. Протасова. – Соликамск: СГПИ, 2013. – 223 с.

УДК 811.161.1

Чуйкова Е.С. Особенности языка прозы А.С. Пушкина (на материале цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»)

**Linguistic properties of A. Pushkin's fictional prose
(as exemplified in “Belkin`s tales”)**

Чуйкова Екатерина Сергеевна

НИУ «Белгородский государственный университет», г. Белгород
es_chuykova@mail.ru

Chujkova Ekaterina Sergeevna
Belgorod State University, Belgorod

Аннотация. В статье рассматриваются языковые особенности художественной прозы А.С. Пушкина. Особое внимание уделяется языковым элементам, способствующим построению минимизированного текста произведений. Цель работы заключается в выявлении способов придания текстам повестей элитарного характера. Анализ позволил сделать выводы о важной роли нравственных проблем, поднимаемых автором, философских обобщений, интертекстуальности и юмора в создании элитарной прозы.

Ключевые слова: художественная проза, А.С. Пушкин, элитарность, интертекстуальность.

Abstract. The article deals with characteristic linguistic properties of A. Pushkin fictional prose. We examine language elements that promote to development of minimized literary text. The goal of the analysis is showing up the methods of making elite texts. The obtained results prove of importance of moral questions, philosophic generalization, intertextuality and humorism of “Belkin`s tales”.

Keywords: fictional prose, A. Pushkin, elitism, intertextuality.

Литературный язык справедливо считается высшей формой существования национального языка. Именно А.С. Пушкин, опираясь на достижения русских писателей XVIII – начала XIX века, завершил становление русского литературного языка, усовершенствовал то, что сделали до него в этой области М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, И.А. Крылов, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский и др.

Неслучайно с именем А.С. Пушкина связывается само понятие современного русского литературного языка. В.В. Виноградов отмечал, что «произведения крупных писателей всегда ориентированы на общую систему литературного языка данного времени. Их стиль так или иначе соотнесен и связан с литературной нормой выражения». Кроме того, «в личном стиле отражаются и сказываются свойства и строение национального языка,

отражаются многие типические черты стиля эпохи» [4, с. 162].

Очевидно, что анализ языка пушкинских произведений дает много любопытнейших фактов и с позиции особенностей развития индивидуально-творческого метода писателя, и с точки зрения истории развития русского литературного языка в целом.

По мнению Л.А. Булаховского, при осуществлении языкового отбора А.С. Пушкин опирался на два важнейших принципа – «соразмерности» и «сообразности», что подразумевает соответствие «общим свойствам грамотности, типу коммуникации, жанру, народности, реалистичности изображения, содержанию и индивидуализации образов, прежде всего соответствию внешнего и внутреннего мира литературного героя» [2, с. 255].

До А.С. Пушкина, как утверждает В.М. Бельдиян, «многословная» русская литература страдала бедностью мысли, у него же появляется краткость при богатом содержании. Вследствие этого характернейшей чертой произведений классика стало особое построение минимизированной речи, вызывающее масштабную художественную пресуппозицию, то есть подразумеваемое содержание [1, с. 71].

Язык прозы Пушкина отточен настолько, что в нем нет места ничему лишнему, второстепенному: повествование отмечено стремительностью действия, отсутствием пространных описаний, развернутых метафор. Данные особенности влияют как на художественную выразительность, так и на специфику структуры предложений в пушкинской прозе.

А.С. Пушкин в своем творчестве синтезирует все стороны русской языковой культуры, беря за основу своего авторского метода общенародный язык. Этот факт нашел отражение в цикле «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Отметим, что здесь просторечные элементы редко обладают дополнительной стилистической нагрузкой или экспрессивностью: это более справедливо в отношении стилизаций и речевой характеристики персонажей. Например, высказывания работницы Адрияна Прохорова:

Что ты, батюшка? Не с ума ли спятил, али хмель вчерашний еще у тя не прошел? Какие были вчера похороны? Ты целый день пировал у немца, воротился пьян, завалился в постелю, да и спал до сего часа, как уж к обедне отблагостили («Гробовщик»).

А.И. Федоров отмечает, что, несмотря на частое обращение Пушкина к народно-разговорной речи, в его произведениях редко встречаются диалектизмы, профессионализмы и жаргонизмы [9, с. 90]. В «Повестях Белкина» исключение составляет, пожалуй, лексика карточных игр в «Выстреле»: *понтер, сел метать, загнул лишний угол.*

Уже первые критики «Повестей» отмечали их неоригинальность, прозаичность тем и сюжетов, граничащих с пошлостью. Так, Ф. Булгарин назвал пушкинские новеллы «анекдотами (из коих некоторые давно известны)» [3]. Кроме того, исследователи до сих пор дополняют список произведений и сюжетов, послуживших основой для цикла: комедии нравоучительные и сентиментальные, повести «справедливые» или «полусправедливые» – особый литературный жанр, анекдот, правдивость которого специально оговаривалась.

Несомненно, что все эти литературные образцы уже не были актуальны для читателей первой половины XIX века: А.С. Пушкина целенаправленно обратил внимание на «низовую» литературу, но отказался от всего устаревшего в ней и активизировал ее художественные возможности, в то же время не отказываясь от сюжетов, на взгляд критиков, граничивших с пошлостью.

Однако при этом тексты повестей далеки от прозаичной пошлости. Их стиль соответствует самым высоким требованиям подлинно художественной литературы. Элитарность пушкинских произведений очевидна. Соединение этих двух совершенно разнородных тенденций порождает вопрос: какие средства придают прозе А.С. Пушкина элитарный характер, превращают их в лучшие образцы русской классической литературы?

Во-первых, не вызывает сомнений стремление писателя к изображению нравственных идеалов. По замечанию Н.Н. Петруниной, повести представляют собой роман-воспитание в миниатюре [6, с. 50].

Во-вторых, повести отличаются глубочайшими социально-философскими обобщениями:

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или по крайней мере муромским разбойникам? («Станционный смотритель»)

В-третьих, «Повести Белкина» насыщены аллюзиями, реминисценциями, отсылками к произведениям мировой культуры. Иными словами, на элитарность произведения влияет его интертекстуальность.

Для А.С. Пушкино характерно стремление обогатить повести текстовыми реминисценциями – «осознанными или неосознанными, точными или преобразованными цитатами или иного рода отсылками к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [8, с. 26]. Частота использования текстовых реминисценций, умение их употреблять в соответствии с коммуникативными целями, количество и жанровая отнесенность текстов, выступающих в качестве основы для реминисценций, играют важную роль при характеристике индивида как языковой личности.

Важно, что интертекстуальность в «Повестях» различается по степени информативной насыщенности: она максимальна в эпиграфах, предшествующих каждой главе. Строки из творений Д.И. Фонвизина, Е.А. Баратынского, А. Бестужева-Марлинского, В.А. Жуковского, Г.Р. Державина, П.А. Вяземского, И.Ф. Богдановича расширяют смысловой объем пушкинских текстов за счет отсылки к другим макротекстам.

Более того, интертекст помогает автору в создании образа читателя – человека образованного, начитанного, знающего языки: в новеллах встречаются выражения *bonnet de police* (франц. «полицейская шапка»), *the honey-moon* (англ. «медовый месяц») («Выстрел»), *Vive Henri-Quatre* (франц. «Да здравствует Генрих четвертый»), *unsere Kunden* (нем. «наши клиенты») («Гробовщик»), *nota nostra manet* (лат. «наше замечание остается в силе») и др.

В повестях большую роль играют аллюзии:

Музыка играла завоеванные песни: Vive Henri-Quatre, тирольские вальсы и арии из Жоконда («Метель»).

Одним предложением писатель изображает целую историческую эпоху – время Отечественной войны и заграничных походов 1814 года, после которых на русскую почву и хлынули «завоеванные» образцы французского искусства.

Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux («Метель»).

Показательно, что Бурмин в момент решительного объяснения использует заимствованный язык, который легко узнала героиня. По мысли О.Я. Поволоцкой, язык любви европейца направлен на бесповоротный отказ от своего счастья, а вовсе не на завоевание счастья [7, с. 165]. Вспомним, что Марья Гавриловна также намеревалась отказать Бурмину («*Она приуговаривала развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения*»). Каждый из них по-своему оправдывает невозможность любви и свободы.

Далее, о художественности литературы мы можем говорить только при создании автором образа читателя и построении диалога с ним. Пушкин адресует свои тексты человеку образованному, способному декодировать «зашифрованные» в текстах «инородные» произведения. Все это способствует масштабному изображению ситуации при экономии языковых средств:

Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробоконателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение («Гробовщик»).

Жизненная мудрость и смекалка позволяют читателю предугадать развитие сюжета:

Алексей (читатель уже узнал его)... пристально глядел на молодую крестьянку («Барышня-крестьянка»).

Особенностью пушкинского обращения является тонкая назидательность: он хочет пробудить в читателе чувство сострадания и гуманности, отказываясь при этом от прямых назиданий и пользуясь приемом «от противного»:

[*Станционный смотритель*]...*огражден своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей)* («Станционный смотритель»).

А.С. Пушкин стремится к воспитанию читательского вкуса, его эстетической составляющей:

Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры; но знаю, что большая часть моих читателей не разделила бы со мною моего удовольствия... («Барышня-крестьянка»).

Очевидна ироничность данного высказывания: для романов начала XIX века характерны подробнейшие описания любовных переживаний и излиятий души, а для А.С. Пушкина, как уже было сказано, важнейшей оказывается установка на содержательность и максимальную краткость повествования при оглядке на якобы утонченный вкус его деликатного и сдержанного читателя.

Несомненно, что пронизывающий повести тончайший юмор также придает элитарный характер пушкинским творениям. Ироничные замечания часто затрагивают сферу сословных условностей и общественных отношений:

...я оробел и ждал графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра («Выстрел»).

...золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя («Барышня-крестьянка»).

Юмор помогает писателю в характеристике персонажей и среды:

Пили по-обыкновенному, то есть очень много («Выстрел»). Одно предложение дает представление о порядках, царивших в армии XIX столетия, обрисовывает нравы офицеров, прозябающих в уездных гарнизонах.

Элитарность пушкинской прозы придает и краткость как способ сгущения содержания. А. Лежнев утверждает, что «предел, к которому стремится прозаическая фраза Пушкина, это существительное плюс глагол, нагая фраза без украшений. Он нередко подходит к ней очень близко, а иногда и вплотную» [5, с. 13]:

...пробки хлопали поминутно, стаканы пенились и шипели беспрестанно... («Выстрел»).

Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом... («Метель»).

Все окна были открыты; свечи горели; священники читали молитвы («Гробовщик»).

В подобных конструкциях особую нагрузку выполняет глагол, что сообщает сюжету дополнительную динамику.

Функцию «сжатия» текста выполняют и сравнения разного типа. А.С. Пушкину, чтобы создать яркий образ, достаточно лишь упомянуть о знакомом читателю предмете:

Стены его комнаты были все источены пулями, все в скважинах, как соты пчелиные («Выстрел»).

Сравнения участвуют и в создании образов героев, передаче их эмоционального состояния:

Часто сравнения помогают передать и эмоциональное состояние героев:

Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти («Метель»).

В данном примере сравнение обладает исключительной силой, создающей яркий образ героя, для которого, действительно, эта ночь стала роковой.

...что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? («Станционный смотритель»).

Лексема *красться* – «пробирается тайком, стараясь быть незамеченным» [10] усиливает оценочность сравнения: намерение Вырина вернуть дочь домой Минский рассматривает как разбойничьи).

Необходимо особо отметить интерес А.С. Пушкина к национальной культуре и быту. В «Выстреле», «Метели», «Барышне-крестьянке» возникает образ провинциальной дворянской усадьбы. Кроме того, в повестях

встречаются и более тонкие приметы быта XIX века:

Она...несколько раз потом качала головою, наподобие глиняных котлов («Барышня-крестьянка»).

Лиза, выдавая себя за крестьянку, опирается на опыт массовой смеховой культуры и погружается в мир культуры народной.

Таким образом, общенародный язык стал основой языка прозы А.С. Пушкина, что открыло доступ этой ранее ограниченной сферы к литературному языку. В «Повестях Белкина» ярко проявляется стихия народно-разговорной речи, но ее элементы подвергаются строжайшему отбору в соответствии с принципами «соразмерности и сообразности».

Отличительная черта прозы А.С. Пушкина – ее элитарный характер, создавать который помогают поднимаемые автором нравственные проблемы, философские обобщения, интертекстуальность, утонченный юмор.

Библиографический список

1. Бельдиян В.М. Загадка гения: Пушкин и литературный язык // Вестник Омского университета. – 1998. – Вып. 4. – С. 70-73.
2. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. – М., 1957.
3. Вацуро В.Э. О «Повестях Белкина» [Электронный ресурс]. – 1981. – Режим доступа: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/pushkin-i-ego-vremya/148-vatsurov-e-o-rovestyakh-belkina>
4. Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. – М.: Изд-во «Наука», 1978.
5. Лежнев А.З. Проза Пушкина: Опыт стилистического исследования. – Изд. 2-е. – М.: Художественная литература, 1966.
6. Петрунина Н.И. Проза Пушкина и пути ее эволюции [Электронный ресурс] // Русская литература. – 1987. – №1. – Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=X_C15eiUAxM%3D&tabid=10358
7. Поволоцкая О.Я. «Метель»: Коллизия и смысл // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / Рос. АН ИМЛИ им. А.М. Горького. Пушкин. комис. – М.: Наследие. Вып. III. – 1996. – С. 152-168.
8. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М.: Academia. – 2000.
9. Федоров А.И. Пушкин – преобразователь русского литературного языка. Новосибирск: ВО «Наука». – 1993.
10. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2014.

УДК 811.161.1

Коновалова И.Е. Просторечные языковые единицы как элементы речевого портрета женщин в произведениях А.П. Чехова

Vernacular language units as elements of women's speech portrait in the works of Anton Chekhov

Коновалова Ирина Евгеньевна

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

irina.freze@mail.ru

Konovalova Irina Evgen'evna

North Caucasus Federal University, Stavropol

Аннотация: Статья посвящена просторечиям как элементам речевого портрета в произведениях А.П. Чехова. Автор анализирует фонетические, морфологические, лексические единицы просторечия в речи женщин. В результате чего, приходит к выводу, что просторечные лексемы, как правило, чаще используют малообразованные женщины в возрасте.

Ключевые слова: просторечия, речевой портрет, женщины, А.П. Чехов.

Abstract: The article is devoted to the vernacular speech as a means of creating a speech portrait in the works of Anton Chekhov. The author analyzes the phonetic, morphological, lexical vernacular speech in women. The author concludes that the vernacular speech often use poorly educated older women.

Key words: vernacular, speech portrait, women, Anton Chekhov.

В литературе речевой портрет является средством создания художественного образа. Речевой портрет – это реализация в речи языковой личности человека, то есть представление в речи «многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [2, с. 32]. Языковая личность в свою очередь определяется Ю.Н. Карауловым как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [3, с. 3].

Взаимодействие литературного языка и просторечия является одной из особенностей жизни русского народа на рубеже XIX и XX веков. Эта тенденция нашла отражение в произведениях А. П. Чехова.

Для начала разберемся, что же понимается под просторечием в современной лингвистике. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под просторечием понимается «одна из форм национального языка, наряду с

диалектной, жаргонной речью и литературным языком; вместе с народными говорами и жаргонами составляют устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык; имеет наддиалектный характер. Просторечие, в отличие от говоров и жаргонов, – общепонятная для носителей национального языка речь» [4, с. 402]. Стоит отметить, что в современном просторечии выделяются два временных пласта – пласт старых, традиционных средств, отчетливо обнаруживающих свое диалектное происхождение, и пласт сравнительно новых средств, пришедших в просторечие преимущественно из социальных жаргонов. В соответствии с этим различают просторечие-1 и просторечие-2. Для нашего исследования представляют интерес только просторечия-1, так как они занимают промежуточное положение между литературным языком и территориальными диалектами, и именно просторечия данного типа встречаются в произведениях А. П. Чехова.

Просторечия появляются в текстах писателя по необходимости. Они нужны автору, прежде всего, для передачи особенностей речи сельских жителей. Как правило, в художественных произведениях эту функцию выполняют диалектизмы. Но введение в литературу диалектизмов, а тем более увлечение ими противоречило эстетическому идеалу Чехова, о чем он неоднократно говорил в письмах-рецензиях.

В произведениях А. П. Чехова нами были выявлены фонетические, морфологические, лексические единицы просторечия.

Наиболее часто в своей речи героини используют фонетические просторечные единицы (заимствованные слова и собственно русские, усвоенные из литературного языка с нарушением фонетического облика). В рассказе «Кухарка женится» Аксинья говорит: «Тебе бы всё с почтальонами да *лепетиторами* перемигиваться!» [6, Т.4, с.137]. Вместо литературного «репетитор» героиня использует «лепетитор», видимо, по аналогии «коридор» – «колидор». Употребляет в своей речи подобные лексемы и сваха Лукинишна (рассказ «Дура, или капитан в отставке»): «Есть у меня одна дурочка, да не знаю, *пондравится* ли...» [6, Т.2, с.233]. И далее: «Богатый купец, красивый, *алигантный*, словно молоденький офицерик» [6, Т.2, с.234]. С точки зрения норм литературного языка эти слова должны произноситься «понравится» и «элегантный» соответственно.

Неправильно употребляют заимствованные слова и представительницы так называемой «знати». Например, мамаша девицы Подзатылкиной («Перед свадьбой») называет своего мужа «*тютюлярным*», а не титулярным советником. А молодая девушка Надежда («И то и се») в письме к своей подруге пишет: «Ах Катечка сколько у нее *брильянтов!* <...> На сцене пили настоящее *шинпанское!*» [6, Т.1, с.107]. Согласно правилам русского языка эти слова должны писаться как «бриллианты» и «шампанское».

В незначительном количестве употребляют чеховские персонажи лексические единицы просторечия (лексемы, имеющие в словарной статье помету «просторечное»): *давеча*, *блажь*, *завалыщая*. Приведем пример. Жена лавочника Кузьмы Егорова («Суд») спрашивает у мужа: «Это не те [деньги –

И.К.], что ты *давеча* искал?» [6, Т.1, с.98]. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова приводится такое толкование: «ДАВЕЧА, нареч. (простореч.). Недавно» [5, с. 646.]

В рассказе «Кухарка женится» старуха нянька Аксинья Степановна говорит кухарке Пелагее: «*Блажишь!* Какого лешего тебе еще нужно?» [6, Т.4, с.137]. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля находим: «БЛАЖЬ – ж. дурь, шаль, дурость; в просторечие же: благовать, -ся, дурить, дурачиться, шалить, баловать, проказить, упрямиться; сумасбродить, сходить с ума, бредить, грезить наяву, нести вздор, чепуху» [1, с. 84]. В рассказе «Дура, или капитан в отставке» сваха Лукинишна обращается отставному капитану Соусову: «Зачем *завалящую*? За тебя, батюшка, и не *завалящая* пойдет» [6, Т.2, с.232]. В Толковом словаре В.И. Даля значится: «заваля(ю)щий, дрянной, кинутый, брошенный; в просторечие же: плохой, совсем непригодный, никому не нужный» [1, с. 498].

Теперь рассмотрим морфологические лексемы просторечия. Так, они встречаются в речи старухи Лукинишны (рассказ «Дура, или капитан в отставке»): «Образования *в ней* нет, что ли?» [6, Т.2, с.232]. Здесь видим неправильное сочетание местоимения с предлогом, к тому же форма местоимения тоже выбрана неверно. В соответствии с нормами русского языка эта фраза должна звучать следующим образом: «образования у нее нет, что ли?». Приведем еще один пример: «И страх в ней *от родителей* вложен, и в церковь ее водят, и в хозяйстве, ежели что...» [6, Т.2, с.233]. Помимо выше разобранных случаев (в ней) здесь неправильно образована падежная форма существительного «родители». Вместо правильной формы «от родителей» сваха произносит просторечное «от родителей».

Однако находим примеры просторечий данного типа в речи «образованных» девушек на выданье и их родительниц. Невеста Дашенька Мымрина из рассказа «Брак по расчету» произносит известную многим фразу: «Они *хочут* свою образованность показать и всегда говорят о непонятном» [6, Т.3, с.99]. Видим, что вместо литературной формы «хотят», героиня произносит просторечное «хочут». Объяснение этому факту находим в словах матери Дашеньки: «Слава богу, прожили век без образования и вот уж, благодарить бога, третью дочку за хорошего человека выдаем» [Там же]. Она же своей речи тоже допускает ошибки: «Кроме того, что мы тысячу рублей, мы три салопа даем, *постелю* и вот эту всю мебель!». Здесь неверно выбрана падежная форма слова «постель» [Там же]. Надежда из рассказа «И то и се» допускает ту же ошибку в своем письме, что мадам Мымрина: «*О платьи* ее передам на словах...» [6, Т.1, с.107]. Причина наличия ошибок кроется в ее «хорошем образовании». Подтверждение этому находим в словах самой Надежды: «очень странно Катя я говорю отлично по французски но ничего не поняла что говорили на сцене актеры говорили как то иначе» [Там же].

Таким образом, мы видим, что лексиконе чеховских героинь фонетические (6) и морфологические (5) просторечные лексемы преобладают над лексическими (3) практически в два раза.

Как правило, просторечные языковые единицы используют

необразованные или малообразованные женщины в возрасте: нянька Аксинья, сваха Лукинишна, мать Дашеньки Мырминой (хотя она и относит себя к категории «господ»). Но встречаются они и в речи молодых девушек (Дашенька, Надежда).

Женщины, принадлежащие к высшим слоям общества, получившие должное, качественное образование просторечные лексемы не употребляют вовсе.

Библиографический список

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1863-1866. – Т.1.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
3. Караулов Ю. Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М., 1989.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. – М.: «Терра», 1996. – Т. 1.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М., 1974-1982. – Т.1, Т.2, Т.3, Т.4.

УДК 811.161.1

Коновалова И.Е. К речевому портрету представительниц интеллигенции (на материале прозы А.П. Чехова)

Addition to the speech portrait of representatives of the intelligentsia in the material of prose Anton Chekhov

Коновалова Ирина Евгеньевна

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
irina.freze@mail.ru

Konovalova Irina Evgen'evna

North Caucasus Federal University, Stavropol

Аннотация: Статья посвящена речи представительниц интеллигенции в произведениях А.П. Чехова. Автор описывает средства создания речевого портрета героинь (книжная лексика, французские слова, сложный синтаксис). В результате взаимодействия языковых средств разных уровней языка представлен комплексный речевой портрет героинь в прозе А.П. Чехова.

Ключевые слова: речевой портрет, интеллигент, женщины, А.П. Чехов.

Abstract: Article focuses on the speech of representatives of the intelligentsia in the works of Anton Chekhov. The author describes the tools for creating a speech portrait characters (book vocabulary, French words, complex syntax). As a result of the interaction of linguistic resources of different levels of language presents a comprehensive portrait characters in the prose of Anton Chekhov.

Key words: speech portrait, intellectual, women, Anton Chekhov.

Речевой портрет представителя интеллигенции, в произведениях А.П. Чехова, противоположен речи человека из народа. Их речь более литературна, нормативна, ее особенности выявляются лишь в сопоставлении с речью простых людей и характеризуются как «минус-приемы» (Ю.М. Лотман), или значимое отсутствие.

Писателя интересуют не только характерные черты, позволяющие отнести речь героя к данному социальному кругу. По мнению О.М. Моргулевой, А.П. Чехов с большим вниманием относится к речевым фактам, обусловленным, во-первых, психо-эмоциональным состоянием героев и, во-вторых, связанным с идеологической или морально-этической составляющей образа.

Основной пласт словаря интеллигенции составляет книжная лексика. Глаз читателя не цепляется за необычные, непривычные слова. Наоборот, все кажется правильным, привычным, таким, каким должно быть в литературном языке. Именно поэтому речь интеллигенции кажется на первый взгляд нейтральной. Однако именно это и позволяет автору проникать во внутренний мир персонажа, исследовать процессы, проходящие в его сознании, анализировать его душевное и психическое состояние.

Примеры книжной лексики находим в речи Натальи Гавриловны («Жена»). Участвуя в беседе мужчин, она говорит: «*Для их (равнодушных людей – И.К.) тщеславия нет ничего святого*» [3, Т.7, с.466]. В Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова слово «тщеславие» имеет помету «книжное»: «**ТЩЕСЛА́ВИЕ**, тщеславия, мн. нет, ср. (*книжн.*). Пустое высокомерие, кичливость, желание быть предметом славы, почитания» [2, Т.4, с.836]. Своего мужа Павла Андреевича она упрекает: «...а я, по вашей милости, *тунеядица, погибаю в праздности...*» [3, Т.7, с.475]. Слова «праздность», «тунеядица» (тунеядец) в Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова так же относятся к книжной лексике. **ТУНЕЯДЕЦ**, дца, м. (*книжн.*). Человек, живущий на чужой счет, чужим трудом, бездельник, паразит, дармоед [2, Т.4, с.828]. **ПРАЗДНОСТЬ** [зн], и, мн. нет, ж. (*книжн.*). 1. Отвлеч. сущ. к праздный. 2. Праздная жизнь, праздное времяпрепровождение, безделье [2, Т.3, с.700].

В речи Ариадны, героини одноименного рассказа, так же встречается книжная лексика. Так, она говорит Шамохину: «*Это ложь во спасение*» [3, Т.9, с.120]. По данным Большого словаря русских поговорок выражение «ложь во спасение» относится к книжной лексике: «**ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ**. *Книж.* Искупительная ложь, ложь ради спасения кого-либо. Выражение из Библии» [1, с.368].

Окружающие отмечали, что Ариадна поэтична и возвышена. В частности, Михаил Иванович Лубков говорил: «*Пусть Ариадна Григорьевна, как вы говорите, поэтична и возвышена, но это не значит, что она должна быть вне законов природы*» [3, Т.9, с.114]. Илья Ильич Шамохин отмечал благородные черты Ариадны: «...меня прежде всего поразило ее редкое и красивое имя — Ариадна. Оно так шло к ней! Это была брюнетка, очень худая, очень тонкая, гибкая, стройная, чрезвычайно грациозная, с изящными, в

высшей степени благородными чертами лица» [3, Т.9, с.110].

Присутствуют элементы книжной лексики и в речи Надежды Федоровны Знаменской («Рассказ неизвестного человека»). Так, она говорит Георгию Ивановичу Орлову: *«Вы, Жорж, не верите в бога, а я немножко верую и боюсь возмездия»* [3, Т.8, с.152]. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова находим следующее толкование **«ВОЗМЕЗДИЕ**, я, мн. нет, ср. (*книжн.*). Отплата, мзда, кара, наказание за какой-н. поступок [2, Т.1, с.341].

Кроме нейтральной и книжной лексики женщины из высшего общества употребляют в свое речи французские слова. Также очень часто А.П. Чехов вкрапляет французские слова в речь малообразованных персонажей с юмористической целью (например, рассказ «Письмо ученому соседу»). Поэтому следует особо подчеркнуть, что «маркёром» речи интеллигенции является не столько наличие французских слов в речи, сколько правильное (оригинальное, а не обрусевшее) произношение, а также уместное употребление французских слов.

Чеховские героини не только знают французский язык, но и употребляют французские слова в речи (как устной, так и письменной), при этом дается перевод слов. Ариадна Григорьевна («Ариадна»), когда Лубков постучался к ней в номер, говорит ему: *«Entrez!»* [3, Т.9, с.123], что с французского означает «войдите». Елена Егоровна Стрелкова («Барыня») обращается к своему управляющему Феликсу Адамовичу Ржевецкому: *«Finissez donc! <...> Finissez, Ржевецкий!»* [3, Т.1, с.254], что переводится как «кончайте же». Наталья Гавриловна («Жена») благодарит мужа по-французски: *«Да, да... Merci»* [3, Т.7, с.486]. Героиня заметки «Из дневника одной девицы» пишет: *«Жулик... quel...»* [3, Т.2, с.267]. «*Quel*» в переводе на русский язык значит «какой».

Встречаются также в текстах указания автора на то, что ту или иную фразу героиня сказала на французском языке. Так, в рассказе «Анна на шее» в описании поведения Анны отмечено: *«Заметив, что на нее смотрит Артынов, она кокетливо прищурила глаза и заговорила громко по-французски, и оттого, что ее собственный голос звучал так прекрасно...»* [3, Т.9, с.164]. Далее в тексте встречаем еще одно подтверждение того, что Анна знала французский язык: *«Ее покойная мать <...> одевала ее изящно, как куклу, и научила ее говорить по-французски и превосходно танцевать мазурку»* [3, Т.9, с.168].

Зинаида Федоровна Красновская («Рассказ неизвестного человека») с Георгием Ивановичем Орловым разговаривала по-французски, на что нам указывает автор. Приведем пример: *«...Вчера я выдержала целую баталию, — продолжала она по-французски»* [3, Т.8, с.151]. И далее: *«Затем она, продолжая говорить по-французски, рассказала, как вчера разошлась с мужем, и ее глаза то наполнялись слезами, то смеялись и с восхищением»* [3, Т.8, с.151]. Еще пример: *«Когда садились обедать, Зинаида Федоровна сказала Орлову по-французски:— У нас завелись духи. Я сегодня потеряла в передней кошелек, а сейчас, гляжу, он лежит у меня на столе»* [3, Т.8, с.161]. Степану она говорит: *«Это мои bijoux»* [3, Т.8, с.196], что в переводе означает «драгоценности». А вот как подтверждение того, как она сама оценивает свои знания французского языка: *«Наш свет и пошел, и пуст, но зато мы с вами хоть*

порядочно говорим по-французски, кое-что почитываем...» [3, Т.8, с.178].

О том, что Нина Ивановна («Невеста») разговаривает по-французски, читатель узнает от Александра Тимофеевича (гостя Шуминых). Он говорит Наде: «...ведь мама (мама Нади – И.К.) небось **по-французски говорит**, в спектаклях участвует» [3, Т.10, с.203].

Представительницы интеллигенции, получившие должное, качественное образования не используют просторечные и диалектные языковые единицы. В то время как женщины из народа активно употребляют данные лексемы в своей речи. Это еще раз подтверждает тот факт, что речевой портрет дам из высшего общего является полной противоположностью речевой характеристики простых женщин из народа.

В то же время слова лексико-семантического поля «религиозная этика» являются характерными как для речи простых женщин из народа, так и для представительниц интеллигенции. Приведем конкретные примеры.

Так, подобная лексика встречается в речи героини рассказа «Бабье царство» Анны Акимовны: «**Ну, бог милостив**» [3, Т.8, с. 269]. Или: «**Право, за это даже бог накажет**» [3, Т.8, с.276]. Другая героиня рассказа, тетушка Варвара, просит свою племянницу Анну Акимовну: «**Прости его, уж бог с ним!**» [3, Т.8, с.272].

Героиня повесть «Три года» Нина Федоровна просит Юлию Сергеевну: «**Если, не дай бог, умру, возьмите к себе моих девочек**» [3, Т.9, с.30]. В свою очередь в речи Юлии Сергеевны встречаем такие выражения как «**бог знает**» [3, Т.9, с.59,61], «**клянусь богом**» [3, Т.9, с.60], междометие «**ей-богу**» [3, Т.9, с.68] и другие.

Ольга Михайловна («Именины»), провожая гостей, стояла на крыльце и говорила: «**Становится немножко свежо. Не дай бог, простудитесь**» [3, Т.7, с.188]. Героиня повести «Дуэль» Марья Константиновна восклицает: «**Что вы говорите! Ради бога, что вы говорите!**» [3, Т.7, с.400]. Или обращается к Надежде Федоровне: «**Неужели вы думаете, что я отпущу вас без ужина? Закусим, тогда и с богом**» [3, Т.7, с.418]. В свою очередь Надежда Федоровна в своей речи употребляет такие выражения: «**ей-богу**» [3, Т.7, с.400], «**ради бога**» [3, Т.7, с.417].

Противопоставление речи представительниц интеллигенции и женщин из народа следует отметить не только на уровне лексики, но и на синтаксическом уровне. Речь дам «из высшего общества» характеризуется более сложным синтаксисом: сложные предложения используются чаще, чем простые; реже встречаются неполные предложения; присутствуют причастные и деепричастные обороты, а также ряды однородных членов.

Приведем примеры. Так, в речи Зинаиды Федоровны Красновской («Рассказ неизвестного человека») преобладают сложные предложения. Например, она рассказывает Георгию Ивановичу Орлову: «**Когда долго путешествуешь и потом приедешь в отель, то все еще не верится, что уже не надо ехать**» [3, Т.8, с.151]. И далее: «**Все хорошо, что хорошо кончается, но, прежде чем кончилось хорошо, сколько было горя!**» [Там же]. Встречаются в ее речи и предложения с однородными членами: «**Но я умею делать два дела**

разом: и читать, и слушать» [Там же]. *«Бог требует от нас терпения, великодушия, самопожертвования, а я вот отказываюсь терпеть и хочу устроить жизнь на свой лад»* [3, Т.8, с.152].

Сложные предложения с однородными членами присутствуют и в речи Ариадны Григорьевны («Ариадна»): *«Что ни говорите, а в титуле есть что-то необъяснимое, обаятельное...»* [3, Т.9, с.112]. Кроме того, она употребляет в своей речи простые полные предложения: *«Завтра я представлю вас здесь одному русскому семейству»* [3, Т.9, с.120]. И далее: *«Его мать и жена просто ужасны»* [Там же].

Причастные обороты встречаются в речи Натальи Гавриловны («Жена»): *«...есть люди совершенно равнодушные, лишенные всякого чувства сострадания, но которые не проходят мимо человеческого горя и вмешиваются из страха, что без них могут обойтись»* [3, Т.7, с.466]. Кроме того, ее речи свойственны сложные предложения с однородными членами: *«Вы прекрасно образованны и воспитаны, очень честны, справедливы, с правилами, но всё это выходит у вас так, что куда бы вы ни вошли, вы всюду вносите какую-то духоту, гнет, что-то в высшей степени оскорбительное, унижительное»* [3, Т.7, с.483]. И далее: *«Есть такая нравственность и такой закон, чтобы молодая, здоровая, самолюбивая женщина проводила свою жизнь в праздности, в тоске, в постоянном страхе и получала бы за это стол и квартиру от человека, которого она не любит»* [Там же]. Также в ее речи присутствуют неполные простые предложения с однородными членами: *«Уйду в монастырь, во вдовый дом, в богадельню...»* [3, Т.7, с.475].

Изучив, средства создания речевой характеристики представительниц интеллигенции отметим, что все они выбраны А.П. Чеховым неслучайно. К маркерам речи интеллигенции относятся французские слова, книжная лексика, а также более сложно организованный синтаксис. Взаимодействие этих языковых средств служит подтверждением социальной принадлежности, а также свидетельствует об уровне полученного образования.

Библиографический список

1. Макиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М., 2007.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. – М.: «Терра», 1996. – Т. 1, 3, 4.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М., 1974-1982. – Т.1, Т.2, Т.7, Т.8, Т.9, Т.10.

УДК 811.161.1

Кошарная С.А. Феномен констрата и его проявления в диалектной фитонимической лексике Белгородской области*

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 16-14-31002 (региональный конкурс) «Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины к. XX – нач. XXI вв.».

The phenomenon of constrata and its manifestations in names of plants in the dialects of Belgorod region

Кошарная Светлана Алексеевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(г. Белгород)

fotonija@mail.ru

Kosharnaya Svetlana Aleksyeevna

National research Belgorod state University (Belgorod)

Аннотация: Особое географическое, а как следствие – лингвокультурное, положение Белгородской области (близость границы с Украиной, смешанный состав населения) обусловило наличие констратных наименований в говорах региона, проникновение большого количества украинизмов в лексику белгородских диалектов. В результате межъязыкового взаимодействия в структуре семантических групп имеют место факты лексического параллелизма, что обуславливает развитие в говорах лексической вариативности.

Ключевые слова: диалект, констрат, диалектизм, украинизм, регионим, фитоним.

Abstract: Special geographical, and as a consequence, linguistic and cultural, the position of the Belgorod region (near the border with Ukraine, a mixed composition of the population) led to the presence of constratny names in the dialects of the region, the penetration of a large number of ukrainianism in vocabulary Belgorod dialects. The result is cross-language interoperability in the semantic structure of groups there are cases of lexical parallelism, which causes the development in the dialects lexical variation.

Key words: dialect, constrat, dialecticism, ukrainianism, regionem, the name of the plant.

История возникновения и развития белгородских говоров неизменно детерминирует наше обращение к понятию *констрата* «как особого вида взаимодействия народов (племен) при содружественном мирном обитании на общих землях» [Фёдорова 1996: 69]. Как справедливо отмечают авторы коллективной монографии «Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области)» [2001: 6], «региональный язык – неоднородное языковое образование, остро нуждающееся в уточнении границ, поскольку в нем представлены и нормированный литературный язык, и городское и сельское просторечие, и говоры и диалекты, распространенные на данной территории, и переходные явления (например, факты, свидетельствующие о перерождении былых диалектов в региолекты), социолекты, жаргоны, явления смешения и контаминации контактирующих русского и украинского языков (суржик) и др.». И здесь следует отметить так называемое «маргинальное» положение белгородских диалектов в системе говоров южнорусского наречия. Особое географическое, а как следствие – лингвокультурное, положение Белгородской области (близость границы с Украиной, смешанный состав населения) обусловило наличие констратных наименований в говорах региона, проникновение большого количества

украинизмов в лексику белгородских диалектов: *будя́к* (Борисов., Ровеньск., Старооск., Чернян.), ср. в укр. *будяк* – ‘колючая трава’; *бу́льба* (Шебекин.), при белорус. и укр. *бульба* – ‘картофель’; *бура́к* и *бура́к* (Валуйск., Волокон., Грайворон., Губкин., Краснен., Красногвард., Новооск., Прохоров., Ракитян., Старооск., Чернян., Шебекин., Яковлев.), ср. укр. *бурак* – ‘свекла’; *верба́* (Красноярж., Старооск., Чернян.), в укр. *верба́* – ‘верба’; *вильха́* (Ровеньск., Чернян.), ср. укр. *вильха* – ‘ольха’; *глод* (Ракитян.), при укр. *глод* – ‘боярышник’; *дереве́й* (Ракитян.), ср. в укр. *деревий* – ‘тысячелистник’; *ду́ля* (Прохоров.), ср. укр. *дуля* – ‘груша’; *ожу́на* (Красногвард., Ровеньск., Староосольск.), в укр. *ожина* – ‘ежевика’; *очире́т* (Красногвард., Ровеньск., Чернян.), при укр. *очирэт* – ‘камыш, тростник’; *начары́ца* (Чернян.), ср. укр. *печериця* в том же значении ‘гриб шампиньон’; *репья́х* (Борисов., Красногвард., Ровеньск., Чернян.), ср. укр. *реп'ях* в том же значении ‘репейник’; *со́няшник* – ‘подсолнечник’ (Чернян.), ср. укр. *сонышник* в том же значении; *шипши́на/шанши́на* (Новооск., Чернян.), ср. в укр. *шипшина* – ‘шиповник’; *цибу́ля* (Алексеев., Борисов., Валуйск., Вейделев., Грайворон., Красногвард., Новооск., Прохоров., Ракитян., Ровеньск., Чернян.), ср. укр. *цибуля* – ‘лук’.

В результате межъязыкового взаимодействия в структуре семантических групп имеют место факты лексического параллелизма (в пределах одного говора или в непосредственно соседствующих и взаимодействующих диалектах, то есть в системах, связанных непосредственной речевой практикой), что обуславливает развитие в говорах лексической вариативности (и/или синонимии). Лексические параллели «русизм – украинизм» чаще всего представляют собой однокорневые образования, различающиеся в элементах словообразовательной структуры или проявляющие различия в области грамматики, например: *ботва* – ‘листва и стебли картофеля’ (Шебекинск.) – *ботвы́ння* (Ровеньск.); *вышня* – ‘вишня’ (Ровеньск., Чернян.) – *вышник* (Волоконов., Чернян., Старооск.); *гречка* – растение гречиха (Волоконов., Ракитян.) – *гречи́ца* (Краснен.); *ряпейник* (Белгородск., Ивнянск., Шебекинск.) – *репья́х* ‘репейник’ (Борисов., Красногвард., Ровеньск., Чернян.); *подсолнух* – *со́нях* – *соны́шник* – ‘подсолнечник’ (например, Чернян.).

Говорам Белгородчины характерно развитие фонетической вариативности в области украинских заимствований: *гичь* (Белгород., Губкин., Прохоров., Шебекин., Яковлев.) – *гычь* (Прохоров., Шебекин.) (‘ботва свеклы’); *бура́к* (Борисов., Губкин., Вейделев., Волокон., Грайворон., Краснен., Красногвард., Прохоров., Чернян., Шебекин.) – *бура́к* (Борисов., Валуйск., Грайворон., Красноярж., Прохоров., Старооск., Чернян.) (‘свёкла’); *каву́н* (Алексеев., Грайворон., Красногвард., Красноярж., Новооск., Чернян., Шебекин.) – *кау́н* (Борисов., Краснен., Красногвард., Красноярж., Ракитян.) (‘арбуз’); *квасу́ля* (Алексеев., Валуйск., Волокон., Ивнян., Красноярж., Новооск., Шебекин.) – *квасю́ля* (Краснен., Ивнян.) – *квасо́ля* (Борисов., Ивнян., Красноярж., Ракитян., Чернян., Шебекин.) (‘фасоль’); *огиро́к* (Ракитян., Шебекин.) – *огыро́к* (Борисов.) (‘огурец’); *твятóк* (Губкин., Ивнян., Красногвард.) – *квитóк* (Борисов., Вейделев.) (‘цветок’); *ви́шник* (Алексеев., Новооск., Прохоров., Старооск., Чернян.) – *вы́шник* (Волокон., Старооск.)

(‘вишня’) и др. Очевидно, что такая обширная фонетическая вариативность в говорах Белогорья обусловлена процессом ассимиляции украинизмов в южнорусских говорах.

При этом ряд диалектных фитонимов, заимствованных из украинского языка, функционирует во всех или в большинстве районов области, например: *бура́к/буряк* – ‘свёкла’ (Алексеев., Белгород., Валуйск., Волокон., Грайворон., Губкин., Краснен., Красногвард., Новооск., Прохоров., Ракитян., Старооск., Чернян., Старооск., Шебекин., Яковлев.); *га́рбуз* – ‘тыква’ (Алексеев., Белгород., Борисов., Валуйск., Вейделев., Волокон., Грайворон., Губкин., Краснен., Красногвард., Краснояруж., Новооск., Прохоров., Ракитян., Старооск., Чернян., Шебекин.); *каву́н/кау́н* – ‘арбуз’ (Алексеев., Грайворон., Красногвард., Краснояруж., Новооск., Старооск., Чернян., Шебекин.); *цибу́ля* – ‘лук’ (Алексеев., Белгород., Борисов., Валуйск., Вейделев., Грайворон., Красногвард., Ракитян., Ровеньск., Новооск., Чернян.). Данные и подобные им языковые единицы могут быть отнесены не просто к явлениям констрата, но к регионимам – элементам региолекта, которые, в отличие от диалектизмов, имеют значительно более широкий ареал распространения. Частным проявлением и, следовательно, еще одним возможным доказательством статуса регионима данных слов является их способность к генерированию онимов, например, фамильных антропонимов, топонимов. Например, фитоним *га́рбуз* является основой для фамильных антропонимов *Гарбуз*, *Гарбузов*, бытующих на территории области. На территории области существует село *Гарбузово* (Алексеев.). Вариативные фитонимы *кавун* и *кау́н* стали базой для фамилий *Каун*, *Кавун*. От украинизма *гай* ‘лес’ образован топоним *хутор Зеленый гай* (Корочан.), от фитонима *цибуля* ‘лук’ – населенные пункты *п. Цыбулевка* (Ракитянск.), *х. Цигулев* (Прохоров.).

В тоже время ареал распространения части подобных лексем ограничивается пределами отдельного говора или группы говоров одного района, например: *лучинник* (Ракитян.) – ‘коровяк’; *ра́стик* (д. Глуховка, Алексеев.) – ‘пролеска’ (род многолетних трав семейства лилейных); *ялы́на* (Вейделев.) – ‘ель, хвойное дерево’.

Следует отметить значимость изучения проявлений констрата не только с точки зрения проблем диалектологии, но и контексте решения вопросов, которые ставит перед языковедами история языка. В частности, различия в семантике фитонимов, являющихся заимствованиями из украинского языка, и общенародных лексем, совпадающих с ними в написании и произношении, позволяют выдвинуть предположение о путях развития семем и с той или иной степенью приближения реконструировать семантический архетип.

Так, в Ровеньском, Чернянском и ряде других районов Белгородской области лексема *диброва* имеет более широкое, по сравнению с общенародным эквивалентом *дубрава*, значение ‘лес вообще, широколиственный лес’, что, вероятно, не только обусловлено влиянием украинского языка, но отражает славянскую языковую традицию в целом, ср.: укр. *діброва* – ‘лиственная роща’, болг. *дъброва* – ‘молодой лес’, рус. диал. (колым.) *дубрава* – ‘лиственная поросль’, др.-рус. (с XI в.) *дубрава* – ‘деревья’, *дуброва* – ‘лес’, ‘роща’, без

указания на породу деревьев. По всей видимости, *дуб* первоначально – ‘дерево вообще’ (ср.: греч. полисемант *δρυς* – ‘дерево’ и ‘дуб’). Такое значение было известно еще древнерусскому языку и его отголоски спорадически фиксируются в современных говорах, ср.: псков., смол. *дубничок* – ‘молодой лес’, в том числе – в белгородских, ср.: *дубьё* – собирательное существительное со значением ‘деревья вообще’. Несмотря на отсутствие в говорах Белогорья производящей лексемы *дуб* в значении ‘дерево вообще’ (такое словоупотребление не фиксируется), можно полагать, что ранее она имела место, в пользу чего свидетельствует и диалектизм *дубёц* (Вейделев.) – ‘деревянный прутик’.

Таким образом, помимо прочего, диалекты Белогорья предстают как носители языковой архаики, что, безусловно, требует специального изучения. Кроме того, мы можем наблюдать здесь процесс и результат развития полисеманта на одном временном срезе.

Таким образом, на материале диалектной лексики Белгородчины, включающей значительное количество элементов констрата, могут быть решены вопросы, связанные не только с синхронным и диахронным представлением диалектных микросистем, но и с особенностями становления и развития общенародного языка в целом.

Библиографический список

1. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / кол. моногр.; под ред. Т.Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.
2. Фёдорова М.В. Контактные и констратные ойконимы Белгородской области // Очерки по исторической лексикологии. – Белгород, 1996. – С.62-69.

УДК 811.161.1

Плесканюк Т.Н. Однокорневые словообразовательные последовательности как средство формирования текстовой связности

Single-rooted derivational sequence as a form of textual connectivity

Плесканюк Татьяна Николаевна
Нижегородский институт управления РАНХиГС

Pleskanyuk Tatyana Nikolayevna
Nizhny Novgorod institute of public and business administration

Аннотация: Однокорневые словообразовательные последовательности включают в себя элементы разных однокорневых комплексных единиц словообразования. Выявляются двух-, трех- и четырехзвенные однокорневые словообразовательные последовательности, в состав которых входят словообразовательные пары, цепочки, а также фрагменты

словообразовательных парадигм и словообразовательных гнезд.

Ключевые слова: текст, целостность, связность, последовательность

Abstract: single-rooted derivational sequences consist of different single-rooted integrated units of word formation. Two-, three - and four-stage single-rooted word-formative sequence are identified and composed of derivational pairs, chains, and fragments of word-formation paradigms and word-formation nests.

Key words: text, integrity, coherence, sequence

Словообразовательная последовательность включает в себя элементы разных в структурном или семантическом отношении словообразовательных единиц, объединенных по принципу участия в формировании текстовой связности. Единицы словообразовательной последовательности характеризуются как формальной связью элементов, входящих в их состав, так и семантико-словообразовательной связью между ними. Словообразовательные последовательности могут быть **однокорневыми и разнокорневыми (одномодельными)**. И те, и другие участвуют в организации текстовой связности разного типа.

Однокорневые словообразовательные последовательности включают в себя элементы разных однокорневых комплексных единиц словообразования: это могут быть фрагменты цепочки и парадигмы, узла словообразовательного гнезда в разных комбинациях, включая и рефлексy формoобразования.

Кроме того, в словообразовательные последовательности могут объединяться и лексемы, на синхроническом уровне утратившие мотивированность данным исходным словом, но этимологически сохраняющие с ними связь. Появление такой единицы в тексте, в контексте других однокоренных единиц, способствует **актуализации** внутренней формы слова.

Так, в известном тексте Д.С. Лихачева словообразовательную последовательность составляют слова с корнем «род» в разных его вариантах:

И дальше мы стали вспоминать, сколько слов в русском языке с корнем «род»: родной, родник, родинка, народ, природа, родина... Слова эти как бы сами слагаются вместе! Родники родной природы, прирожденность родникам родной природы! Исповедь земле. Земля – это главное в природе. Земля рождающая, земля урожая... И у неба сияющий цвет, цвет неба, под которым зреют колосистые поля ржи (в этом слове тоже корень, связанный с ростом, урожаем, рождением; рожь – это то, что рождает земля! (Д. Лихачев).

Очевидно, что не все из указанных слов сохранили синхронически мотивирующую связь с корнем РОД-. Но данный текст, тем не менее, актуализирует «этимологическую память» исторически родственных слов. [2]

Минимальной словообразовательной последовательностью в роли текстовой связности является **словообразовательная пара**. В исследованном материале присутствуют разнообразные структурные типы таких минимальных последовательностей.

Так, часто встречается суффиксальная модель «существительное → производное прилагательное». Отношения между компонентами таких последовательностей, предопределенные синтагматическими связями, могут

быть самыми разнообразными.

1) *Откуда у мальчишки, выросшего посреди полей и лесов, возникла необъяснимая любовь к морю? Впрочем, мечту о морских странствованиях мог пробудить в юном Рубцове опыт потешских земляков.* (Н. Коняев).

Здесь в паре *море – морские* прилагательное конкретизирует семантику *море* применительно к внутреннему состоянию героя: любовь к морским странствиям.

2) *Два дня поочередно дежурили старшие на берегу омута. Рубцову удалось пережить горечь разочарования в своих надеждах, но и в его стихи плеснуло мертвой омутной водой.* (Н. Коняев).

Здесь пара *омут – омутная* (вода) – участвует в создании метафорического образа за счет возникновения индивидуально-авторского контекстуального переносного значения у производного прилагательного.

3) *В матовой колонной вазе голубые гортензии и две мрачных и знойных розы... Цветы – приношение верного Елениного поклонника, гвардии поручика Леонида Юрьевича Шервинского, друга продавщицы в кондитерской знаменитой «Маркизе», друга продавщицы в уютном цветочном магазине «Ницкая флора».* (М. Булгаков).

Здесь пара *цветы – цветочный* (магазин) служит детализации смысла происходящего, а именно — раскрывает причину появления цветов.

4) *Еще загадочнее выглядит взаимосвязь поэзии Рубцова и его жизни. По его стихам точнее, чем по документам и автобиографиям, можно проследить его жизненный путь.* (Н. Коняев).

Здесь словообразовательная пара участвует в образовании межуровневых контекстно-синонимических отношений *жизнь – жизненный (путь)* в функции конкретизации мысли на этапе ее дальнейшего развертывания.

5) *Отцу сообщили ночью, что он свободен. Ему писем насовали, чтоб передал на свободе родственникам.* (Н. Рубцов).

Здесь за счет употребления элементов пары *свободен ← свобода* возникает смысловая многоплановость ‘выйти на свободу из заключения’ и ‘быть свободным в своих действиях’. [1]

Также частотна суффиксальная модель «прилагательное → производное отадъективное существительное»:

1) *С какой-то затаенной, еле заметной грустью без конца роптала одинокая сосна. Вероятно, жалуясь на свое одиночество, как будто человеческой речью старалась рассказать все накопившееся на душе за эти долгие годы бесконечного молчания.* (Н. Рубцов).

Здесь за счет употребления слов *одинокая* и *одиночество* (‘состояние одинокого человека’) осуществляется переход от изобразительного ряда (образ сосны) к отображению жизни человека.

2) *И если мы говорим о «промежуточном» смысле, который порождается рубцовским синтаксисом, то следует помнить, что эта «промежуточность» лишь отражение особого бытия лирического героя стихов Рубцова.* (Н. Коняев).

Здесь словообразовательная пара *Рубцов – рубцовский* осуществляет

тематическое единство микротекста, а пара *промежуточный* — *промежуточность* включает в себя авторский словообразовательный неологизм (потенциальное слово *промежуточность*), который на фоне присутствия в тексте исходного «промежуточный» создает яркий образ неприкаянности героя как его «особого способа бытия».

Частотна в нашем материале суффиксальная модель «глагол → производное отглагольное существительное».

1) *Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую лёгкую тенью* (Н. Рубцов).

В данном примере пара *скакать* → *скаканье* создает динамику повествования за счет перехода изображаемого действия из конкретного плана, реализованного глаголом, в обобщенно-отвлеченный план продолжительного состояния, воспринимаемого наблюдателем (*услышит*).

2) *И жизнь наша с тех пор озарилась тревожным светом надежд,
ожиданий...Коля Рубцов тоже ждал.* (Н. Коняев). – Здесь можно видеть обратный переход из обобщенного плана продолжительного состояния в план конкретного действия (синтагматически во фрагменте реализовано направление от существительного к глаголу);

3) *Но как жить? Как же жить?*

Алексею Васильевичу Турбину, старшему, – молодому врачу – двадцать восемь лет. Елене – двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу, – тридцать один, а Николке – семнадцать с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на рассвете. (М. Булгаков).

В данном примере словообразовательная пара *жизнь* – *жить* участвует в создании текстовой перспективы также по модели перехода из обобщенного плана в конкретный, но только обобщенный план задан инфинитивом (неопределенной формой глагола, не характеризующейся временной и модальной характеристиками), а не существительным. [6]

Встречаются также модификационная суффиксальная модель «диминутивное существительное → производное диминутивное существительное» – *огонек* → *огонечек*:

*И огонек светит...
А больше – ни звука!
Ни огонечка!* (С. Есенин)

В данном примере употребление двух однокоренных диминутивных существительных значительно усиливает эмоциональную характеристику называемого предмета.

Широко представлены в нашем материале глагольные словообразовательные пары:

1) *Жил-был пескарь. И отец и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку аридовы веки в реке прожили и ни в уху, ни к щуке в хайло не попали.* (М. Салтыков-Щедрин).

В данном примере словообразовательная пара создает динамику повествования путем перехода от общефактического плана изображения действия (*жил-был*) к описанию его результативности;

2) Данный тип последовательности может выступать в разновидности чистовидовой пары, с использованием результатов словообразования, например, *ссориться* → *поссориться*:

И они ссорились друг с другом и расставались. И снова сходились. В последний раз они поссорились перед новым 1971 годом... (Н. Коняев).

Помимо словообразовательной пары, минимальную словообразовательную последовательность могут формировать элементы других комплексных словообразовательных единиц – чаще всего это фрагмент **словообразовательной парадигмы**.

Такая парадигма может быть представлена словами одной части речи, например, глаголами:

1) *Покрестившись лихо на собор,
Мимо волн Обводного канала
Поскакал бы я во весь опор!
Не простой, возвышенный в седле бы
Прискакал к тебе в конце концов!* (Н. Рубцов).

Здесь глагольные образования одного (совершенного) вида на базе *скакать* создают описание последовательности движений в разном направлении;

2) *Река, петляя, отдавала свою благодать рассыпанным по равнине домам, рошицам, водопоям, гусиным затонам, мокрым лужам, синевшей в пойме капусте. Радуясь этим извилам воды, мы вспоминали ретивых любителей «выпрямлять реки». Почти всегда **спрямить** реку – это значит оборвать землю...* (В. Лесков).

В данном примере члены парадигмы на базе прилагательного *прямой* – глаголы *выпрямлять* и *спрямить* создают картину разнообразия однотипных действия за счет комбинирования отношений аспектуальности (предельности / непредельности) действия и разных оттенков значения, привносимых приставками ВЫ- и С-.

3) Подобная последовательность может осложняться за счет появления третьего члена – рефлекса формообразования (например, вместо глагола используется причастие):

*Полетели мысли отдыхать.
Но очнись и **выйду** за порог,
И **пойду** на ветер, на откос,
О печали **пройденных** дорог,
Шелестеть остатками волос.* (Н. Рубцов).

В данном примере словообразовательная последовательность создает текстовую перспективу, связанную с панорамным изображением движения главного героя в разных направлениях, что подчеркивает образ бескрайности России и значительности его жизненного пути. [4]

Фрагмент словообразовательной парадигмы в составе

словообразовательной последовательности может быть представлен и словами **разных частей речи**:

Привет, Россия – родина моя!

Как под твоей мне радостно листвою!

*И **пенья** нет, но ясно слышу я*

*Незримых **певчих пенье** хоровое...* (Н. Рубцов).

Здесь словообразовательная последовательность представлена двумя элементами словообразовательной парадигмы на базе исходного *петь – пенье* и *певчий*. Здесь употребление именно этих лексем создает ассоциативно-смысловое поле, связанное с церковным пением, что значительно усиливает смысловую емкость и эмоционально-экспрессивный фон развернутого образа России. [3]

Очень часто минимальная словообразовательная последовательность: словообразовательная пара или фрагмент словообразовательной парадигмы – участвует в организации разного рода повторов, что усиливает ее роль как средства текстовой связности:

*Я смотрю на окна – **шары!** Это мои **шары** гуляют, вьются за форточкой, другой уже день **гуляют**: я их выпустил **погулять** на воле, чтобы пожили подольше.* (И. Шмелев).

В данном примере можно видеть, что словообразовательная последовательность выступает как средство словообразовательной связности в комплексе со средствами другого языкового уровня — лексического (лексический повтор *шары*), морфологического (анафорическое местоимение *это*).

Вообще говоря, средства текстовой словообразовательной связности не выступают в тексте изолированно, они всегда реализуются в единстве с другими. [5] Чаще всего — это разнообразные повторы. Так, в следующем примере из текста И. Шмелева, как и в проанализированном выше фрагменте, словообразовательная последовательность в роли текстовой связности выступает вместе с лексическим повтором *день*:

*Пахнет горячими ватрушками, по ветерку доносит. Я сижу на досках, у сада. **День** настояще летний. Я сижу высоко, ветки берез вьются у моего лица. Листочки до того сочные, что белая моя курточка **обзеленилась**, а на руках – как краска. Пахнет **зеленой** рощей. Я умываюсь листочками, тру лицо, и через свежую **зелень** их вижу я новый двор, новое лето вижу. **Троицын день** завтра.* (И. Шмелев)

Здесь варьирование сочетаний со словом «день» (*Троицын день, день летний*) не только служит средством смысловой связности, но и привносит «приращение смысла» в текст: *день летний* – семантика «циклического времени», *Троицын день* – значение православного праздника. Ту же функцию выполняет и однокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного гнезда с вершиной *зеленый*, причем один из элементов — окказиональное слово *обзелениться*. Данная последовательность также создает приращение смысла во фрагменте текста: *окрасилась; цвет листвы; весенняя, молодая зелень*.

Очевидно, что минимальные однокорневые словообразовательные последовательности, представленные словообразовательной парой, не только играют текстообразующую роль на содержательном уровне текста, но и участвуют в создании его экспрессивно-эмоционального фона:

*В Павлове у нас яблока...пятак мера! – говорит Трифоныч. – А яблоко-то какое...**па-в-лов-ское!***

Меры три собрали. Несут на шесте в корзине, продев в ушки. Выпрашивают плотники, выклянчивают мальчишки, прыгая на одной ноге:

Крива-крива ручка,
Кто даст – тот князь,
Кто не даст – тот **собачий глаз**.
Собачий глаз! Собачий глаз!

Горкин отмахивается, лягается (И. Шмелев).

Словообразовательную последовательность: (в) *Павлове – па-в-лов-ское-* с восклицательным знаком и прилагательным, произносящимся нараспев – сопровождает повтор краткого прилагательного *крива-крива* с экспрессивно окрашенным существительным *ручка*; повтор сочетания слов *собачий глаз* в функции сказуемого полного двусоставного предложения и в функции неполного и уже восклицательного двусоставного предложения.

Возможен в качестве дополнительного средства словообразовательной текстовой связности и **повтор** самих однокорневых словообразовательных последовательностей. В приведенном ниже примере словообразовательная последовательность представлена фрагментом словообразовательного гнезда с опущенной вершиной *миндаль* — т.е. по сути, элемент словообразовательной парадигмы: *миндал-ик – миндальный*. Повтор здесь служит внешним сигналом ввода лейтмотива микротекста:

*В окнах, за рассветными ширмочками, искрится от мороза... Лампа плывет куда-то, светит внизу зеленовато, потолок валится на меня... Грызу **миндалик** – и вижу лицо отца. Я на руках у него... он меня тискает, я обнимаю его за шею... – какая горячая!*

*- Заснул? Не замерз, а? И что ты такой душистый... совсем **миндальный!** Я разжимаю ладошку и показываю **миндалик**. Он вбирает губами с моей ладошки, весело так похрустывает. Теперь и он **миндальный**. И отдается радостное, оставшееся во мне, – «**счастье мое миндальное!**»*

*Давно пора спать, но не хочется уходить. Отец несет меня в детскую, я прижимаюсь к его лицу, слышу **миндальный** запах... «**Счастье мое миндальное!**» (И. Шмелев).*

В данном фрагменте текста И. Шмелева это мотив «счастье миндальное»: *миндалик – миндальный*, повторенный дважды, усиливается еще двукратным повтором прилагательного *миндальный* в финальной части фрагмента.

Аналогично в следующем примере словообразовательная пара *белый – белизна* выступает в роли текстовой связности совместно с повтором ключевых слов *белый, ослепительный* и *черный* и лексическим средством связности – антонимией *белый – черный*:

Весь в белом и в белом шлеме, сижу в раскаленной лакированной

колясочке, в маленькой двуколкой, в тонких оглоблях которой ровно и крупно, слегка подавшись вперед, мчится высокий и **черный**, весь блистающий своей могучей великолепной наготой тамил. Еду на вокзал, чтобы отправиться – ну, скажем, в Анарадхапуру.

И вот впереди уже площадь, пустая, **белая, ослепительная**, а за нею еще более **ослепительное белое** здание вокзала, – оно почти страшно своей **белизной** на белесом от зноя небе. Среди всей этой **белизны** и белого солнечного пламени **черное** тело и длинные **черные** волосы тамила режут глаз. (И. Бунин).

Последовательности, представленные элементами словообразовательного гнезда, очень частотны в исследованном материале. Например, в тексте В.П. Астафьева словообразовательная последовательность *наук – паучий – паутина* представляет собой фрагмент словообразовательного гнезда с вершиной *паук*:

*Грибное предосенье. Липнет **паутина** к лицу. Заденешь, раздерешь **паутину** – в сырую траву горохом осыпаются **пауки**. Путаясь в смятой **паутине**, они часто и беспомощно перебирают закорючинами лапок, а ведь в только что растянутой **паутине**, в сложных и мудрых хитросплетениях ее они жили, кого-то сторожили и чувствовали себя по-хозяйски дома. Нарушился порядок. Не стало гармонии. Рухнул **паучий** мир, выпало звено из природной отлаженной жизни, лопнула еще одна ее тонкая струна. Я смотрю на железнодорожный мост, мерцающий сплетениями **паутины** над широкой рекой, и вижу, как быстро-быстро по его нитям пробирается многолапый и многорукий **паук**.* (В.П. Астафьев)

Прямое (*насекомое*) и переносное (*поезд*) значения слова *паук* создают метафорическую перспективу в смысловой структуре текста. Трансформация прямого значения *наук* в переносное значение производного слова *паутина* (сложные мудрые хитросплетения) участвует в поэтапном создании развернутого образа вместе с другими единицами текста: *липнет – заденешь, раздерешь – нарушился порядок, не стало гармонии, рухнул паучий мир, выпало звено из природной жизни, лопнула тонкая струна*. В целом словообразовательная последовательность участвует в выражении микротемы текста, становится предупреждением, что гармонию природы легко разрушить.

Иной раз внутриязыковые системные связи в составе словообразовательной последовательности организованы достаточно сложно. Так, во фрагменте из текста Н. Коняева словообразовательная последовательность состоит из трех компонентов – *отъезд, заезжал, проездной*:

*Перед **отъездом** Николай Рубцов заезжал в Североморск к Валентину Сафонову, чтобы попроситься.*

– *Куда **проездной** выписываешь?*

– *Еще не думал* (Н. Коняев)

Слово *отъезд* образовано безаффиксным способом; *заезжать* – суффиксальным способом; *проездной* (билет) – усечением одного из компонентов раздельнооформленного наименования. Первые два звена словообразовательной цепочки связаны отношением «передвижения в

пространстве» и транспозицией прилагательного в существительное, которое выступает в качестве объекта.

Фрагмент словообразовательного гнезда здесь имеет сложную структуру (в квадратные скобки взяты отсутствующие в тексте структурные элементы):

[Ездить → отъезжать] → **отъезд**

→ **заезжать**

→ [проезжать → проезд → проездной (билет)] → **проездной**

Из схемы видно, как какие сложные иерархически-организованные структурно-смысловые отношения задают однокорневые лексемы в составе словообразовательной последовательности, когда они участвуют в формировании текстовой связности.

Пример четырехзвенной однокорневой словообразовательной последовательности встречаем в фрагменте текста из повести Н. Коняева: *Зато Николай Васильевич Беляков **разговорился** не сразу. Жизнь у него сложилась нелегко, изломанно, да и не очень-то он готов был к **разговору**... Ну, а нашел меня, и мы с ним частенько в этом парке сидели, **разговаривали**. Но больше всего он свои стихи **говорил**.*

Здесь словообразовательная последовательность *говорить* – *разговаривать* – *разговор* – *разговориться* также представлена фрагментом словообразовательного гнезда с вершиной *говорить*, который включает в себя контаминацию двух цепочек: 1) *говорить* – *разговориться* и 2) *говорить* – *разговаривать* – *разговор*, в результате чего слова *разговориться* и *разговаривать* выступают как элементы словообразовательной парадигмы на базе *говорить*. Расположение звеньев словообразовательной последовательности является дистантным. Данная последовательность участвует в развитии микротемы фрагмента «жизнь у него сложилась нелегко, изломанно», при этом компонент *говорить* обогащает свое языковое значение за счет приращения смысла *говорить стихи* – ‘читать стихи’.

Четырехзвенные словообразовательные последовательности могут формироваться за счет оживления этимологических связей слов – актуализации внутренней формы, за счет чего в последовательность могут включаться слова, являющиеся синхронически непроезными. Это особенно часто встречается в художественных (особенно – поэтических текстах):

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Смотри, опять в леса твои и доли

Со всех сторон нагрянули они,

Иных времен татары и монголы,

*Они несут на флагах **черный крест**,*

*Они **крестами** небо **закрестили**,*

*И не леса мне видятся **окрест**,*

*А лес **крестов** в **окрестностях** России (Н. Рубцов)*

Здесь фрагмент словообразовательного гнезда *крест* (осложненное формообразующим варьированием с *крестами*) – *окрест* – *закрестить* включает в ассоциативно-смысловой ряд лексему *окрестности*, актуализуя «этимологическую память» слова. При этом в одном ряду с общеязыковым

единицами выступает авторское новообразование *закрестить*, обозначающее интенсивное законченное действие по глаголу *крестить*. В целом парадигматические отношения между однокорневыми словами участвуют в создании картины давнего военного лихолетья – образ *креста* как воплощение смерти создается не только на содержательном уровне, но и в самом, своего рода «крестообразном» расположении однокорневых единиц в тексте.

Еще более осложненной многоуровневой организацией обладают словообразовательные последовательности, использующие в качестве строевых элементов сложные слова: здесь появляется возможность повышенной смысловой емкости средств словообразовательной связности (за счет использования корневой семантики обеих основ) и структурного осложнения (за счет возможности включения в состав последовательности синтаксической единицы – словосочетания или сочетания однородных единиц в качестве производящей базы). За счет этого такие последовательности могут формировать как «горизонтальные», так и «вертикальные» ряды словообразовательной связности.

«Горизонтальный» ряд организуется элементами словообразовательной цепочки. Вот пример из текста научного стиля, где словообразовательная последовательность реализована на базе трехзвенной словообразовательной цепочки: *средние века – средневековая (философия) – средневековье*.

Неверно было бы считать, что средневековье совсем не знало античности или целиком ее отвергало. Уже говорилось, какое большое влияние на средневековую философию оказал вначале платонизм, а позднее – аристотелизм. А средние века в Европе зачитывались Вергилием, цитировали Цицерона, Плиния, любили Сенеку. Но при этом было сильное различие в отношении к античности в средние века и в Возрождение (И.Т. Фролов).

Словообразовательная цепочка из трех звеньев разворачивается на протяжении семи предикативных единиц. Расположение звеньев дистантное, сквозь весь текст, что обеспечивает их непосредственное участие в формировании перспективы текста.

«Вертикальный» ряд организуется сложными словами с повторяющимся первым компонентом сложного слова:

Нужно было пройти вдоль Тошмы тридцать пять километров лесом до лесопункта Гремячского, там сесть на лесовоз и по узкоколейке Монзенского леспромхоза добираться до станции Монза. (Н. Кунин).

Здесь повтор компонент *лес-* способствует детализации микротемы данного сложного синтаксического целого, а именно – уточнению места событий.

Итак, выявляются двух-, трех- и четырехзвенные однокорневые словообразовательные последовательности, в состав которых входят словообразовательные пары, цепочки, а также фрагменты словообразовательных парадигм и словообразовательных гнезд.

Однокорневые словообразовательные последовательности вступают в тексте в разнообразные отношения и наряду с разнокорневыми словообразовательными последовательностями образуют структурно

организованное целое – текстокогерентную словообразовательную матрицу как комплексное средство текстовой словообразовательной связности. Словообразовательные последовательности разных типов являются значимыми средствами формирования словообразовательной текстовой связности, потому что объединяют сходные в семантическом и структурном отношении слова как элементы разных предложений в тексте, так сказать, «естественным образом», в силу наличия системно-языковых словообразовательных отношений между ними. Это способствует формированию тематической и коммуникативной перспективы текста, его ассоциативно-смыслового фона, а также повышает экспрессивность текстовых фрагментов.

Библиографический список

1. Плесканюк Т.Н. Комплексные средства словообразовательной связности текста (структурно-семантический аспект): дис.. канд. филол. наук. -Н.Н., 2014. .
2. Плесканюк Т.Н. Особенности семантики и прагматики производного слова. Филологический аспект. 2016. № 1. С. 31-34.
3. Плесканюк Т.Н. Связующая функция словообразовательных единиц в тексте // Вестник Университета Российской академии образования. – 2009. – №2. – С. 50-53. – Режим доступа: www.vestnikuraeo.ru/pdf/VESTNIK_URAO_2-2009r.pdf (0,3 п.л.).
4. Плесканюк Т.Н. Словообразовательная последовательность как средство текстовой словообразовательной связности//Современные проблемы науки и образования. -2014. -№ 1. -Режим доступа: www.science-education.ru/115-12099.
5. Плесканюк Т.Н. Словообразовательная связность текста как объект лингвистического исследования // Русский язык и литература в контексте современного гуманитарного знания сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 33-42.
6. Плесканюк Т.Н. Текстовая категория связности и языковые средства ее выражения // Мир языков: ракурс и перспектива сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 62-81.

УДК 81'373.2

Сечнев С.А. Сужение значений заимствованных слов в русском языке

Narrowing of meanings of loanwords in the Russian language

Сечнев Сергей Александрович

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, г. Саранск
sergey-aleksandrovich91@yandex.ru

Аннотация: Автор исследует такой вид семантической адаптации заимствованных слов, как сужение их значений. Сделаны выводы о причинах подобного процесса

Ключевые слова: заимствованное слово, сужение значения, семантическая адаптация

Abstract: The author explores such kind of semantic adaptation of loanwords as the narrowing of their meanings. Conclusion about the causes of this process is done

Key words: loanword, narrowing of meaning, semantic adaptation

Любой язык на протяжении всей своей истории испытывает влияние других языков. Одним из видов подобного влияния становится заимствование иноязычных лексем.

Но заимствованному слову необходимо приспособиться к новым условиям, чтобы выдержать конкуренцию с исконной лексикой. Подобное приспособление происходит на различных языковых уровнях.

По справедливому замечанию Е.В. Мариновой, под влиянием системы принимающего языка изменяются обе стороны заимствованной единицы – «и план выражения (звуковой, графический, грамматический облик слова), и план содержания (лексическое значение слова)» [1, с. 26].

Основным видом семантического освоения исследователь называет **сужение лексического значения** слова-этимона [1, с. 32]. На примерах подобного процесса и было сосредоточено наше внимание.

В частности, сужение значения претерпевают латинские по происхождению слова **аквариум**, **вакации**, **диалект** и **минерал**. Лат. **aquarium** «водоём» [3, I, с. 59] на русской почве получает значение *«искусственный водоём или стеклянная емкость с водой для содержания рыб, водных животных и растений»* [2, с. 20], а **vacatio** «освобождение, увольнение, свобода; увольнение в отпуск, отпуск», трансформировавшееся в русском языке в слово **вакации**, начинает обозначать не всякий отпуск, а лишь *каникулы* [3, III, с. 7]. Слово **диалект** первоначально встречается в значении «язык», а позднее получает современное значение – *«наречие; говор языка»* [3, V, с. 108]. Слово **минерал** сначала обозначало всякое ископаемое вещество, позднее – *«ископаемые вещества – не металлы и не камни»* [4, X, с. 211].

Лексемы **Аллах**, **безмен** и **бора**, заимствованные из тюркских языков, также сужают свои первоначальные значения под влиянием русского языка. Турецкое **Alláh** «Бог» в русском языке используется лишь для обозначения *исламского* Бога [3, I, с. 77]; лексема **безмен**, восходящая к тюрк. **wezne** «весы» [3, II, с. 77], на русской почве обретает значение *«ручные рычажные или пружинные весы»* [2, с. 41]; турецк. **бора** «буря, гроза, ураган» в русском языке начинает обозначать *«холодный ветер в приморских местностях»* [3, II, с. 165].

Французское **annexion** «присоединение» [3, I, с. 110], обретшее в русском языке форму **аннексия**, начинает обозначать уже не любое присоединение, а *«насильственное присоединение государства или части его к другому*

государству» [2, с. 25]. Слово **entrepreneur** «предприниматель» [3, I, с. 120] в результате заимствования русским языком получает значение «частный театральный предприниматель» [2, с. 26]. Лексема **conférencier** «докладчик, лектор» в русском языке обозначает уже не любого выступающего, а участника эстрадного представления, *объявляющего номера программы* [3, VIII, с. 286].

Старославянские по происхождению слова **вериги**, **возмездие**, **возразить**, **воскурять** и **вышний** также претерпевают сужение значений в русском языке. Слово **вериги** первоначально обозначало «цепь», потом «цепь, носимую подвижниками» и «кандалы» [3, III, с. 59-60]. Ст.-сл. **възмъдие** «плата, воздаяние» [3, III, с. 138] получает значение «отплата, кара за преступление, за зло» [2, с. 92]. Слово **возразить** на базе контекстов, где говорится об оказании *словесного* противодействия *в споре*, сужает первоначальное значение «оказать препятствие, удержать, помешать» и получает значение «противоречить» [3, III, с. 141]. Лексема **воскурять** впервые встречается в знач. «окуривать», позднее – «жечь ароматические вещества *в честь кого-либо*» [3, III, с. 172]. Слово **вышний** первоначально имело значение «верхний, лучший, всевышний». Позднее употребляется *только в применении к Богу* [3, III, с. 239].

Однокоренные слова польского происхождения **малевать** и **маляр**, первоначально имевшие значения «писать красками, красить, изображать» [4, X, с. 37-38] и «художник, живописец» соответственно, на русской почве приобретают негативную окраску и сужают свои значения: **малевать** – «раскрашивать, рисовать красками (*обычно неумело, небрежно*)» [2, с. 338], **маляр** – «*плохой, неискусный художник*» [4, X, с. 46].

Исследованный материал позволяет сделать вывод о продуктивности такого семантического процесса, как сужение значений заимствованных слов. Причины данного явления достаточно просты. При переходе в русский язык заимствований в их исконных, характерных для языка-донора, значениях этим словам пришлось бы вступить в серьёзную конкуренцию с уже существующими в языке-реципиенте лексемами. При абсолютном тождестве значений предпочтение, скорее всего, было бы отдано привычным, родным словам. Чтобы удержаться в лексической системе принимающего языка, заимствования были вынуждены приспособливаться к новым для себя условиям, заняв те смысловые ниши, которые в тот момент не обслуживались языком-реципиентом.

Библиографический список

1. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX- XXI вв.: проблемы освоения и функционирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Маринова. – М., 2008. – 46 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : А Темп, 2006. – 944 с.
3. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1963–1982. – Вып. 1-8.

4. Этимологический словарь русского языка / Под ред. А.Ф. Журавлева и Н.М. Шанского. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1999-2007. – Вып. 9–10.

УДК 81.161.1

Твердохлеб О.Г. Личные имена собственные в русских пословицах (принадлежность к типу склонения и рифмовка)

**Personal proper names in russian proverbs
(belonging to the type of decline and the rhyme)**

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург
ogtwrd@gmail.com

Tverdokhle Olga Gennadjevna

Orenburg State Teacher Training University, Orenburg

Аннотация: В данной статье описаны и проанализированы русские пословицы, включающие в свой состав личные имена собственные, называющие лиц мужского и женского пола. Выявлено, что рифмовка личных имен собственных с именами существительными в русских пословицах обусловлена не только экстралингвистическими причинами, но и принадлежностью этих имен существительных к определенному типу склонения (1-го или 2-го) и его варианту (твердому / мягкому), а также принадлежностью их к группам мужского / женского рода и к группам одушевленных / неодушевленных. Материал данной статьи может быть интересен специалистам в области ономастики, паремиологии и стихосложения.

Ключевые слова: рифма, имена собственные, склонение.

Abstract: This article describes and analyzes the Russian proverb, including personal nouns, name people, male and female. It was revealed that the personal names rhyme with their own names nouns in Russian Proverbs is caused not only by extra-linguistic factors and the belonging of these nouns to a certain type of declension (1st or 2nd) and option (hard / soft), and they belong to groups of male / female and groups of animate / inanimate. This article may be of interest to specialists in the field of onomastics, paremiology and prosody.

Key words: rhyme, nouns, declension.

Вопрос о рифмовке в русских пословицах в науке неоднократно поднимался. Возникнув в очень отдаленные времена человечества, в «до-истории русского фольклора» [1, с. 30], русские пословицы являются принадлежностью устного народного творчества и хранителями не только истории, но и культуры народа. Как устойчивые выражения они относятся к языковому уровню. Пословицы «очевидно, ...были первыми из народнопоэтических жанров, где зародилась рифмовка» [10, с. 163]. Здесь мы продолжим [4-9] анализ рифмовки русских пословиц и подробно опишем преднамеренное включение в рифмовку личных имен собственных, связанное не только с отражением национальной культуры, но и обусловленное лингвистическими, а именно морфологическими, причинами. Из книг «Русские пословицы и поговорки» [3] (включает пословицы из сборников XVIII – XX

веков) и из «Пословицы русского народа» В. И. Даля [2] нами было выбрано более 300 пословиц с личными именами собственными. Грамматический анализ имен собственных в русских пословицах, использующихся, в частности, для преднамеренной рифмовки, показал, что разнообразие и многочисленность пословиц, в которых личные имена собственные рифмуются с другим нарицательным именем существительным (реже с другим именем собственным типа: *Охала Маланья, что уехал Ананья* [3, с. 249]), обусловлено определенным типом склонения описываемых имен существительных. При этом отмечаются следующие особенности.

1. Так, проведенное нами исследование показывает, что точные рифмы имеют лексемы одного и того же продуктивного склонения, а именно:

1) 1-го склонения, в частности:

- твердого варианта, напр.: *Живет Ермошка* (1 скл.): *есть собака да кошка* (1 скл.) [3, с. 97]; *Богат Ермошка* (1 скл.): *есть козёл да кошка* (1 скл.) [3, с. 23]; *Умен сын Иванушка* (1 скл.)! — *Кто хвалит? — Матушка* (1 скл.) [3, с. 312]; *Хороша дочь Аннушка* (1 скл.), *коли хвалит мать да бабушка* (1 скл.) [3, с. 318];

- мягкого варианта, напр.: *Каков Ананья* (1 скл.), *такова у него и Маланья* (1 скл.) [3, с. 128]; *Какова Аксинья* (1 скл.), *такова и ботвинья* (1 скл.) [3, с. 129]; *Охала Маланья* (1 скл.), *что уехал Ананья* (1 скл.) [3, с. 249];

2) 2-го склонения, в частности:

- твердого варианта, напр.: *Каков Мартын* (2 скл.), *таков у него и алтын* (2 скл.) [3, с. 128]; *Добр Мартын* (2 скл.), *коли есть алтын* (2 скл.) [3, с. 80]; *Не стоит Мартын* (2 скл.) *за свой алтын* (2 скл.) [3, с. 225]; *Шутил Мартын* (2 скл.), *да спрятался за тын* (2 скл.) [3, с. 333];

- мягкого варианта, напр.: *Прежде Мокей* (2 скл.) *был лакей* (2 скл.), *а ныне у Мокея* (2 скл.) *два лакея* (2 скл.) [3, с. 265].

Лексемы имен собственных 1-го склонения твердого и мягкого вариантов имеют точные рифмы в формах единственного числа:

- именительного падежа, а именно:

- твердого варианта имени существительного одушевленного и неодушевленного, напр.: *Хороша дочь Аннушка* (1 скл., тв. вар., имен. п.), *коли хвалит мать да бабушка* (1 скл., тв. вар., имен. п., одуш.) [3, с. 318]; *Каков Савва* (1 скл., тв. вар., имен. п.), *такова ему и слава* (1 скл., тв. вар., имен. п., неодуш.) [3, с. 129];

- мягкого варианта имени одушевленного и неодушевленного, напр.: *Каков Ананья* (1 скл., мягк. вар., имен. п.), *такова у него и Маланья* (1 скл., мягк. вар., имен. п., одуш.) [3, с. 128]; *В людях Илья* (1 скл., мягк. вар., имен. п.), *а дома свинья* (1 скл., мягк. вар., имен. п., одуш.) [3, с. 36]; *Какова Аксинья* (1 скл., мягк. вар., имен. п.), *такова и ботвинья* (1 скл., мягк. вар., имен. п., неодуш.) [3, с. 129];

- родительного падежа только твердого варианта имени неодушевленного, ср.: *Нет дома муки* (1 скл., тв. вар., род. п., неодуш.), *попроси у Луки* (1 скл., тв. вар., род. п.);

- дательного падежа только твердого варианта имени одушевленного, напр.: *Знать по **Фоме*** (1 скл., тв. вар., дат. п.), *что тужит по **куме*** (1 скл., тв. вар., дат. п., одуш.) [3, с. 108];

- винительного падежа только твердого варианта имени одушевленного и неодушевленного, напр.: *Били **Фому*** (1 скл., тв. вар., вин. п.) *про **куму*** (1 скл., тв. вар., вин. п., одуш.), *а **Трошку*** (1 скл., тв. вар., вин. п.) *про **кошку*** (1 скл., тв. вар., вин. п., одуш.) [3, с. 21]; *Я за **Фому*** (1 скл., тв. вар., вин. п.), *а он за **Ерёму*** (1 скл., тв. вар., вин. п., одуш.) [3, с. 335]; *Не бей **Фому*** (1 скл., тв. вар., вин. п.) *за **Еремину вину*** (1 скл., тв. вар., вин. п., неодуш.) [3, с. 206];

- либо в формах дательного падежа имени собственного и предложного падежа имени одушевленного и неодушевленного: *Вольно было **Фомушке*** (1 скл., тв. вар., дат. п.) *жениться на **вдовушке*** (1 скл., тв. вар., предл. п., одуш.) [3, с. 48]; *Скучно **Афонюшке*** (1 скл., тв. вар., дат. п.) *на **чужой сторонушке*** (1 скл., тв. вар., предл. п., неодуш.) [3, с. 286].

Точные рифмы в пословицах имеют и имена существительные 2-го склонения твердого и мягкого вариантов. Ср. пословицы с существительными в форме единственного числа:

- именительного падежа, напр.: *Каков **Мартын*** (2 скл., тв. вар., имен. п.), *таков у него и **алтын*** (2 скл., тв. вар., имен. п.) [3, с. 128]; *Худ **Роман*** (2 скл., тв. вар., имен. п.), *когда пуст **карман*** (2 скл., тв. вар., имен. п.) [3, с. 211]; *Был **Иван*** (2 скл., тв. вар., имен. п.), *а стал **болван*** (2 скл., тв. вар., имен. п.) [3, с. 30]; *Был **квас*** (2 скл., тв. вар., имен. п.), *да выпил **Влас*** (2 скл., тв. вар., имен. п.) [3, с. 30]; *Наш **Андрей*** (2 скл., тв. вар., имен. п.) *никому не **злодей*** (2 скл., тв. вар., имен. п.) [3, с. 204];

- родительного падежа, напр.: *Ростом с **Ивана*** (2 скл., тв. вар., род. п.), *а умом с **болвана*** (2 скл., тв. вар., род. п.) [3, с. 273]; *Прежде **Мокей** был **лакей**, а ныне у **Мокея*** (2 скл., мягк. вар., род. п.) *два **лакея*** (2 скл., мягк. вар., род. п.) [3, с. 265];

- дательного падежа, напр.: *Не верь **Власу*** (2 скл., тв. вар., дат. п.), *а верь своему **глазу*** (2 скл., тв. вар., дат. п.) [3, с. 208];

- винительного падежа: *Я говорю про **Ивана*** (2 скл., тв. вар., вин. п.), *а ты про **болвана*** (2 скл., тв. вар., вин. п.) [3, с. 335];

- творительного падежа, напр.: *Широка **борода клином*** (2 скл., тв. вар., твор. п.), *а зовут его **Климом*** (2 скл., тв. вар., твор. п.) (ед. ч., ср. р., имен. п.) [3, с. 333].

2. Дальнейший анализ показывает, что в пословицах рифмуются и несовпадающие между собой формы рода, числа, падежа личных имен собственных и нарицательных имен существительных.

В частности, рифмуются формы существительных 2-го склонения:

- именительного падежа имени собственного и винительного падежа имени нарицательного: *Пашет **Федот*** (2 скл., тв. вар., имен. п.), *разинув **рот*** (2 скл., тв. вар., вин. п.), *а толку ни на **иголку*** [3, с. 251]; *Всякий **Филат*** (2 скл., тв. вар., имен. п.) *на свой **лад*** (2 скл., тв. вар., вин. п.) [3, с. 55]; *Люди с базара, а*

Назар (2 скл., тв. вар., имен. п.) *на базар* (2 скл., тв. вар., вин. п.) [3, с. 171].

Такая рифмовка вполне предсказуема и легко объяснима. Имя собственное является именем существительным одушевленным, а форма его именительного падежа (ср. в приведенных примерах лексемы 2-го склонения: *Федот, Филипп, Назар*) после возникновения в древнерусском языке категории одушевленности / неодушевленности совпадает с формой винительного падежа неодушевленных существительных (ср. в приведенных примерах лексемы 2-го склонения: *рот, лад, базар*).

3. Рифмовка личных имен собственных описываемых двух склонений в исследованных нами пословицах имеет некоторые очень серьезные отличия.

Очевидно, что имена собственные могут называть лиц:

- мужского пола: *Прежде Мокей* (муж. пола) *был лакей, а ныне у Мокея* (муж. пола) *два лакея* [3, с. 265]; *В людях Илья* (муж. пола), *а дома свинья* [3, с. 36];

- и женского пола: *Всякая Ховря* (жен. пола) *знай свою ровню* [3, с. 55]; *Велика Федора* (жен. пола), *да дура* [3, с. 206].

Однако с именами нарицательными только женского рода, но в разных падежных формах могут рифмоваться личные имена собственные 1-го склонения сразу двух родов:

- как мужского рода, напр., в форме:
 - именительного падежа: *Муж Нестерка* (муж. р.), *да детей шестерка* (жен. р.) [3, с. 187]; *Федька* (муж. р.) *горек как редька* (жен. р.) [3, с. 315]; *Каков Ананья* (муж. р.), *такова у него и Маланья* (жен. р.) [3, с. 128]; *Не мели, Емеля, не твоя неделя* (жен. р.) [3, с. 218];
 - родительного падежа: *Нет дома муки* (жен. р.), *попроси у Луки* (муж. р.); [2, Т. 2, с. 93];
 - дательного падежа: *Знать по Фоме* (муж. р.), *что тужит по куме* (жен. р.) [3, с. 108];
 - винительного падежа: *Ешь кутью* (жен. р.), *поминай Кузьму* (муж. р.) [3, с. 94]; *Не бей Фому* (муж. р.) *за Еремину вину* (жен. р.) [3, с. 206];
 - предложного падежа: *Ведают о Ерёме* (муж. р.). *в большой хороме* (жен. р.) [2, Т. 2, с. 459];
- так и женского рода, в частности, в следующих падежных формах:
 - именительного падежа: *Велика Федора* (жен. р.), *да под угол подпора* (жен. р.) [3, с. 206]; *И стала наша Олена* (жен. р.) *ни пава, ни ворона* (жен. р.) [3, с. 115]; *Какова Аксинья* (жен. р.), *такова и ботвинья* (жен. р.) [3, с. 129];
 - родительного падежа: *У Парашки* (жен. р.) *что глаза у барашки* (жен. р.) [3, с. 309];
 - винительного падежа: *Жаль Акулину* (жен. р.), *да посылать по малину* (жен. р.) [3, с. 95]; *Не спрашивают Варвару* (жен. р.) *на расправу* (жен. р.) [3, с. 225].

Это вполне объяснимо, т. к. первое склонение объединяет большинство существительных женского рода и ограниченное количество слов мужского рода.

А существительные второго склонения твердого и мягкого вариантов рифмуются только в формах одного рода:

- мужского, в частности, в следующих падежных формах:
 - именительного падежа, напр.: *Добр Мартын (муж. р.), коли есть алтын (муж. р.)* [3, с. 80]; *Наш Андрей (муж. р.) никому не злодей (муж. р.)* [3, с. 204];
 - родительного падежа, напр.: *Не для Иисуса (муж. р.), а для хлеба куса (муж. р.)* [3, с. 214];
 - дательного падежа, напр.: *Петру (муж. р.) скотина не ко двору (муж. р.)* [2, Т. 1, с. 35];
 - и творительного падежа, напр.: *Крестил поп Иваном (муж. р.), да прозвали люди болваном (муж. р.)* [2, Т. 2, с. 253].

Что также легко объяснимо, т. к. второе склонение объединяет существительные мужского и среднего рода. В описываемых пословицах представлены личные имена собственные, называющие мужчин, поэтому и рифмуются существительные мужского рода. Отсутствие в рифмовке слов среднего рода связано с тем, что трудно представить существительное среднего рода для обозначения лица.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в русских пословицах достаточно частотны личные собственные имена существительные, появление которых обусловлено экстралингвистическими и лингвистическими факторами. Проведенный морфологический анализ преднамеренной рифмовки личных имен собственных с именами существительными выявил, что она обусловлена принадлежностью личных имен собственных к определенному типу склонения (1-го или 2-го), его варианту (твердому / мягкому), а также принадлежностью их к группам одушевленных / неодушевленных.

Библиографический список

1. Андреев Н. П. Проблема истории фольклора // Советская этнография. 1934. № 3. С. 28–45.
2. Даль В.И. Пословицы русскаго народа Сборник пословиць, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорок, прибауток, загадокъ, поверий и пр. Т. I. – М. : Изд-ние книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. – 685 с. Т. II. – М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. – 638 с. // Eknigi (сайт). URL: <http://eknigi.org/raznoe/28428-poslovice-russkogo-naroda.html>.
3. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.
4. Твердохлеб О.Г. Процесс падения редуцированных в древнерусском языке и рифмовка русских пословиц // Язык образования и образование языка: М–лы междунар. науч. конф. (Вел. Новгород, 11 – 13 июня 2000 г.). – Вел. Новгород, 2000. – С. 303-304.
5. Твердохлеб О.Г. Третья лабиализация звука [’э] в [’о] в древнерусском языке: к вопросу о рифмовке русских пословиц // Аванесовские чтения : Междунар. науч. конф. : Тез. докл. / Под общ. ред. М. Л. Ремневой и М. В. Шульги. – М. : МАКС Пресс, 2002. – С. 258-260.

6. Твердохлеб О.Г. Утрата конечного сонорного -л- вследствие падения редуцированных и рифмовка русских пословиц // Язык и поэтика русского фольклора : к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа : сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции (16—19 сентября 2015 года, г. Петрозаводск) / отв. ред. Н. В. Патроева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. – С. 106-108.
7. Твердохлеб О.Г. Рифмы в русских пословицах, включающих личные имена собственные: морфолого-исторический аспект // Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики: материалы Международной научно-практической конференции (Пермь, 13 ноября 2015 г.). – Пермь: АНО ВПО «Прикамский социальный институт», 2015. – С. 126-133.
8. Твердохлеб О.Г. Об использовании русских пословиц при обучении исторической морфологии // Новая наука: современное состояние и пути развития: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (09 октября 2015 г., г. Стерлитамак) / в 2 ч. Ч. 2. – Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. – С. 172-174.
9. Твердохлеб О.Г. Об использовании русских пословиц в курсе «История русского языка (историческая морфология)» в педагогическом вузе // Этнопедагогика как фактор сохранения этнокультурных ценностей в современном социуме: материалы I Международной очно-заочной научно-практической конференции, посвященной академику РАО Волкову Г.Н. / Под ред. Кузнецовой Л.В. / БОУ ВПО «ЧГИКИ» Минкультуры Чувашии. – Чебоксары : Новое Время, 2015. – С. 176-178.
10. Штокмар М. П. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток // Звезда Востока. – 1965. – № 11. – С. 149-163.

УДК 811.161.1'367.623

**Чеботарева И.М. Семантика персонифицированных
качественных прилагательных в детской речи**

**Semantics of personified qualitative
adjectives in child speech**

Чеботарева Ирина Михайловна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Ichebotareva@bsu.edu.ru

Chebotareva Irina Mikhailovna
Belgorod State National Research University

Аннотация. В статье осуществлялся анализ восприятия детьми признаков (качества)

предметов. Выделены лексико-семантические группы качественных прилагательных, участвующих в процессах олицетворения. Рассмотрены прилагательные с персонифицированной семантикой, содержащие суффиксы оценки. Определена вторичность олицетворяющей семантики качественных прилагательных в онтогенезе речи.

Ключевые слова: детская речь, олицетворение, прилагательные.

Abstract. The article is dedicated to the analysis of child perception of object's qualities. The lexical-semantic groups of qualitative adjectives involving in the processes of personification are selected. Semantically personified adjectives with the suffixes of value are considered. The replication of personified semantics of qualitative adjectives in child language acquisition is determined.

Keywords: child speech, personification, adjectives.

Прилагательные какого лексико-грамматического разряда лидируют в олицетворяющих контекстах в детской речи? Исследователи считают, что первыми в речи детей появляются относительные прилагательные, потому что «при освоении признаков, связанных с качественными характеристиками, ребенок не может опереться на мотивированность наименованиями объектов. Именно к такой мотивированности ребенок подготовлен всем своим предшествующим опытом овладения языком» (1, с.41).

Позволим себе не согласиться с этим утверждением, поскольку качественные прилагательные (хороший-плохой) для ребенка оказываются важнее относительных прилагательных. Не случайно качественные прилагательные составляют основное ядро прилагательных, встречающихся в детской речи.

– А чай в каком термосе? В худом или толстом (7 л. 9 м.). – Стрекозы такие шустрые, что не поймать. А когда осенью мы были, они усталые, тогда их легко ловить (7 л. 9 м.). – Пишет цифры. – Эта ничего получилась, а у той спина кривовата (7 л.). – Заяц как поскакал. Только пятки засверкали. Такой трусливый (7 л. 3 м.). – Вон с тупой мордой – это «Опель» (12 л. 8 м.).

В данных высказываниях качественные прилагательные не являются олицетворяющим центром, ребенок как бы втягивает их в орбиту уже состоявшегося олицетворения, и тем не менее включение качественных прилагательных в ткань высказывания факт чрезвычайно показательный.

Участвующие в процессах олицетворения качественные прилагательные, на первый взгляд, можно анализировать по традиционно выделяемым группам: прилагательные, обозначающие цвет, температуру, размер, запах и т.д., однако традиционная семантическая классификация в нашем случае не совсем удобна, так как многие семантические классы оказываются незаполненными (как средство олицетворения подобные прилагательные не всегда выразительны). Проиллюстрируем сказанное группой качественных прилагательных, обозначающих цвет, состоящей всего из двух единиц.

– А ты знаешь, что белый с голубым – родственники? (7 л. 4 м.). Рисует кружок. – Смотри, какой у меня красный получился. Румяный! (7 л.).

Первый пример свидетельствует о том, что субъектом олицетворения становится сам цвет (случай исключительно редкий). Второе высказывание

более типично. Ребенок расширяет селективные возможности слова, за счет чего возникает олицетворение предмета.

С точки зрения выражения антропоморфных смыслов более интересны и выразительны качественные прилагательные, характеризующие человека. Если проводить семантическую классификацию подобных прилагательных, участвующих в олицетворении, то среди них можно выделить следующие лексико-семантические группы.

Прилагательные, обозначающие психические состояния: *злобный (голубь), бешеный (вулкан), сердитый (игрушка), нежный (блин), грустный (солнце), веселый (зима), сумасшедший (кровь), приятный (луна).*

Прилагательные, обозначающие физические характеристики: *сильный (дверь), могучий (костер), хиленький (жук), слабенький (автомобиль), быстрый (кроссовки), шустрый (стрекоза), усталый (стрекоза).*

Прилагательные, обозначающие внешний вид: *волосатый (пыль), худой (сосиска), растрепанный (деревня), пригожий (бабочка), потный (шорты), полный (рыбка), элегантный (блюдо).*

Прилагательные, обозначающие возрастные характеристики: *неопытный (голубь), молодой (кастрюля), молоденький (плита).*

Прилагательные, обозначающие характер: *гордый (цифра), ласковый (ткань), бояльчивый (муха), аккуратный (рыба).*

Прилагательные, обозначающие умственные способности: *глупенький (шмель), неосмысленный (язык).*

Все персонифицированные качественные прилагательные в приведённых списках узуальны, за исключением словообразовательного окказионализма *бояльчивый* (*О мухе. – Она бояльчивая, боится холода (5 л. 6 м.)*).

На первый взгляд, предложенная классификация отражает основные семантические векторы, свойственные процессу олицетворения в группе имен прилагательных, но атомарный анализ материала показывает, что все обстоит значительно сложнее. Сопоставим употребление одного и того же качественного прилагательного в различных контекстах: *машина сильная = мощная, костер сильный = яркий, ручей сильный = полноводный, дверь сильная = тяжелая.*

Среди рассмотренных примеров только в одном случае мы можем констатировать преднамеренное заведомое олицетворение: *Да слабенький этот «Запорожец», «Жигуленок» сильнее (6 л. 10 м.)*.

В остальных случаях персонификация прилагательного является стертой, вторичной или вынужденной вследствие неточного словоупотребления. Некоторая неопределенность персонификации весьма характерна для семантики прилагательных. – *Шелк – ласковая ткань (5 л.). – Мам, попробуй, у меня кожа ласковая! (5 л. 4 м.). У Вероники босоножки ласковые, а у меня кроссовки грубые (5 л. 2 м.)*.

Если предположить, что в прилагательном *ласковый* актуализирована сема «мягкий, гладкий», то можно констатировать отсутствие олицетворений в данных высказываниях. Бесспорно и то, что прилагательное *живой* в примере – *Этот камешек я припрячу, чтобы он завтра живой был (6 л. 2 м.)* – ребенком

употреблено в значении «целый».

Если же рассматривать всю группу примеров окказионального употребления прилагательных в речи детей, то ясно прослеживается весьма характерная особенность: вместо «пушистый» – *волосатый*, «узкий» – *худой*, «влажный» – *потненький*, «новый» – *молоденький*, «небольшой» – *молодой*, «слабенький» – *хиленький*, «широкий» – *толстый*, «толстый» – *полный*, «целый» – *полный*, «мягкий» – *нежный*, «неприглядный» – *растрепанный*.

Рассмотренная группа семантических окказионализмов свидетельствует, что вектор замены «взрослого» прилагательного детским соответствует вектору олицетворения, подчиняется давлению мощного процесса, присутствующего в детской речи и отражающего антропоморфность сознания ребенка.

А.Т. Хроленко в своем исследовании высказывает следующую мысль: «если бы каждому существительному, называющему тот или иной детонат..., соответствовало бы одно и только одно определение в форме прилагательного, мы имели бы своеобразный симметризм реалии и атрибута», однако в действительности мы наблюдаем «всякого рода «возмущения», естественный результат творческого динамизма ... устно-поэтической речи в целом» (2, с. 40). Динамизм семантики детских прилагательных носит явно антропоморфный характер. Прилагательные, обозначающие признаки человека, у ребенка, что называется, всегда под рукой, всегда задействованы, когда надо дать характеристику предмету.

Следующей особенностью персонифицированных прилагательных в речи ребенка является то, что они «работают на сокращение» высказывания, становясь метонимическим ключом ситуации. Продуктивность метонимических моделей в детской речи связана с их семантической прозрачностью, с тем, что они позволяют сжато передать информацию, которая в кодифицированном языке требует развернутых конструкций. *О красиво украшенном блюде. – Ух ты, блюдо какое элегантное! (7 л. 9 м.). – Кроссовки знаешь какие быстрые! Я их надел, они как побегут! (4 г. 11 м.). – А вот знакомый вагон. Мы когда туда шли, его видели (9 л. 4 м.). – Уходит спать. – Желая тебе приятной луны, приятных звезд и приятной ночи (5 л. 4 м.).*

В группах качественных прилагательных с персонифицированной семантикой выделяются прилагательные, объединенные по словообразовательному признаку (наличие эмоционально-оценочного суффикса –еньк-), которые в детской речи обнаруживают достаточное разнообразие значений. Эти прилагательные можно разделить на следующие группы.

1. Прилагательные с суффиксом –еньк, в которых на первый план выступает функция эмоционально-субъективной оценки с ярко выраженным мелиоративным характером этой оценки. *Гладит хлеб. – Хорошенький, меня ждешь? (7 л. 4 м.). У собаки поджата передняя лапа. – Бедненькая, безрукая! (5 л. 6 м.). Об игрушечном медведе. – Ах, ты, миленький. Ушибся, наверное (6 л. 8 м.).*

2. Оценочные прилагательные с суффиксом –еньк, содержащие экспрессию пренебрежения. – *Хиленький какой-то жук попался (6 л. 11 м.). О*

шмеле. – Сейчас глупенького поймаю (7 л.).

3. Прилагательные с суффиксом –еньк, употребляемые в тех случаях, когда речь идет о маленьких предметах. В данных формах положительная эмоциональная оценка (ласкательность) связана с актуализацией значения уменьшительности, причем суффиксы оценки теснее связаны с качественной, нежели количественной функцией, поскольку «милому свойственно быть малым» (3, с. 16).

Особого внимания заслуживают высказывания с оценочными прилагательными, не содержащими суффиксов оценки. – *Милая бабочка! Какая же ты красивая да пригожая! (6 л. 8 м.). – Ежик, наверное, думает: «Бедный я, бедный, никто не хочет меня погладить» (6 л. 1 м.).*

Если в первом примере персонифицированная оценочность предстает в так называемом классическом виде, когда лицо приписывает ценность живому существу путем выражения данной оценки через обращение, то во втором примере субъект и объект оценки, не являющиеся лицом, совпадают. Эффект олицетворения достигается с помощью прямой речи, передающей невысказанные мысли животного, дающего оценку самому себе. Необычность структуры оценочной конструкции придает яркость и «кинематографичность» олицетворяемому образу.

Таким образом, как и в спонтанной речи взрослых, прилагательные менее частотны в речи детей по сравнению с существительными и глаголами. По аналогии с «вторичной предикативностью» прилагательных, олицетворяющую их семантику в детской речи также можно считать вторичной, зависимой в подавляющем большинстве случаев от семантики производящего существительного.

Библиографический список

1. Стрельцова М.И. Образование прилагательных в детской речи // *Детская речь как предмет лингвистического изучения*. – Л., 1987. – С. 41-49.
2. Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. – Воронеж, 1981. – 164 с.
3. Родимкина А.М. Уменьшительно-оценочные существительные в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1980. – 22 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'374.822 : 811.161.1'276 : 811.112.2

Бажайкин Н.Е. Некоторые проблемы двуязычной социолектной лексикографии

Some problems of the bilingual sociolectal lexicography

Бажайкин Николай Евдокимович

Нижегородский государственный лингвистический университет им.
Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород
nbashaikin@mail.ru

Bazhaykin Nikolay Evdokimovitch

N. A. Dobrolubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod

Аннотация. В данной статье автор анализирует ряд проблем двуязычной русско-немецкой социолектной лексикографии в контексте функционального подхода. К ним относятся плюрицентричность немецкого языка, гетерогенности структуры и системы русского и немецкого языков, сложность адекватного воссоздания русской социолектной картины мира и нахождение эквивалентов для русских социолектизмов. Результаты исследования призваны внести вклад в развитие русско-немецкой лексикографии.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, социолект, русский язык, немецкий язык.

Abstract. The author analyzes some problems complicating development of bilingual Russian-German sociolectal dictionaries within the framework of the functional approach. The pluricentric nature of German, the structural and systemic heterogeneity of the Russian and German languages, complexity of an adequate reconstruction of the Russian sociolectal worldview and finding equivalents for the Russian sociolectal words are in the focus of attention. The results of research are urged to make a contribution to development of the Russian-German lexicography.

Keywords: bilingual lexicography, sociolect, Russian language, German language.

Социолектная лексикография - это раздел лексикографии, занимающийся теорией и практикой создания словарей социальных диалектов. Социолект – образование, обслуживающие коммуникативные потребности социально ограниченных групп. Если взять русский язык, то к социолектам относятся просторечие, жаргон, сленг, арго и мат [6].

В условиях интенсивной либерализации русского языка и усиления его роли на международной арене пристальный интерес исследователей вызывает двуязычная русско-немецкая социолектная лексикография, связанная с принципами лексикографического описания русских социолектов на немецком языке. На наш взгляд, в рамках двуязычной социолектной лексикографии можно рассматривать не только те словари, которые посвящены исключительно социолектизмам, но и также словари общезыкового характера, естественно, в части, касающейся лексики русских социолектов. В этой связи нельзя не назвать Русско-немецкий словарь, издаваемый под эгидой Академии наук и литературы г. Майнца (Германия) [7]. Первый том академического Русско-немецкого словаря увидел свет в 2003г. Осенью 2015г. был издан десятый том с буквой П (Посивее – приять). Всего в Словник должно войти ок. 250 000 заголовочных слов из всех сфер лексики современного русского языка – от классической русской литературы 19 века до наших дней и от общеупотребительной лексики до специальной [2; 4]. Впервые в академическом словаре рассматривается широкий пласт лексики русских социолектизмов, включающий также арготическую лексику. С целью корректного отражения

коннотаций и коммуникативных условий употребления словарь содержит тщательно разработанную систему стилистических помет: Gaunerspr., Lagerspr., Drogenspr., Jarg., Berufsjarg. и т.д.

Становление двуязычной русско-немецкой социолектной лексикографии сопровождается разнонаправленными онтогенетическими сложностями. Одной из основных проблем является плюрицентричность немецкого языка. Как известно, в отличие от моноцентрического русского языка немецкий язык является плюри- или полицентричным, что проявляется в наличии наряду с собственно немецким вариантом в Германии австрийского и швейцарского варианта немецкого языка. Плюрицентричность немецкого языка, несомненно, влияла и влияет на характер формирования и функционирования социальных диалектов.

Вторая проблема заключается в гетерогенности структуры и системы русского и немецкого языков. Так, немецкому литературному языку как стандарту противопоставлены территориальные и социальные диалекты, тогда как литературному русскому – только социальные диалекты. Помимо этого, русский язык характеризуется наличием просторечия – феномена, которому трудно найти аналог в других языках и который, согласно воззрениям исследователей [6], занимает в иерархии модели русского языка промежуточное положение между субстандартом и нонстандартом. И ещё одна немаловажная деталь - русский нонстандарт обнаруживает в отличие от немецкого нонстандарта не только жаргон, сленг, арг, но и лагерную и обценную лексику [6].

Третья проблема двуязычной русско-немецкой социолектной лексикографии заключается в сложности адекватного воссоздания русской социолектной картины мира соответствующими средствами немецкого языка. Данный социолектный фрагмент языковой картины мира, фиксирующей весьма специфическое восприятие, концептуализацию и категоризацию мира носителями русских социолектов, есть результат частного, но общезначимого конструирования социальной реальности [1, с. 25]. Необходимость более или менее точного конструирования «немецкой версии» искомого русского фрагмента ставит социолектную лексикографию перед большими, порой непреодолимыми трудностями. Практика показывает, что попытка воссоздания искомого русского фрагмента с помощью немецких эквивалентов не всегда обречена на успех [3, с.14].

Четвертая проблема видится в том, что найти немецкие эквиваленты для русских социолектизмов порой весьма сложно. Сложность заключается в том, что надо подобрать такой немецкий эквивалент, который был бы близок исходному русскому заголовочному слову по а) семантике, б) стилистической маркированности и в) образности [2, с.19]. Невыполнение данных критериев, усугубляемое отсутствием в микроструктуре словаря примеров употребления заглавных слов, может привести к некорректному отражению семантики (1) или коннотации (2) русских социолектизмов. Ср.: (1) воздух (*Jarg.*) - *Patte;

(2) вышак (*Jarg.*) - *Höchststrafe, *Todesstrafe durch Erschießen; получить вышак - *zum Tode verurteilt werden.

Устранению перечисленных выше проблем может способствовать обращение к четырёхуровневой модели, разработанной российскими и немецкими учёными [5, с. 27]. На первом уровне происходит семантическая экспликация социолектизмов средствами стандартного русского языка (часто с опорой уже на существующие лексикографические дефиниции). На втором уровне для данной экспликации средствами немецкого стандартного языка формулируется соответствующая немецкая экспликация, эквивалентная русской. На третьем уровне к данной экспликации подбирается наиболее приемлемый немецкий социолектизм. В заключение цепочка «русский социолектизм – развёрнутая русская дефиниция – развёрнутая немецкая дефиниция – немецкий социолектизм» проверяется на предмет правильности методом опроса русских и немецких информантов. На наш взгляд, применение четырёхуровневой модели, в основе которой лежит когнитивно-языковой механизм, позволяет не только корректно выбрать немецкие эквиваленты, но и расположить их по принципу убывания соответствия русским социолектизмам. Ср.: малина (*Jarg.*) - Bande, Clique, Gang.

Исследование фактического материала показало, что в качестве эквивалентов могут выступать:

а) транслитерированное слово: помпобыт (*Lagerspr.*) (*Abk. für помощник начальника лагеря по быту*) - *Gehilfe des Kommandanten in Lagerangelegenheiten*: «Pompobyt». В скобках следует зона отсылки в виде формулы «*Abk. für ...*», подаваемой в скобках. Следовательно, семантический конденсат как производное слово может описываться путем отсылки к производящему словосочетанию. Ср. также: автозак (*Berufsjarg.*) (*Abk. für автомобиль для перевозки заключённых*) - *Häftlingstransporter, Gefangenenwagen*;

б) простые слова: мокрушник (*Gaunerspr., Jarg.*) - *Mörder*;

в) сложные существительные: колымажник (*Gaunerspr.*) - *Strafgefangener*; резинщик (*Gaunerspr.*) - *Autoreifendieb*;

г) атрибутивные словосочетания: куклим (*Gaunerspr.*) - *gefälschter Ausweis*;

д) генитивные словосочетания: конторщик (*Gaunerspr.*) - *Betreiber eines Diebesnestes/einer Diebeshöhle*;

е) существительные с предлогом: колымка (*Gaunerspr.*) - *warme Mütze mit Ohrenklappen für die Strafgefangenen*; крючок (*Gaunerspr. verächtl.*) - *Polizist in einem bestimmten Revier: Revierpolizist, Kontaktbeamter*;

ё) партиципальные словосочетания: бебехи (*Gaunerspr.*) - *gestohlene Kleidungsstücke*;

ж) придаточные предложения: кассир (*Jarg.*) - *jmd., der einen Safe knackt bzw. eine Kasse aufbricht*; контейнер (*Gaunerspr., auch Drogenspr.*) - *kleine Ampulle, die verschluckt u. so ins Lager gebracht wird*.

Особенно широко используется последний способ, позволяющий раскрыть семантику заголовочного слова. Ср.: понтщик (*Gaunerspr.*) - *Dieb, der einen Menschauflauf verursacht, um die zusammenströmenden Neugierigen zu bestehlen: Taschendieb*;

посадчик (*Gaunerspr.*) - Taschendieb, der andere beim Einsteigen in öffentliche Verkehrsmittel bestiehlt;

расконвойник (*Gaunerspr.*) - Häftling, der das Recht hat, sich außerhalb der Strafanstalt ohne Aufsicht frei bewegen zu dürfen (im gelockerten Strafvollzug): Freigänger.

Как следует из приведенных примеров, описательный перевод наиболее полно раскрывает суть нетипичного для немцев явления. Но его недостатком является громоздкость, что не может не воспрепятствовать цельному восприятию перевода. Необходимо также подчеркнуть, что граница между различными приемами передачи русских социолектизмов размыта и отнесение их к одному из них в определенной степени условно.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что при разработке двуязычных русско-немецких социолектных словарей важен учёт как структурно-языковых, так и когнитивных аспектов лексикографии. Особую релевантность представляет когнитивно-языковой механизм, обеспечивающий идентификацию немецких эквивалентов и оказывающий тем самым интегрирующее воздействие на успешное становление двуязычной лексикографии.

Библиографический список

1. Бажайкин Н.Е. Неология и конструирование социальной реальности // Язык, культура и общество в современном мире: Материалы международной научной конференции 28 – 30 мая 2012 года. - Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова, 2012. - С. 25 – 26.
2. Бажайкин Н.Е. Опыт лексикографического толкования русских конденсатов в немецком языке // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы: Материалы Чтений памяти профессора А.Т. Кукушкиной. Часть I. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. - С. 13-21.
3. Бажайкин Н.Е. Особенности воссоздания одного фрагмента русской языковой картины мира на материале русско-немецкого словаря // Социальные варианты языка. Выпуск IX: Материалы международной научной конференции 5 – 6 апреля 2016 года. - Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2016. - С. 12 – 14.
4. Беленчикова Р., Беленчиков В. Russisch-Deutsches Wörterbuch (RDW) – Русско-немецкий словарь (РНС) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2010. - Вып.10. - С. 116 – 131.
5. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. - 832 с.
6. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Русистика. – 1993. - № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics2/koester-93.htm> (дата обращения: 28.04.2016).
7. Belentschikow R. (Hrsg.) Russisch-Deutsches Wörterbuch. Bd. 1: A-W – 2003, Bd. 2: G-E – 2003, Bd. 3: Ž-J – 2004, Bd. 4: K – 2005, Bd. 5: L-M – 2006, Bd. 6:

Н - 2008, Bd. 7: О – 2009, Bd. 8: П-подзона – 2011, Bd. 9: Подзор-по-сибирски – 2013, Bd. 10: Посивее-приятъ – 2015. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003 - 2015.

УДК 81'25

**Куртнизирова З.Р., Татарникова И.В., Шереметьева Е.В.
Структурные особенности англоязычных авиационных
терминологических сокращений**

Structural peculiarities of English aviation terminological shortenings

Куртнизирова Зарина Ромазановна

Крымский федеральный университет, г. Симферополь
kzt.z@ya.ru

Татарникова Ирина Викторовна

Крымский федеральный университет, г. Симферополь
tatarnikova.i@ukr.net

Шереметьева Екатерина Валериевна

Крымский федеральный университет, г. Симферополь
ksheremeteva@mail.ru

Kurt nizirova Zarina

Tatarnikova Irina

Sheremeteva Ekaterina

Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация: Целью работы является исследование сокращений в семантическом поле «авиация» и описание их структурных особенностей. Для анализа экспериментального корпуса были применены классификации сокращений, основывающиеся на использовании морфологического критерия, что позволило выделить следующие типы авиационных терминологических сокращений, а именно: (а) усечения или слоговые аббревиатуры, состоящие из частей одного слова; (б) инициальные сокращения (аббревиатуры); (в) сокращения смешанного типа; (г) сложнослоговые аббревиатуры. Наиболее частотными в авиационной терминосистеме являются буквенные разновидности инициальных сокращений.

Ключевые слова: сокращения, авиационная терминология, аббревиатура, усечение, акроним, стяжения

Abstract: The purpose of this research is to investigate shortenings in the semantic field of aviation and to describe their structural peculiarities. The experimental data has been analysed with the aid of shortening-oriented classifications which are based on the application of the morphological criterion. Among the results there is the determination of the following types of terminological shortenings used in aviation, namely: (a) truncations or syllabic abbreviations of parts of one word; (b) initial shortenings (abbreviations); (c) shortenings of a mixed type; (d) multisyllabic abbreviations. Letter-based varieties of initial shortenings have been found to be the most recurrent in the aviation terminological system.

Key words: shortenings, aviation terminology, abbreviation, lexical truncations, acronym, blends

В связи с ростом степени распространенности терминологических сокращений в научно-техническом дискурсе актуальным является изучение различных видов редуцированных терминов с точки зрения их морфологической структуры и специфики перевода.

Цель данной работы заключается в выявлении структурных особенностей англоязычных терминологических сокращений в семантическом поле «авиация». В качестве материала для исследования из терминологических словарей [4; 10; 13] было отобрано 72 лексические единицы, представляющие основные типы сокращений, которые используются в авиационной терминосистеме.

Для работы с экспериментальным корпусом использовались такие методы, как: морфолого-синтаксический анализ, анализ словарных дефиниций, что позволяет более объемно описать семантику сокращений, анализ механизмов образования сокращений, а также статистический метод для обработки полученных результатов.

Учитывая современные темпы развития науки и техники, увеличение количества сокращений является вполне закономерным. В большинстве случаев терминологические неологизмы, функционирующие в сфере научно-технического дискурса, представляют собой сложные по своей структуре образования, которые могут включать в себя несколько компонентов. Как правило, они направлены на то, чтобы наиболее полно и точно описать признаки определенного понятия, что делает их громоздкими. Следствием этого является стремление сократить термины, используя для этого разнообразные способы.

На актуальность и частоту употребления сокращений указывал О. Есперсен, отмечая, что «сокращения ... имеют параллели в других языках, но, по-видимому, нигде они не являются столь многочисленными, как в современном английском языке; они, в действительности, представляют одну из наиболее характерных черт развития английского языка на данном этапе» [8, с. 158].

С точки зрения Г.В. Антрушиной, О.В. Афанасьевой, Н.Н. Морозовой [2, с. 209], сокращение терминов можно рассматривать как очень удобный способ передачи лексического значения, характеризующийся высокой степенью универсальности в научно-технической сфере

Вместе с тем, термин «сокращение», по мнению И.А. Потаповой [9, с. 99], является достаточно неоднозначным, поскольку может обозначать не только процесс компрессии лексических единиц, но и его результат.

Существует синонимический ряд терминов, употребляющихся для обозначения понятий «процесс сокращения» и «сокращенное слово». Г.П. Терентьева выделяет следующие синонимы: «сокращение, сокращенные единицы, сокращенные слова, сложносокращенные слова, усечения, усеченные единицы, усеченные слова, частично-сокращенные слова, аббревиация, аббревиатуры, контрактуры, стяжение, акронимы, эллипсис, синкопа, апокопа, аферезис, стяжение, контракция» [11, с. 139].

З.А. Харитончик относит сокращение к второстепенным способам

словообразования в английском языке и считает его наиболее активным в письменной речи [12, с. 168]. И.В. Арнольд рассматривает сокращение как морфологический способ образования слов, предусматривающий частичное опущение звукового состава исходного слова [3, с. 134].

Многочисленность и разноплановость типов сокращений способствовали появлению разного рода классификаций. Рассмотрим те из них, которые можно считать основными.

А.Н. Елдышев выделяет следующие структурные характеристики, на основе которых строится большинство классификаций: «1) тип исходной единицы (слово, словосочетание, набор слов); количество элементов в исходном наименовании; порядок их следования и его соответствие синтаксическим нормам; 2) тип результативного аббревиатурного знака (линейная протяженность "следов": инициал, слог, слово; количество сохраняемых в составе сокращения компонентов и их соответствие числу полных слов исходного словосочетания); 3) позиция, занимаемая компонентами аббревиатур в исходных для них словах - начальная, конечная, срединная, начальная и конечная; 4) фонетические и графические особенности оформления аббревиатур; 5) наличие в их составе элементов, отсутствовавших в структуре исходного слова или словосочетания (напр., аффикса); 6) способ соединения фрагментов слов в сложных аббревиатурах – примыкание, наложение, встраивание частей слов» [7, с. 6].

Классификации В.В. Борисова [5, с. 85], Е.А. Дюжиковой [6, с. 35] и Н.Н. Алексеевой [1, с. 3] основываются на использовании морфологического критерия и, как показывает практика, являются наиболее точными и полными по сравнению с классификациями, которые были предложены другими исследователями.

Терминологический корпус, результаты описания которого представлены в данной статье, также подтверждает актуальность классификационных принципов, разработанных вышеуказанными учеными. Использование этих принципов позволило выделить следующие типы авиационных терминологических сокращений:

- усечения или слоговые аббревиатуры, состоящие из частей одного слова: accel (acceleration), cab (cabin) deg (degree), org (organise, organisation), orig (origin);

- инициальные сокращения или инициальные аббревиатуры, образующиеся из начальных букв слов сокращаемого термина: DMRS (digital mission recording system), GPS (global positioning system), AFTN (aeronautical fixed telecommunication network), KVDT (keyboard video display terminal);

- сокращения смешанного типа, включающие в себя сочетание усечения и аббревиации: A-gas (aviation gasoline), cat C flight phase (category C flight phase), CIC technology (close-in combat technology);

- сложнослоговые аббревиатуры, сочетающие в себе как редуцированные части слов, так и полные слова: AirMet service (air meteorological service), INMARSAT (international maritime satellite consortium), MEDEVAC (medical evacuation), PIREP (pilot report).

Перечисленные выше типы сокращений в свою очередь подразделяются на подтипы. Усечения можно разделить на:

- апокопы, усечение конечной части слова: SEC (Security), SIG (Signal);
- аферезис, усечение начальной части слова: TIL (Until), XS (Atmospherics);
- синкопы, усечение начальной и конечной части слова (данный подтип характеризуется малой употребительностью): Tec. (detective).

К этому типу аббревиатур можно отнести и стяжения, например: ADS (address), AGN (again), AGT (agent).

Дополнительные характеристики инициальных терминологических сокращений проявляются при их классификации с учетом особенностей их произнесения. В результате анализа фонетической структуры таких сокращений были выделены следующие подтипы:

- буквенные (произносятся как названия отдельных букв): ANC (Air Navigation Commission), ASD (Air situation display), ATB (Airport terminal building), ATC (Air traffic control);
- звуковые (произносятся как обычное целое слово): ALERFA (Alert phase), AMDA (Airlines Medical Directors Association), AMOS (Automatic meteorological observation system);
- буквенно-звуковые (произносятся как результат сочетания двух вышеуказанных способов): ATC AS (Air traffic control automated system), AT-VASIS (Abbreviated T-visual approach slope indicator system), B-RNAV (Basic area navigation).

Инициальные терминологические сокращения можно также классифицировать в соответствии с их фонетическими и морфологическими особенностями, при этом распределяя их на три подтипа:

- буквенные (или акронимы): AIC (aeronautical information circular), ICAO (International Civil Aviation Organisation);
- инициально-слоговые: АТУР (Aircraft type);
- инициально-слоеные: A-oil (aircraft oil).

В экспериментальном терминологическом корпусе также были зафиксированы сокращения смешанного типа, которые включали следующие лексические единицы:

- сокращения, образованные в результате взаимодействия элементов усечения и инициальной аббревиации: VOT (VOR test);
- сокращения, образованные в результате сочетания аббревиации и словосложения, т.е. частично сокращенные слова: CARGO-IMP (Cargo interchange message procedures manual);
- контрактуры (стяжения), которые были образованы в результате опущения срединной части слова и слияния начальных и конечных элементов: AVN (Aviation);
- телескопические слова: Vertiport (vertical+ port).

Сложнослоговые терминологические аббревиатуры в свою очередь были представлены следующими разновидностями, а именно:

- собственно сложнослоговые: WILFO (Will follow);

- сращения: Helibus (helicopter+ bus);
- накладки: Machinable (machine+readable);
- вставки: Biz-jet (business+jet);
- частично сокращенные слова: Autopilot (automatic +pilot).

По результатам проведенного исследования следует отметить, что в авиационной терминосистеме наиболее употребительными являются инициальные сокращения, среди которых весьма распространены их буквенные разновидности с характерными для них фонетическими особенностями. В экспериментальном корпусе они были представлены 43 единицами, что составляет 59 % от общего объема выборки.

В дальнейшем планируется разработать тематическую классификацию наиболее употребительных структурных групп авиационных терминологических сокращений.

Библиографический список

1. Алексеева Н.Н. Типология сокращенных лексических единиц современного английского языка : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Н. Алексеева. – М., 1984. – 22 с.
2. Антрушина Г.В. Английская лексикология / Г.В. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. – М. : Высш. шк., 2001. – 311 с.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. — М.: Высш. шк., 1986. – 296 с.
4. Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь / Под ред. Е.Н. Девниной, И.И. Павловца. — М. : Живой язык, 2011. — 514 с.
5. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия / В.В. Борисов // Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. – М. : Воениздат, 1972. – 320 с.
6. Дюжикова Е.А. Аббревиация сравнительно со словосложением (на материале современного английского языка): автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.04 / Е.А. Дюжикова. – М., 1997. – 50 с.
7. Елдышев А.Н. Строение и мотивированность сокращенных слов: автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.Н. Елдышев. — М., 1985. – 21 с.
8. Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. В.В. Пассека и С. П. Сафроновой; Под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша / О. Есперсен. — М. : Изд-во иностр. лит., 1958. — 396 с.
9. Потапова И. А. Сокращения в современном английском языке / И.А. Потапова // Учен. зап. ЛГПИИЯ. Вопросы грамматики и лексикологии. – Л. : Новая серия, 1955. – Вып. 2. – С. 99–115.
10. Словарь английских сокращений и терминов по обеспечению международных воздушных перевозок / Под ред. И.О. Тычков. — М. : ООО "Аэронавигационное консалтинговое агентство", 2004. —368 с.
11. Терентьева Г.П. Способы сокращений в терминологии нанотехнологий / Г.П. Терентьева // Омский научный вестник. — 2012. - С. 139 – 141.
12. Харитончик З.А. Лексикология английского языка: Учеб. пособие / З.А. Харитончик. — Минск : Вышэйшая школа, 1992. —229 с.

13. Dictionary of Aviation / Ed. by D. Crocker. – London : A & C Black, 2007. - 2nd ed. – 288 p.

УДК 81-22

Смирнова Ю.И. Социолект студенческого сообщества в Соединенных Штатах Америки

The social dialect of students in the United States of America

Смирнова Юлия Игоревна

КФУ имени В.И. Вернадского, Таврическая Академия

Институт иностранной филологии, г. Симферополь

smirnova_yulya@inbox.ru

Smirnova Yulia Ihorevna

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy

Faculty of Foreign Languages, Simferopol

Аннотация. Статья посвящена проблеме социальной вариативности произношения студентов США. Рассматриваются вопросы взаимозависимости региональных вариантов произношения и социального диалекта студенческого сообщества. Этот социолект дополняет территориальные диалекты, а анализ демографического состава студенческого сообщества позволяет выделить внешние факторы, повлиявшие на произносительный вариант студентов Соединенных Штатов.

Ключевые слова: языковая ситуация, норма произношения, территориальный диалект, социолект, студенческое языковое сообщество.

Abstract. The article deals with the problem of the social variability of the American students' pronunciation. The questions under consideration are of the interdependence of regional variants of pronunciation and the sociolect of the students' community. This social dialect complements the territorial dialects, and the analysis of the demographic composition of the students' community allows us to find out the external factors that have influenced the U.S. students' pronunciation variant.

Keywords: language condition, pronunciation norm, territorial dialect, sociolect, students' language community.

На сегодняшний день одной из основных проблем современной социолингвистики является проблема вариативности языка, исследования которой отображены в трудах отечественных и зарубежных лингвистов В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Ю. А. Жлуктенко, Л. Р. Зиндера, Л. В. Щербы, Т. И. Шевченко, А. Д. Швейцера, М. М. Маковского, А. Д. Петренко, Д. Кристалла, У. Лабова, П. Традгилла, Дж. Фишмана, Д. Хаймса и др.

Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью вопросов социолингвистической вариативности английского языка в Соединенных Штатах Америки. Целью работы является изучение путей взаимодействия общепринятой нормы произношения в Америке и социальных диалектов, а также анализ особенностей произношения социалекта

студенческого сообщества в США.

За прошедшие несколько десятков лет в кругу лингвистов прослеживается новая позиция по отношению к языковой литературной норме: она становится менее четкой и менее обязательной в повседневном употреблении в речи носителя языка, а литературный стандарт неизбежно подвергается трансформации. Подобные изменения привели к определенным нормативным колебаниям, которые оказывают значительное влияние на соблюдение нормы, и, в свою очередь, отражаются во множественных ошибках в ударении, снижении качества устной речи и расширении области действия диалектных отличительных черт произношения [2, с. 18].

В современной лингвистике нет единственного определения понятия «норма». В широком смысле «норма» используется с целью описания традиционно сложившегося произносительного варианта, к примеру, по отношению к территориальным диалектам. В узком смысле «норму» понимают как результат целенаправленной кодификации языка [2, с. 19]. Некоторые лингвисты определяют языковую норму как «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отобранных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» [3, с. 7]. Другие лингвисты предлагают следующее определение: «Норма – это принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [1, с. 46].

Диалектом (от греч. *dialectos* – говор, наречие) принято называть разновидность общенародного языка, которая употребляется сравнительно небольшим числом людей, связанных территориально, социальной или профессиональной общностью [5, с. 62]. Маковский М.М. определяет диалект как территориальную, временную или социальную разновидность языка, употребляемую более или менее ограниченным числом людей и отличающуюся по своему составу (фонетике, грамматике и семантике) от языкового стандарта, который сам является наиболее престижным диалектом. Языковой стандарт – образцовый, нормализованный язык, нормы которого воспринимаются как «правильные» и общеобязательные и который противопоставляется диалектам и просторечию. Любой диалект реализуется в том или ином языковом коллективе [3, с. 7]. В связи с этим, Швейцер А.Д. формулирует определение понятия «языковой коллектив» - его следует понимать как совокупность социально взаимодействующих индивидов, обнаруживающих определенное единство языковых признаков – общий инвентарь языковых единиц, общую языковую систему, общий произносительный вариант и т.п. [7, с. 71]. Термин «социолект», появившийся в современной социолингвистике лишь во второй половине 20 в., образован из двух частей: часть «социо-» указывает на отношение к обществу и «диалект». Таким образом, мы можем охарактеризовать социальный диалект (социолект) как диалект или вариант языка, которым пользуется тот или иной языковой коллектив. Реформатский А.А. определяет социолект как совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной,

возрастной и т.п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка. Термин «социолект» удобен для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, обладающих, однако, общим объединяющим их признаком: эти образования обслуживают коммуникативные потребности социально ограниченных групп людей [5, с. 61].

В современной социалингвистике в большей степени изучаются особенности лексической системы социолектов, расхождения между языковым стандартом и социолектом в фонетической и грамматической системах малоизучены. Социальный диалект, как его часто определяют, – это принятый в данном сообществе субвариант речи, который благодаря действию определенных общественных сил является характерным для определенных этнических, религиозных и экономических групп или групп индивидуумов с определенным уровнем и типом образования, сообществ без социальных диалектов не существует.

Любой социальный диалект, взаимодействуя как с орфоэпической нормой, так и с другими социолектами, выступает как определенная четко различимая языковая система: несмотря на то, что он постоянно развивается, пополняется новыми словами и новыми значениями слов, фундаментом лексического, грамматического и фонетического состава любого социолекта можно считать первые территориальные диалекты.

Социолект реализуется в ограниченных наборах коммуникативных контекстов, представляющих практику взаимодействия членов деятельностных сообществ в коммуникативных ситуациях, где могут участвовать представители различных исходных национально-языковых сообществ [6, с. 120]. Примером может служить социальный диалект сообщества, объединенного общими социальными признаками взаимодействия в академической деятельности, т.е. социолект студентов, используемый в кругу студенческого сообщества для бытовой и академической коммуникации.

Студенческое сообщество создается на основе регулярного взаимодействия людей в общей области интересов, при этом интеграция участников данного сообщества происходит путем усвоения новых лингвокультурных и языковых норм. Социолект деятельностного сообщества предполагает равные коммуникативные права для всех своих пользователей, которые участвуют в процессе вторичной социализации.

Система высшего образования в Соединенных Штатах Америки включает всего широкий диапазон высших учебных заведений – государственных и частных. К 2015 году в Америке насчитывалось около 4,5 тыс. высших учебных заведений, из которых 62% четырехгодичных ВУЗов и 38% двухгодичных колледжей. Из 4,5 тыс. учреждений высшего образования около 2,8 тыс. являются частными [8, с. 178].

С конца XX в. численность студентов в Америке увеличивалась быстрыми темпами и к 2015 г. составляла более 20 млн. человек. Такой рост количества студентов обусловлен высоким качеством высшего образования в США, а также появлением новых частных институтов и колледжей. В конце XX-начале XXI вв. произошли существенные сдвиги в расово-этническом

составе студенческого сообщества Соединенных Штатов. Численность белых студентов уверенно снижается, в то время как численность студентов, принадлежащим к различным расово-этническим группам, увеличивается. Если в 2000 г. процент белых американцев среди студентов составлял 79%, то к 2010 г. уменьшился до 73,7%. В то же время число афроамериканцев за десять лет увеличилось на 2%, а число латиноамериканцев на 2,3% [8, с. 181].

В нашей работе речи иностранных студентов-билингвалов уделялось значительное внимание, так как именно они приносят явление языковой интерференции в речь студентов, а интерференция, в свою очередь, является одной из отличительных особенностей, характеризующих речь социолекта студенческого сообщества. Таким образом, важно понять этническую принадлежность иностранных студентов. Среди иностранных студентов больше всего выходцев из Азии – на сегодняшний день около 68%, далее идут студенты из Европы (12,5%), Латинской Америки (9,5%), Африки (5%), Северной Америки (4%) и Океании (1%) [8, с. 182].

Таким образом, социолект студентов нельзя считать плохим или неправильным вариантом английского языка, т.к. он отличается от общепринятого стандарта не только по форме, но и по функции и обладает достаточным потенциалом, чтобы достигать предназначенных ему коммуникативных целей. Так, социальный диалект студенческого сообщества используется в Соединенных Штатах более чем 20 млн. человек в широком диапазоне коммуникативных ситуаций – от обмена простыми высказываниями до научной дискуссии.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Бабушкина Е.А. Фонетическая вариативность речи и норма произношения // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. - №11. – С. 18-23
3. Маковский М.М. Английские социальные диалекты / М.М. Маковский. – М.: Высшая школа, 1982. – 137 с.
4. Реформатский А.А. Введение в языкознание: учебник / А.А.Реформатский. – 5-е изд. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – 536 с.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
6. Федотова Ю.Б. Социолект студенческой молодежи современной Великобритании // Вестник ЛНУ имени Тараса Шевченко. – Ч. II. – 2013. - №9 (268). – С. 118-123
7. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 4-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2012. – 176 с.
8. U.S. Census Bureau. Statistical Abstract of the United States 2015. – U.S. Department of Commercial Economics and Statistics Administration, 940 p.

УДК 81'22

Андреянова Л.Н., Шарова И.Н. Homo ludens и его терминологическое поле

Homo ludens and its terminological group

Андреянова Лариса Николаевна

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

kaf_injaz@corp.nstu.ru

Andrejanova Larissa Nicolaevna

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

Шарова Ирина Николаевна

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

ira_english_2011@mail.ru

Sharova Irina Nicolaevna

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

Аннотация. Цель нашего изучения – анализ понятия игра: ее правил, признаков, свойств в терминологическом поле. Мы использовали такие методы исследования, как семиотический метод, концептуальный, словообразовательный, сравнительно-сопоставительный. В результате анализа, мы представили эволюционно-семиотические ряды элементов шахматных фигур

Ключевые слова: игровой компонент в деятельности человека, семиотика, терминологическое поле

Abstract. The goal of our studies is the analyses of game concept: its rules, signs, properties in terminological group. We used such methods as semiotics, conceptual, derivation, comparative benchmarking. As a result of this analysis we have presented evolutionally-semiotic rows the elements of chess game.

Keywords: game component in men's activity, semiotics, terminological group

Наше исследование посвящено игровому понятию человеческой деятельности в терминологическом пространстве. В связи с поставленной задачей, считаем необходимым рассмотреть игру с точки зрения ее философского, историко-культурного и психологического понимания. В связи с тем, что игровое понятие присуще каждому индивиду, рассмотрим одну из древних индийских игр: шахматы в процессе ее развития. На основе терминологической цепочки Ю.С.Степанова, представим эволюционно-семиотические ряды элементов шахматных фигур.

Рассуждая об устройстве государства, Сократ (в платоновских диалогах-трактатах) со своим оппонентом Адимантом говорит о роли правильного воспитания, обучения и закона в идеальном государстве. Сократ: «Следовательно, даже игры наших детей должны как можно больше соответствовать законам, потому что, если они становятся беспорядочными и дети не соблюдают правил, невозможно вырастить из них серьезных,

законопослушных граждан» [2, с. 194, 425 строка].

Нидерландский историк и культуролог Йохан Хейзинг дает свое представление игры и ее законам. Он анализирует игровой характер культуры, провозглашая универсальность ее феномена. Ученый выделяет свободную игру детей и животных, которые черпают в ней удовольствие. Взрослые люди наделены чувством ответственности, поэтому могут и обойтись без игры, так как она избыточна для них. Но потребность играть становится настоящей тогда, когда она вытекает из доставляемого удовольствия. «Игру можно отложить, она может и не состояться; она не бывает вызвана физической необходимостью и моральными обязанностями. Игра не есть какая-либо задача, ей предаются в свободное время. Но с превращением игры в одну из функций культуры понятие долженствования, задачи, обязанности, поначалу второстепенные, оказываются все больше с ней связанными» [6, с. 31].

С точки зрения психологии человеческих взаимоотношений, существует базовый принцип теории игр. Он состоит в том, что любое общение полезнее и выгоднее для людей, чем его отсутствие. Когда мы говорим, что жизнь в обществе состоит главным образом из игр, мы не имеем в виду, что происходящее забавно или участники игр не принимают их в серьез. [1, с. 8-11]. Такие спортивные игры как футбол, волейбол, биатлон, шахматы далеко не забава, а участники – игроки относятся к ним достаточно серьезно. Не вдаваясь в подробное описание значения игры Эрика Берна, выделим среди них: *историческое, культурное, социальное и личностное* [Там же, с. 186-189]. Все значения взаимосвязанные друг с другом: одно логически переходит на другое.

По мнению Й. Хейзинги [6, с. 32-35] существует четыре признака игры:

1й признак – игра свободна, она есть свобода

2й признак – игра необходима индивидууму как биологическая функция, и она необходима обществу в силу заключенного в нее смысла, значения, выразительной ценности, а также духовных и социальных связей, которые она порождает, - как культурная функция

3й признак – замкнутость и отграниченность; она разыгрывается в определенных границах места и времени, а ее течение и смысл заключены в ней самой

4й признак – игра начинается, и в определенный момент ей приходит конец

Из признаков игры «ее разыгрываемости» и повторяемости вытекает существенное свойство игры. Автор выделяет несколько ее свойств.

1. Все высокоразвитые игровые формы содержат элемент повтора, рефрен, чередование как нечто само собой разумеющееся.

2. Ограничение местом. Всякая игра протекает в заранее обозначенном игровом пространстве: материальном или мыслимом, преднамеренном или само собой разумеющемся. Арена, игральный стол, магический круг, храм, сцена, киноэкран, судебное присутствие – все они по форме и функции суть игрового пространства.

3. Внутри игрового пространства господствует присущий только ему совершенный порядок, - другое свойство игры: она устанавливает порядок. В

нашем несовершенном мире, в этой сумятице жизни она воплощает временное, ограниченное совершенство. Порядок, устанавливаемый игрой, непреложен. Малейшее отклонение от него мешает игре, вторгается в ее самобытный характер, лишает ее собственной ценности.

4. Игра норовит быть красивой, ей присущ эстетический фактор. Она связывает и освобождает, в ней есть ритм и гармония.

5. Напряжение – свидетельство неуверенности, но и наличия шанса. Этот элемент преобладает в одиночных играх на ловкость или сообразительность: головоломки, мозаичные картинки, пасьянс, стрельба по мишени. В азартных играх и спортивных состязаниях напряжение доходит до крайностей [Там же, с. 35-36].

Присущие игре свойства порядка и напряжения подводят нас к рассмотрению игровых правил. В каждой игре свои правила, они бесспорны и обязательны, не подлежат никакому сомнению. Лишь небольшое отступление от правил, и вся игра рушится в одночасье. Так, например, свисток судьи снимает все чары, и «обыденный мир» в мгновение ока вступает в свои права. Нарушитель игры, - *шпильбрехер*, тот, кто обходит установленные правила. Он ломает относительность и хрупкость мира игры, в котором он временно находится вместе с другими. Он должен быть изгнан, так как угрожает самому существованию данного игрового сообщества.

Итак, мы рассмотрели понятие игры с точки зрения ее принципов, признаков и свойств. Законы, переходящие в правила игры обязательны и должны неукоснительно выполняться, иначе любая игра потеряет смысл. В нашем исследовании игровой составляющей человека рассмотрим термины шахматных фигур в семиотическом аспекте, а именно, с позиции эволюционного ряда. Принцип эволюционного ряда – главный принцип упорядочения материала. Этот принцип существенно дополняется: в отношении между членами каждого отдельного ряда вскрываются связи иного рода – когда нечто от предыдущего звена становится знаком в звене последующем. Поскольку понятие «знак» принадлежит к более широкой сфере знаковых систем – семиотике, то мы, вслед за Юрием Степановым, называем такой ряд – эволюционным семиотическим рядом. Термин «семиотический» входит в это понятие еще и по другой причине: основное отношение между замещаемым и замещающим явлениями в эволюционном ряду очень часто оформляется знаком в прямом смысле, т.е. словом языка – название замещенного предмета или действия переходит на замещающее его. Эволюционно-семиотические ряды: в такие ряды объединяются и «вещи» и «концепты». Ряды «вещей» сочетаются с соответствующими им представлениями, – «концептами», вступая в отношения знаковости [4, с. 80].

В своей работе [3, р. 84] «Essays in Contemporary Semiotics» С. Г. Проскурин анализирует эволюционный семиотический ряд в качестве базового понятия семиотики. Данный ряд представляет культурные объекты, сгруппированные и связанные друг с другом с помощью метафоры. Это означает, что более поздний предмет замещает более ранний, так как выполняет его функцию или сохраняет его форму.

В качестве примера рассмотрим историю развития автомобиля и железнодорожного вагона, создание которого восходит к карете и к более ранней форме, - повозке. Не вдаваясь в подробное описание, можно заметить различия, которые диктовались не только потребностями техники (техническая революция конец XIX - начало XXвв.), а скорее желанием избавиться от старых форм: автомобиль занял место кареты. И, заменив в общественном быту карету, автомобиль должен был на первое время принять ее облик. Перед нами пример замещения: карета → автомобиль. Один предмет замещается другим, но их различие заключается не только в форме, но и в использовании. По тому же принципу эволюции карету модернизировали, заменив на более сложную модель: железнодорожный вагон, состоявший из нескольких купе [Там же, р. 84-87].

Делаем вывод о том, что эволюция происходит по следующей терминальной цепочке: T1 → T2 → T3

повозка → карета → вагон
англ. cart → англ. coach. railway wagon
англ. car → англ. car → англ. car

Итак, мы объяснили сам принцип эволюционно-семиотического ряда, а поскольку предметом нашего исследования является терминологическое поле шахматных фигур, то считаем возможным рассмотреть фигуры в эволюционных процессах. Шахматы, обычно, анализируется исключительно с точки зрения спортивных состязаний, международных турниров, с позиции семиотики их еще не изучали. По этой причине проведем лингвистическое исследование, посвященное эволюционно-семиотическим рядам элементов шахматной доски.

[10]

В индийском народе переходила из уст в уста легенда о маисовых зернах [5, с. 36-37]. Легенда повествует о том, что в Индии при царе Балхите некий визирь изобрел шахматы. Игра так понравилась повелителю, что он предложил визирю выбрать любое вознаграждение за свое изобретение. Подчиненный смиренно попросил в награду оплатить каждую клетку шахматной доски маисовыми зернами: за первую клетку – 1, за вторую – 2, за третью – 4, за четвертую – 8 и так далее. Сначала царь был удивлен столь скромному вознаграждению, но после осознал, что за последнюю шестьдесят четвертую

клетку нужно будет отдать 9 223 372 036 854 775 808 маисовых зерен, а за всю доску получится 18 446 744 073 709 551 615. Даже во всей Индии не нашлось бы столько маиса. Эта легенда стала одним из поводов считать Индию родиной шахмат.

На основе анализа лингвистического материала ряда индоевропейских языков, мы сочли возможным представить эволюционно-семиотический ряд первой шахматной фигуры [9, с. 194-198].

Король, - я , м.- «главная фигура в шахматной игре». □ Обычно слово *король* объясняют как одно из ранних заимствований из германских языков (вероятно, др.-в. - нем.), как переделку на славянской почве имени франкского короля Карла (Великого). Правда, хронологический момент (в VIII – IX вв. общеславянские переживания уже заканчивались или закончились, а здесь предполагается именно общеславянский процесс: *kǎrl - > *kǒrl -) вносит известные трудности при объяснении этого слова на Karl. Аналогичного происхождения, надо полагать, рус. *царь* из *цѣсарь* < (Julius) Caesar; лит. диал. (жем.) *valdýmieras* – «владыка», «государь», «правитель» - из др. рус. **Володимѣрь** и др. (см. Kiparsky, GSL, 240-242; Fraenkel, 1188 др.) [7, с. 431].

король → *kǎrl* → *kǒr*
(заимс. VIII – IX вв от общслав.)

Далее проследим эволюцию названия второго термина в игре, – **Дамка**.

Существует несколько версий ее происхождения:

1 версия *ферзь* → *ferz* → *vierge*

(заимс. из перс.) (из лат. «девственница, дева»)

2 версия *ферзь* → *королева*

(вследствие значительного усилением королевской власти в Испании при Изабелле Кастильской в конце XV века).

Из терминологии шахматной игры: *дама* - «одна из шахматных фигур»; иначе *королева* или *ферзь*. Форма на – «ка» возникла под влиянием *шашка, пешка*. [7, с. 231-232].

ферзь
дамка → *дама* → *ferz* → *королева* → «бегающий король»
vierge яп. 奔王 *хонно*

Другая фигура, – **Ладья** – обладает своим терминологическим полем.

Ладья, -и, ж.- 2. «фигура в виде башни в шахматной игре». Болг. «большая лодка» - в шахматах - тур, топ; с.-хорв. lâha – в шахматах – töp; чеш. lod', устар. lodí - в шахматах – věž; польск. łódź - но в шахматах – wieża; в.-луж. łódź – «корабль» - но в шахматах – wěža; łódźny, -a, -e; н-луж. łóz – «корабль» - но в шахматах – torm. (Rost, 399). Как термин шахматной игры *ладья* отм. в словарях с 1762 г. (Лихтен, 299). □ О.-с. *oldii, основа *oldij. В форме *ладия* это слово в древнерусском языке заимствовано из старославянского. И.-е. корень *aldh- – «корыто» (Pokorny, I, 31). Ср. лит. устар. aldijà : eldijà – «однодеревка», «челн» (совр. лит. laivėlis, vältis); дат. olde – «корыто»; норв. диал. olda – «большое корыто»; швед. диал. ålla – «дупло, продолговатое углубление»; ср. также др.-исл. alda – «волна». Но швед. lodja – «ладья» заимствовано из древнерусского языка. [7, с. 463]

ладья → *ладия* → *корыто*
однодеревка, челн
большое корыто
дупло
волна

Следующий термин, – **Слон** – у разных народов имеет самые разные названия: «шут» (fou) — у французов, «бегун» (Läufer) — у немцев, «офицер» — у болгар и украинцев, «епископ» (bishop) — в англоязычных странах. Связано это во многом с тем, что в шатрандже слон («алфил») ходил на две клетки по диагонали, перепрыгивая через фигуры, как конь; около XIII века фигуру усилили [11].

Слон → *анфил*
Шут фр. (индийск. происхождение)
Бегун нем.
Офицер болг., укр
Епископ англ.

Шахматная фигура, — **Конь** — имеет интересное продолжение в

современной фразеологии. Например, в поэзии Владимира Высоцкого, а что касается истории данного термина, то оно еще не было предметом нашего специального рассмотрения.

В. Высоцкий в песне «Честь шахматной короны», часть первая «Подготовка»:

Ничего, я тоже не подарок, —

У меня в запасе — ход конём.

[12].

Переходим к последнему термину шахматной игры, – **Пешке**.

Пешка, -и, ж «фигура низшей ценности в шахматной игре»; *разг.* «шашка». Блр. пёшка. Ср. укр. пішак – тж. ; чеш. рёšес, рёšак (также pion); польск. pieszek (чаще pionek). Ср. в.-луж. rješka – «проходимец». В болг. пёшка – из русского (обычно шпионка); с.- хорв. пи ђн [ср.франц. pion < реон – «пешка»]; во французском восходит (как и англ. pawn – тж.) к позднее-латин. pedo, вин. ед. pedomen – «пешеход», «пехотинец»; корень тот же, что и в латин. «нога». В русском языке слово *пешка* известно с XVII в. Ср. Р. Джемс (РАС, 1618-1619 гг., 58: 23): pieshki – «the pownes» [«пешки» (в шахматах)]. □ Восходит к о.-с. *рёшь (см. *пеший*); поздняя основа *рёшьк- (см. *пешком*). Скорее всего – калька с франц. pion, которое и теперь еще употр. также со старшим знач. «надзиратель», а долго (особенно в феодальную эпоху) употреблялось вообще как пренебрежительное (в речи господствующего класса) обозначение людей нерыцарского (невсаднического) звания. Ср. нем. Bauer - «пешка» (собств. «крестьянин»; к карточной игре – «валет») [8, с. 29]

пешка → *шпионка* → *пешеход (нога)*
пёшка болг. *русск.* *пехотинец лат.*

В данном научном исследовании мы попытались проследить семиотическую эволюцию ряда терминов шахматной доски, которую представили схематично. Насколько нам известно, эта проблема не была предметом специального рассмотрения. В семиотическом пространстве изучаются различные концепты. Теория развития шахматной игры еще не исследовалась в аспекте семиосферы, ввиду того, что игру воспринимают

только с точки зрения спорта. Местом происхождения шахмат является Индия, но сами названия фигур заимствованы из Персии. Представленная статья является одним из первых этапов в дальнейшем изучении элементов шахматной игры в эволюционно-семиотическом пространстве.

Библиографический список

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. / пер. с англ.; 2-е изд. – Мн.: «Попурри», 2000. – 512 с.
2. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф., Тахо-Годи А.А., – М.: Мысль, 1999.– 656с.
3. Proskurin S.G. Essays in Contemporary Semiotics. Novosibirsk, 2010. – P.140
4. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
5. Финкенцеллер Р., Цир В., Бюрер Э. Шахматы. 2000 лет истории. – СПб.: Славия, 2003. – 208 с.
6. Хейзинг Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского
8. языка: В 2 т. – М.: Рус.яз., 1999. Т. 1: А – Пантомима. – 624 с.
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Рус.яз., 1999. Т. 2: А Панцирь – Ящур. – 560 с.
10. Шарова И. Н. Эволюционно-семиотические ряды в языке и культуре: (на рубеже XIX-XX вв) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. №8. – Ч. 2. С. 194-198.
11. Шахматы: Задача о зернах на шахматной доске [Электронный ресурс]. URL: http://chili.at.ua/news/zadacha_o_zjornakh_na_shakhmatnoj_doske/2014-01-23-142 (дата обращения 10.04. 2016).
12. Шахматные фигуры. Слон. // Академик [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/12556> (дата обращения 15.04.2016).
13. Шахматные фигуры. Конь. // Академик [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/103792> (дата обращения 15.04.2016).
14. Шахматные фигуры. // Академик [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/702066> (дата обращения 15.04.2016).

УДК 81

Долженков В.Н. Знаковая координация и когнитивная оценка речевого поведения партнёра

Sign coordination and cognitive evaluation of the partner's verbal behavior

Долженков Валерий Николаевич
Российский государственный социальный университет, г. Москва

Аннотация

Статья посвящена вопросам когнитивной и прагматической организации семантики дискурса, связанным с оценкой речевого поведения партнёра в дискурсе. Вводится понятие функционального значения оценки речевого поведения партнёра в диалогической речи, как средство семантической структуры диалога для взаимодействия.

Ключевые слова: организация семантики, дискурс, номинация, координация, коммуникативная деятельность, оценка речевого поведения.

Abstract

The work deals with some problems of cognitive and pragmatic organization of the discourse's semantics in relation with evaluation of the partner's verbal behavior in the discourse. The concept of the functional value in the dialogical speech of the evaluation of the partner's verbal behavior is introduced as a mean of the dialogue's semantic building for the interaction.

Key words: organization of the semantics, discourse, nomination, coordination, communicative activity, evaluation of the verbal behavior.

Под знаковой координацией понимается базовый механизм речевой коммуникации, состоящий в том, что деятельность говорящего закономерным и необходимым образом соотносится с деятельностью слушающего (читающего) и наоборот [3].

Подчеркивание двусторонности речевого общения и его инструментального характера свойственно сторонникам школы символического интеракционизма в социолингвистике. В частности, один из видных сторонников данной школы А. Бриттен писал, что язык является средством регуляции человеческого взаимодействия. Люди используют язык как средство, дабы произвести впечатление, обмануть, принудить, обнаружить истину, выработать новый смысл деятельности. Он представляет собой как средство взаимодействия, так и механизм конфликта [4]. “В пределах языковой коммуникации «я» и «ты» предполагают друг друга с абсолютной необходимостью” [1]. Основываясь на допущении, сформулированном А. Бриттеном, можно полагать, что когнитивная оценка речевого поведения партнера, если она не случайно, а мотивировано интерактивной необходимостью, необходимо для того, чтобы регулировать человеческое взаимодействие, произвести впечатление, обмануть, принудить, обнаружить истину, выработать новый смысл деятельности.

На основе общей психолингвистической модели совокупной определенности высказывания коммуникативной деятельностью говорящего и коммуникативной деятельностью партнера по диалогу становится возможным построение координационной виртуальной модели порождения высказывания с когнитивной оценкой речевого поведения партнера. При этом возникает возможность системного описания потребности, мотива, цели, особенностей ориентирования в действительности, характерных для порождения высказывания данного типа. Также становится возможным получить

приемлемое теоретическое описание процесса формирования образа партнера и его деятельности, оценить коммуникативный вклад партнера (и его образа) в интеракцию, включить в состав теоретической модели представление о правилах речевого взаимодействия, о соответствии или несоответствии вклада партнера правилам (постулатам) поведения коммуникантов.

Теоретическая модель такого типа позволит аргументировать особенную коммуникативную необходимость высказывания с когнитивной оценкой речевого поведения партнера как знакового средства управления поведением партнера по диалогу и, через это управление, построения вербальной интеракции как социально значимого организованного целого.

В том, что было сказано М.М. Бахтиным относительно определяющей роли, как сказали бы мы сегодня, «фактора адресата» [2], на построение высказывания, содержится также и концептуальная рамка для решения вопроса об особенностях коммуникативных актов, в составе которых используются высказывания с обозначением когнитивной оценки речевого поведения партнера. Видимо, главной их особенностью является то, что коммуникант, осознавая особую значимость вербального обозначения когнитивной оценки, переживаний для партнера по диалогу (обозначение эмоций сравнительно с обозначением предметов имеет особый субъектный, антропоцентрический вес) и, соответственно, потенциальный перенос этой значимости на воспринимаемое высказывание говорящего, предпринимает знаковое действие (производит высказывание), референциально соотносящееся с когнитивной субъектностью. Высказывания данного типа производятся для того, чтобы побудить партнера по диалогу к некоторому желательному для говорящего речепсихическому действию понимания, которое может непосредственно никак внешне не выразиться, или же к речепсихическому действию, сопровождаемому ответным высказыванием, направляющему общее развитие диалога и стоящей за ним системы межличностного взаимодействия в позитивное русло.

В перспективе интерактивного рассмотрения речевого общения все более ясно очерчиваются контуры понимания диалогической номинации как продукта прагматически регулируемого выбора, а не простого отражения некоторого положения дел (в частности, некоторого когнитивного знания об активности партнера, которым располагает говорящий и которое может быть релевантным для коммуникации), причем выбора, регулируемого побуждением партнера к действиям, способствующим успеху коммуникации как интеракции.

Таким образом, высказывание с обозначением когнитивной оценки речевого поведения партнера, с одной стороны являясь своеобразным знаковым продуктом реакции говорящего на определенные свойства речевой коммуникации, с другой стороны, выступает в качестве знакового средства управления деятельностью партнера по диалогу. Речевое воздействие на партнера по диалогу осуществляется средствами высказывания с обозначением когнитивной оценки речевого поведения партнера за счет определенного обозначения свойств коммуникации, в частности, свойств, соотносенных с представлениями о мыслящем и переживающем субъекте речевого поведения.

Формирование высказывания с обозначением когнитивной оценки речевого поведения партнера знаменует осуществление первого этапа знаковой координации: речевая деятельность говорящего в диалоге соотносится с деятельностью партнера (с идеальным образом этой деятельности). На этой основе производится высказывание с обозначением когнитивной оценки речевого поведения партнера. Восприятие и понимание высказывания партнером по диалогу знаменует осуществление второго этапа знаковой координации, на котором речевая деятельность партнера по смысловому восприятию высказывания с обозначением когнитивной оценки речевого поведения партнера соотносится с речевой деятельностью говорящего, опредмеченной высказыванием. Таким образом, теоретическая модель речевого общения как знаковой координации деятельности субъектов – участников общения позволяет убедительно описать конкретный случай речевой коммуникации, дать общее детерминистское объяснение закономерностей организации высказывания определенного типа.

Библиографический список

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 220.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества – М.: Искусство, 1986.
3. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 228 с.
4. Brittain A. Meanings and Situations. – London, 1973. – P. 102.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.154

Гайипова Г.А. Коммуникативтүү фразеологизмдердин жана макал-лакаптардын структуралык жана семантикалык өзгөчөлүгү («Абай жолу» роман-эпопеясынын материалында)

Структурно-семантические особенности коммуникативных фразеологических единиц и пословиц (на материале романа эпопеи «Путь абая»)

Structural-semantic features of communicative phraseological units and proverbs (on the materials of the novel «Abai»)

Гайипова Гулипа Абдырайимовна
Казахская головная архитектурно-строительная академия, Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматриваются коммуникативные фразеологизмы и пословицы английского и кыргызского языков и их сопоставления. Примеры взяты из оригинала романа эпопеи Абай жолы.

Ключевые слова: фразеология, перевод, лексикология, наука, фразеологический оборот, примеры.

Abstract. In this article the communicative forms and comparison of the phraseological units and proverbs of two (Kyrgyz and English) languages are considered. Examples are taken from the original novel

Key words: phraseology, translation, lexicology, science, idiomatic, examples.

Фразеологизм - өз алдынча илим болбогондуктан эмес ал лексикология илиминин бир бөлүгү экени баарыбызга белгилүү болсо да – биз сөзүбүздү лексикология тууралуу эки ооз сөздөн баштайлы деп турабыз. К. Ахановдун “Тіл билимінің негиздери” деген китебинде тил илимине толук сыпаттама берип олтуруп, анын ичинде лексикология-сөздөрдүн жыйынтыгы менен тилдик сөз курулушун изилдөөчү илим экенин басып көрсөтүп кеткен. К. Аханов ар бир тилдин сөз курулумундагы сөздөр канчалык көп жана албан түрлүү маанини бергени менен алар бири-бири менен байланыштуу, өз ара шартташ элементтердин жүйөсү катары өмүр сүрүп колдонушка киригизиле тургандыгын жана өнүгүп - өркүндөй тургандыгын айтат.

Жалпы лексикологияны изилдеп келген окмуштууларыбыздын пикирлерин түйүндөп келсек басым көпчүлүгүнүн лексикология тууралуу ой пикирлери бирдей. Алар: “Чындык болумуштагы заттар менен кубулуштар жөнүндөгү түшүнүктөр жеке сөздөр менен эмес туруктуу айкаш жана көркөм сөздөр менен жана алардын эквиваленттери менен түшүндүрүлүшүн айтышат. Ошону менен бирге лексикология илими сөз менен шайкешип олтуруп туруктуу сөз айкаштарын изилдөөчү фразеологияны да (грек phrases-сүйлөмчө + logos- илим) өзүнүн төл объектиси катарында караштырат” - деген пикирге келишет.

Фразеологизмдердин өз алдынча лингвистиканын бөлүмү экенин тааныта турган үч түрдүү негизги белгиси бар.

1. Даяр калыбында колдонулушу
2. Маани туташтыгы
3. Айкаш туруктуулугу

Ушул үч белгини түшүнүү үчүн ар бирин жеке-жеке түшүнүп алууну сунуштайбыз. Фразеологизмдердин даяр калыбында колдонулушун аныктоо үчүн эркин сөз айкашы менен салыштырганда таамай ажыратууга болот. Мисалы: *Ал менин кесиптешим* деген сүйлөмдү ар түрдүү кылып өзгөртүп айтууга болот. *Ал мени менен чогуу иштейт. Ал экөөбүз чогуу иштейбиз. Биз экөөбүз бир жерде иштейбиз.* Ал эми фразеологияны мындай кубултууга келбейт. Мисалы: *кой оозунан чөп албаган (жсоош-момун, эч кимге зыяны жок)* деген фразеологияны *кой оозунан жем албаган* же болбосо *кой оозуна чөп салган* деп өзгөртүүгө такыр болбойт. Бул фразанын сырткы туруш турпаты

эркин айкашка окшогону менен ал сүйлөм ичинде колдонгондо даяр туташ түрүндө колдонулат жана анын өзүнүн көркөмдүк адабий мааниси бар. Фразеологизмдерди даяр калыбында колдоно олтуруп, анын эркин сөз айкашынан айрымачылыгын билдирүүчү өзгөчөлүгүн көрөбүз. Фразалар менен эркин айкаштын айрымачылыгын ажыратуунун түрдүү амалдары бар.

Мисалы: Ал өзү өнөрлүү, *сегиз кырдуу бир сырдуу* адам эле. (казакчадан которулган – акылман, колуна баары келген); англ: *a safe pair of hands* – колуна көп нерсе келген, чебер). Коноктор үчүн коюлган *сегиз кырдуу* стол бөлмөнүн көркүн ачып турду. Ушул жогоруда берилген эки мисалды карасак биринчиси фразалык айкаш, ал эми экинчиси эркин айкаш. Биринчи сүйлөмдө «*сегиз кырдуу*» фразеологиялык мааниге алмашкан, экинчиси «*сегиз*» деген сан атооч- тикелей сандык түшүнүк берет.

Фразеологизмдердин экинчи бир негизги белгиси- маани туташтыгы фразалардын баарынын да белгилүү бир өзүнө гана ылайык маанилик өзгөчөлүгү болот. Мисалы: *Атам замандан бери* – небак, мурда, илгертеден бери; *ат чаптырым жер-алыс* эмес аралык; *кой үстүнө торгой жумурткалаган заман* - жыргал заман; *он гүлүнүн бири ачыла элек* – жапжаш, жаштык курагы эми башталган деген фразеологиялардын баары мааниси, ажырабас биркелкилиги менен сыпатталат.

Сөз айкашынын тыянактуулугу да фразеологизмдердин негизги белгилеринин бирине жатат, ошону менен катар сүйлөм тизмегиндеги сөздөр ар адамдын каалосуна карап эмес, калыпташкан белгилүү бир жүйө аркылуу орнолошкон, ошондуктан да алардын маани тизмегинин туруктуу орун тартибин өзгөртүүгө таптакыр болбойт. Мисалы: «*куурай башын сындырбоо*» дегендин ордуна «*башын куурайдын сындырбоо*» десек сүйлөм тизмеги өзгөрүп ошону менен катар маанисин жоготот.

Биздин бул теманы тандап алганыбыздын бирден-бир себеби: студенттерди англис тилинде окута олтуруп техникалык жана кесиптик терминдер менен бирге фразеологиялык айкаштарды колдонуп окутуу кайсы тилди болсо да көрктөндүрөөрү шексиз. Мисалы: *be a bright spark* – деген сөз айкашын алсак мааниси, акылдуулугу менен өзгөчө болуу, дегенди билдирет. He is real bright spark in the group. Ал акылдуулугу менен бул группада баарынан айрымаланып турат. *a split second*-көз ирмемде (өтө тез) деген маанини билдирет. I am amazing what you can see in a split second. Мен сиздин көз ирмемде көп нерсени көрө алганыңызга таң каламын.

Фразеологиялык айкаштар сөзмө-сөз которулбайт анын ордуна көбүнчө варианттары же болбосо эквиваленти берилет. Фразеологиялык айкаштарды колдонуу студенттердин тилге деген кызыгуусун арттырат жана алардын сүйлөө ыкмасына көркөм адабий стиль берет. Фразеологизмдерди англис жана кыргыз тилдеринде гана эмес бардык эле тилдерде тилдин көркөмдүгүнүн эң жогорку жеткен чеги деп айтууга болот. Фразеологизмдер – адабий чыгарма. Жогоруда тилдик фразеологизмдер акын, жазуучулардын көркөм чыгармаларынан алынарын атап кеткенбиз. Ошону менен катар англис тилинин фразеологиясы эң көп колдонулган китеп биринчиден «Библия», экинчиден Шекспир чыгармаларында деген пикирлер айтылат. Англис тилинин

фразеологиясынын кыргыз, казак тилдеринен негизги айрымасы – англис тилине башка тилдерден кирген фразеологизмдер өтө көп, атап айтсак латын, француз ж.б. андан тышкары түрк, испан жана италия тилдеринен кирген фразеологизмдер да барчылык. Фразеологизмдер англис тилинде да кыргыз тилинде да калктын лингвистикалык чеберчилиги, тил көркөмдүгү, калк даналыгы болуп табылат. Мисалы: *a baby in arms* –колдогу (эмчектеги) бала; кырг: *оозунан эне сүтү кете элек*; *get money for old jam*-эски калдыктан акча жасоо; кырг: *оңой олжо табуу*; *behave like a bear with sore head*-өтө ачуулуу болуу; кырг: *бетинен түгү чыгуу*.

Сабак мезгилинде техникалык терминдер менен бирге фразеологияны колдонуу өтө кыйын процесс. Анын бирден – бир себеби тилди, тилдик багытта эмес техникалык багытта окутуубуз болуп табылат. Анын баары студенттердин өз алдынча изденүүсүнө таасирин тийгизет.

Англис тилинде фразеологиялык түрмөк өзүнүн курулуштук семантикалык өзгөчөлүгүнө байланыштуу бир нече топко бөлүнөт.

1. Номинативдүү фразеологиялык түрмөк.

2. Номинатив- коммуникативдүү фразеологиялык түрмөк.

3. Номинативдүү да, коммуникативдүү да сапаты жок фразеологиялык түрмөк.

4. Коммуникативдүү фразеологиялык түрмөк.

Коммуникативдүү фразеологиялык түрмөккө макал-лакаптар жана канаттуу сөздөрдү жаткызууга болот. А.И.Ефимова өзүнүн эмгегинде фразеология тууралуу кеңинен маалымат берет, ал китепте коммуникативдүү фразеологияга макал-лакаптардан тышкары жазуучулардын афоризмдерин, илимий-терминологиялык сыпаты бар термин сөздөрдү жаткызууга болот дейт.

Ал эми биздин үчүнчү тилибиз казак тилине кайрыла кете турган болсок бул тилде курулушу жагынан сүйлөмгө тең фразеологиялык тиркештер мааниси жагынан өз ара коммуникативдүү жана номинативдүү болуп эки топко бөлүнөт. Фразеологиялык тиркештердин ичинде курулушу жагынан да, мазмуну жагынан да тилдин коммуникативдүү бирдиги-сүйлөмгө шайкеш келе турган кезеңдери бар. Булар макал-лакаптар менен канаттуу сөздөр. Макал-лакаптар жана канаттуу сөздөр фразеологизмдердин катарына киргени менен алар сүйлөө кезинде жасалбай, даяр калыбында колдонулушу менен курамынын туруктуулугу эске алынат. Макалдар көбүнчө эки бөлүмдөн турат: биринчиси-жалпы шарт жана жалпы түйүндөө болсо, экинчиси-корутунду пикир. Мисалы: *кең болсоң, кем болбойсуң; бармак басты, көз кысты; эки тизгин бир чылбыр* д.б лакаптардын да жалпы ой толгоосу макалдагыдай, бирок образдуу жакындатылган түрдө айтылат. Мисалы: *айдаганы беш эчки, ышкырыгы таш жарат; кең болсоң, кем болбойсуң; бирөөгө мал кайгы, бирөөгө жан кайгы* ж.б. Макал-лакаптар курулушу жагынан - ары ыкчам, ары көркөм; мааниси жагынан – терең ой, кең мазмундуу, өтө чеберлик менен жасалган сөз өрнөгү. Макал – лакаптар далай жылды карытып, далай замандан бери келе жаткан биздин тилдик байлыгыбыз.

Кээ бир макалдар туура мааниде айтылса, кээ бирөөлөрү бурмаланган мааниде айтылат. Мисалы: Ыстыгына күйүп, суугуна тоңуу; бир буту жерде,

бир буту көрдө ж.б Макалдар – бул накыл сөздөр, англис тилиндеги макалдар структурасы жагынан лакаптарга караганда маанилүү, туюмдуу болуп келет. Макалдардын дидактикалык максаты болот, башкача айтканда тыйуу салуу, үйрөтүү, тарбиялоо сыяктуу. Мисалы: *Cut your coat according to your cloth* = *Көрпөңө карай көшүл*. *Strike while the iron is hot* = *темирди кызыган кезде сок*. *Let sleeping dogs lie* = *Жаткан жыландын куйругун баспа*.

Калкыбыздын макал-лакаптарды жасоо өнөрү менен чеберчилигин «жыгачтан түйүн түйгөн» чеберчилик менен барабар десек болот. Ордун таап колдонулган макал-лакаптар айтылган ойду мазмуну жагынан -логикаландыра, түр жагынан -көрктөндүрө алат. Студенттерди окутуунун көп жылдык жыйынтыгында байкаганыбыз, чет тилин окутууда тилди үйрөтүү менен катар ошол элдин маданиятын, салт-санаасына да чолуу жасап олтуруубуз өтө керек экенин байкадык. Сабак жүрүшүндө сөз байлыкты арттыруу максатында макал-лакаптар да колдонулат. Ар элдин макалынын түпкүрүндө ошол элдин өзүнө гана ылайыктуу улуттук касиети, улуттук өзгөчөлүгү жатат. Англис тилинин макал-лакаптарын үйрөнө олтуруп студенттер кыргыз тилинин макалдарынын котормосун же болбосо эквивалентин берет. Мисалы *East or West, home is best* деген макалды үйрөтүү үчүн анын кыргыз тилиндеги түрдүү вариантын сунуш кылат. Ошол варианттардын бири «Өз үйүм, өлөң төшөгүм». Ушундай тилди үйрөнө олтуруп анын макал-лакаптарынын же болбосо фразеологиясынын эквивалентин издөө, же котормосун берүү, же болбосо вариантын табуу студенттердин тилге деген кызыгуусун андан ары арттыра түшөт. Кыргыз тили макал-лакаптарга, фразеологиялык тиркештерге өтө бай, ошондуктан башка тилдин макал-лакап же болбосо фразеологиясынын эквивалентин дал табуу, болбосо жакындатылган вариантын берүү кыйынчылык туудурбайт деп ойлойбуз.

Колдонулган адабияттар

1. Литвинова П.П. Англо-русский словарь наиболее употребительных фразеологических выражений. Москва, «Яхонт», 2001.
2. К.Аханов Тил билиминин негиздери: 3 бас. Алматы, “Санат”, 1993 ж.
3. А.В.Кунин. Английская фразеология. Москва, “Высшая школа”, 1970 г.
4. Н.Н.Амосов. Современное состояние и перспективы фразеологии. “Вопросы языкознания”, 1986 г.
5. А.И.Смирницкий. Лексикология английского языка. Москва, 1970 г.

Электронное научное издание

**СЛОВО И ТЕКСТ В СВЕТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

30 апреля 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN: 978- 5-00-005762-7

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3.3. Тираж 500 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова
Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.
Бекетова 53.